

**ЭКОНОМИКА.
СОЦИОЛОГИЯ.
ПРАВО.**

№ 2(18)

2020

ББК 65+60+67

Э-40

Экономика. Социология. Право. № 2 (18) (2020). Брянск: БГУ, 2020. – Точка доступа: <http://profit-brgu.ru>

Размещено на официальном сайте журнала: 30.06.2020г.

Председатель Редакционного совета:

Антюхов Андрей Викторович – доктор филологических наук, профессор, ректор ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского» (БГУ).

Главный редактор:

Бабич Оксана Викторовна - доктор экономических наук, доцент, директор НИИ ФиПИ БГУ

Заместитель главного редактора:

Глушак Николай Владимирович - доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой таможенного дела и маркетинга БГУ

Редакционная коллегия:

Алексеев Андрей Алексеевич - доктор экономических наук, профессор кафедры экономики предприятия и производственного менеджмента, директор центра инновационного развития ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет»;

Артамонов Алексей Николаевич - кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин БГУ;

Бабосов Евгений Михайлович - доктор философских наук, академик, заведующий отделом Института социологии Национальной Академии Наук Республики Беларусь;

Голенкова Зинаида Тихоновна - доктор философских наук, профессор, заместитель директора Института социологии РАН по науке, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения Института социологии РАН;

Горбачёв Александр Николаевич - кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой земельного, трудового и экологического права БГУ;

Горина Светлана Алексеевна - доктор экономических наук, профессор, генеральный директор ООО «Аудит и консультирование» (г. Москва);

Гостенина Валентина Ивановна - доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социологии и социальной работы БГУ;

Донцова Людмила Васильевна - доктор экономических наук, профессор кафедры финансового контроля, анализа и аудита ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова» (г. Москва);

Кара Игорь Степанович - кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии БГУ;

Ковалева Наталья Николаевна - кандидат экономических наук, доцент, декан финансово-экономического факультета БГУ;

Ковальчук Юлия Александровна - доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и финансового менеджмента ФГБОУ ВО «Рязанский государственный радиотехнический университет»;

Крутиков Валерий Константинович - доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного права ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского» (г. Калуга);

Курбонов Абдулхайт Каримович - доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономического анализа и аудита Таджикского национального университета (г. Душанбе, Республика Таджикистан);

Лагерев Игорь Александрович - доктор технических наук, проректор по инновационной работе БИ

Макарова Галина Владимировна - кандидат социологических наук, доцент, заместитель директора по учебной работе института экономики, истории и права БГУ;

Мамедов Агамали Куламович - доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии коммуникативных систем ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова» (г. Москва);

Омелин Виктор Николаевич - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии БГУ;

Рогова Елена Моисеевна - доктор экономических наук, профессор, профессор департамента финансов, декан факультета «Санкт-Петербургская школа экономики и менеджмента» Санкт-Петербургского филиала ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;

Шилина Светлана Александровна - доктор социологических наук, доцент кафедры социологии и социальной работы БГУ.

В данном выпуске сетевого издания – электронного научного журнала «Экономика. Социология. Право» представлены материалы ученых по указанным направлениям научных исследований. Журнал предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов высших учебных заведений.

Ответственность за точность фактологического материала, используемого в статьях, несут авторы.

© БГУ, 2020

**ECONOMICS.
SOCIOLOGY.
LAW.**

№ 2(18)

2020

BBK 65+60+67

E-40

Economics. Sociology. Law. No. 2 (18) (2020). Bryansk: BSU, 2020. –Access point: <http://profit-brgu.ru>

Posted on the official website of the journal: 30.06.2020 г.

Editorial Board Chairman:

Antyukhov Andrey Viktorovich – Doctor of Philology, Professor, Rector of I. G. Petrovsky Bryansk State University (BSU).

Editor in chief:

Babich Oksana Viktorovna – Doctor of Economics, Professor, Head of the chair of Economics and Management, BSU.

Chief Editor Deputies:

Glushak Nikolay Vladimirovich – Doctor of Economics, Professor, Head of the chair of Customs Affairs and Marketing, BSU;

Editorial Board:

Alekseev Andrey Alekseyevich – Doctor of Economics, Professor of the Chair of Business Economics and industrial management, Director of the center for innovative development, St. Petersburg State University of Economics and Finance;

Artamonov Alexey Nikolayevich – candidate of Juridical Sciences, associate Professor, Head of the Chair of State and Law disciplines, BSU;

Babosov Evgeny Mikhailovich – Doctor of Philosophy, Academician, Head of the Department, Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of the Republic of Belarus;

Golenkova Zinaida Tikhonovna – Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Director for science of the Institute of Sociology of the Russian academy of science, Head of the Center for the study of social structure and social stratification, Institute of Sociology;

Gorbachev Alexander Nikolayevich – candidate of Juridical Sciences, associate Professor, Head of the Chair of Land, Labour and Environmental law, BSU;

Gorina Svetlana Alekseyevna – Doctor of Economics, Professor, Director General of OOO «Audit and Consulting» (Moscow)

Gostenina Valentina Ivanovna – Doctor of Sociology, Professor, Head of the Chair of Sociology and social work, BSU;

Dontsova Lyudmila Vasilyevna. – Doctor of Economics, Professor of the Chair of financial control, analysis and audit, Plekhanov Russian University of Economics (Moscow);

Kara Igor Stepanovich – candidate of Juridical Sciences, associate Professor, Head of the Chair of Criminal law and Criminology, BSU;

Kovaleva Natalia Nikolayevna – Candidate of economic Sciences, associate Professor, Dean of the faculty of finance and economics, BSU;

Kovalchuk Yuliya Aleksandrovna – Doctor of Economics, Professor of the chair of Economics and financial management, Ryazan state radio engineering University

Krutikov Valery Konstantinovich - Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of State Law, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky(Kaluga city);

Kurbonov Abdulhait Karimovich – Doctor of Economics, Professor, Head of the Chair of economic analysis and audit of the Tajik national University (Dushanbe, Republic of Tajikistan);

Lagerev Igor Aleksandrovich – Doctor of Engineering Sciences, Pro-rector for innovation, BSU

Makarova Galina Vladimirovna – Candidate of sociological Sciences, associate Professor, Deputy Director for educational work of Institute of Economics and law, BSU;

Mamedov Agamali Kulamovich – Doctor of Sociology, Professor, Head of the Chair of sociology of communication systems, Moscow state University;

Omelin Viktor Nikolayevich – Doctor of Laws, Professor, Professor of Criminal law and criminology, BSU;
Rogova Elena Moiseevna, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Finance, Dean of the Faculty of St. Petersburg School of Economics and Management, St. Petersburg Branch of the National Research University Higher School of Economics;

Shilina Svetlana Aleksandrovna – Doctor of Sociology, associate Professor of the Chair of Sociology and social work, BSU.

In this network edition – electronic scientific journal «Economics. Sociology. Law» you can find materials of the scientists in these areas of research. The journal is intended to researchers, teachers, postgraduates and students of higher educational institutions.

The authors are responsible for the accuracy of the factual material used in the articles.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Н.В. Глушак, В.Ф. Васькин</i> Анализ динамики и структуры производства продукции сельского хозяйства в Брянской области	9
<i>А.И. Мясоедов, С.П. Иванова</i> Занятость в неформальном секторе экономики: сущность и содержание	19
<i>О.Г. Назарова, В.А. Довыденко</i> Утечка информации как угроза экономической безопасности предприятия	28
<i>О.Г. Назарова, А.Д. Клименко</i> Информационная безопасность в период становления цифровой экономики в России.....	35
<i>М.А. Сидоров, Н.М. Румянцев</i> Стимулирование роста фонда оплаты труда на основе развития отраслей экономики	42
<i>С.Н. Смирнова</i> Местное самоуправление как фактор устойчивости сельских территорий.....	51

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>В.И. Гостенина, Ж.А. Казорина, А.Н. Гузеев</i> Современные механизмы и технологии управления кадровой деятельностью в российских организациях	66
<i>Ж.А. Казорина</i> История и теория развития метода экспертных оценок в социологии управления	73
<i>Н.А. Моисеенко</i> Электоральное поведение молодежи: управленческий аспект	80
<i>А.Ю. Никитина, С.А. Шилина</i> Социологическое исследование отношения к вмешательству в природу человека	89
<i>С.А. Шилина, А.Ю. Никитина</i> Социологическое исследование социального положения граждан пожилого возраста в Брянской области	98
<i>В.К. Щербин</i> Знаниевые цепочки как объект социальной семиотики и социологии знания (часть 1).	105

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>А.Л. Бредихин</i> Идеология и государственность	119
<i>А.Л. Бредихин, Е.Д. Проценко</i> Идеологическая функция и идеологическая деятельность государства	123
<i>М.А. Головчин</i> Моделирование формальной институционализации образовательных отношений	128
<i>Т.Н. Малая, А.А. Челмакина</i> Место наследственного договора среди распоряжений на случай смерти.....	143

CONTENTS

ECONOMICS

<i>N.V. Glushak, V.F. Vaskin</i>	
Analysis of the dynamics and structure of agricultural production in the Bryansk region.....	9
<i>A.I. Myasoedov, S.P. Ivanova</i>	
Employment in the informal sector of the economy: essence and content	19
<i>O.G. Nazarova, V.A. Dovydenko</i>	
Information leakage as a threat to the economic security of an enterprise	28
<i>O.G. Nazarova, A.D. Klimenko</i>	
Information security during the formation of digital economy in Russia	35
<i>M.A. Sidorov, N.M. Romyancev</i>	
Stimulation of growth of the payroll fund on the basis of development of economic industries	42
<i>S.N. Smirnova</i>	
Local self-government as a factor of sustainability of rural territories.....	51

SOCIOLOGY

<i>V.I. Gostenina, Zh.A. Kazorina, A.N. Guzeev</i>	
Modern mechanisms and technologies of hr management in Russian organizations	66
<i>Zh.A. Kazorina</i>	
History and theory of development of the method of expert assessments in the sociology of management	73
<i>N.A. Moiseenko</i>	
Electoral behavior of young people: managerial aspect	80
<i>A.Y. Nikitina, S.A. Shilina</i>	
Sociological research of the attitude to interference in human nature.....	89
<i>S.A. Shilina, A.Y. Nikitina</i>	
Sociological research of the social status of elderly citizens in Bryansk area	98
<i>V.K. Shcherbin</i>	
The knowledge chains as the object of the social semiotics and the sociology of knowledge (part i).....	105

LAW

<i>A.L. Bredikhin</i>	
Ideology and Statehood	119
<i>A.L. Bredikhin, E.D. Protsenko</i>	
Ideological function and ideological activity of the state	123
<i>M.A. Golovchin</i>	
Modeling formal institutionalization of educational relations	128
<i>T.N. Malaya, A.A. Chelmakina</i>	
Place of inheritance agreement among death orders.....	143

ЭКОНОМИКА

УДК: 338.43(470.333)

АНАЛИЗ ДИНАМИКИ И СТРУКТУРЫ ПРОИЗВОДСТВА ПРОДУКЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ

Н.В. Глушак

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского

В.Ф. Васькин

ФГБОУ ВО Брянский ГАУ

В статье дана оценка современного состояния аграрного сектора экономики, проведен анализ динамики изменения основных показателей развития сельского хозяйства Брянской области за 2000-2018 годы, выявлены основные тенденции развития. Отмечается что, на первом этапе реализации экономических реформ в сельском хозяйстве произошли существенные количественные и качественные изменения: разрушение производственного потенциала, снижение объемов производства, перераспределение ресурсов и производства в сторону ЛПХ. Кризисное состояние АПК начального периода реформ продолжало оказывать влияние на динамику развития и в последующие годы. До 2007 года индексы производства продукции в сельском хозяйстве были ниже, чем в целом по экономике региона. Благодаря реализации государственных программ развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия ситуация стала улучшаться. В последние годы АПК Брянской области успешно развивается.

Ключевые слова: сельское хозяйство, производство, динамика, структура, категории хозяйств, посевная площадь, поголовье, урожайность, продуктивность.

Агропромышленный комплекс представляет является важной отраслью экономики Российской Федерации. Формирование эффективного агропромышленного комплекса являются основой стабильности страны. В этой связи изучение современного состояния аграрного сектора экономики, динамики изменения основных показателей развития сельского хозяйства является актуальным.

Реализация экономических реформ в России, в девяностые годы прошлого века, привела к значительному ухудшению ситуации как в экономике в целом, так и в АПК. Реформы были начаты спонтанно, без правовой, организационной и экономической подготовки, без учета внутрироссийских особенностей и необходимости постепенного, поэтапного перехода к рыночной экономике [1,2,3,7].

Произошли существенные количественные и качественные изменения: разрушение производственного потенциала, ослабление хозяйственных связей, снижение объемов производства, государственной поддержки, конкурентоспособности, перераспределение производства в сторону ЛПХ.

Развитие агропромышленного комплекса в последние годы происходило на фоне сложных процессов в экономике, существенного влияния внешнеполитических факторов. Объем валовой продукции сельского хозяйства в 2000 г. сократился по сравнению с 1990 г. почти на 40%, в том числе на сельскохозяйственных предприятиях более чем на 60%, доля убыточных сельскохозяйственных предприятий достигла 80%. Импортные продовольственные товары в розничной торговле составляли около 40% оборота.

Рассмотрим более подробно по годам интенсивность изменения производства продукции сельского хозяйства в целом по Российской Федерации и по Брянской области за период с 2000 по 2018 годы.

В целом динамика производства продукции сельского хозяйства по России и по Брянской области практически совпадает. Так синхронно наиболее существенное увеличение было в 2011 году по сравнению с 2010 годом, а снижение в 2010 году по сравнению с 2009 годом. По стране в целом прирост составил 23%, а по Брянской области 28%, а снижение 11 и

6%, соответственно. При чем, за период с 2000 по 2007 годы в целом по стране динамика была более устойчивая, нежели чем по Брянской области. А с 20011 года отмечается уже более высокий рост производства в сельском хозяйстве региона по сравнению с темпами роста по стране. За этот период среднегодовые темпы роста производства продукции сельского хозяйства в Брянской области составили 111,5%, а по стране 104,7%.

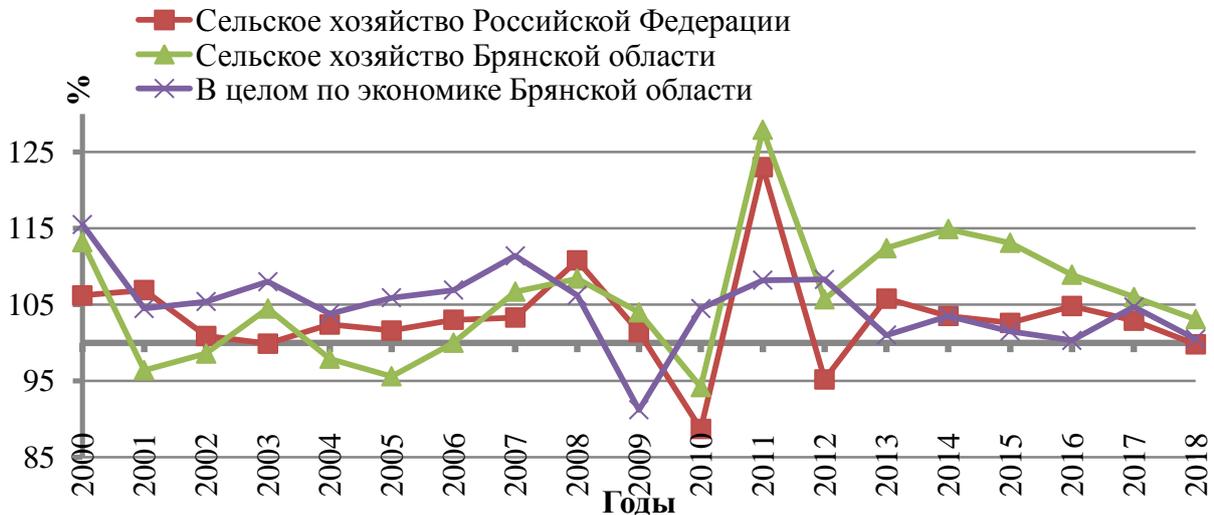

Рисунок 1 - Индексы производства продукции*
 *(в сопоставимых ценах; в процентах к предыдущему году)

Дополнительно сопоставим темпы изменения производства продукции сельского хозяйства в сравнении с темпами в целом по экономике Брянской области. В сущности, сельское хозяйство в силу инерционности природно-биологических процессов является сложной системой для анализа динамики изменения. Поэтому быстро изменить динамику в сельском хозяйстве намного сложнее, чем в других отраслях. Кризисное состояние агропромышленного комплекса начального периода реформ продолжало оказывать влияние на динамику развития и в последующие годы. До 2007 года индексы производства продукции в сельском хозяйстве были ниже, чем в целом по экономике региона. Благодаря реализации государственных программ развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия ситуация стала улучшаться.

Агропромышленный комплекс Брянской области в последние годы успешно развивается. Если исключить падение производства в неурожайные 2010 и 2012 годы, индексы роста в сельском хозяйстве выше, чем в целом по экономике Брянской области. Среднегодовые темпы роста производства продукции сельского хозяйства в Брянской области с 2008 года составили 109,0%, а по экономике в целом 102,7%. В 2018 году объем производства продукции сельского хозяйства во всех категориях хозяйств составил 85,1 млрд. рублей или 103,1% к уровню 2017 года. Доля продукции сельского хозяйства в валовом региональном продукте за последние три года возросла с 10,5 до 17,2 % [5, 10].

Наряду с изменением общего объема производства продукции сельского хозяйства продолжался процесс перераспределения между категориями хозяйств с разными укладами, механизмами хозяйствования и степенью развития рыночных отношений.

Изменялись размеры, состав и использование ресурсов каждой категории хозяйств. В 1991–1998 гг. происходило перераспределение площади пашни и поголовья животных в сторону ЛПХ

С 1993 по 2011 гг. основную часть всей продукции в Брянской области производили хозяйства населения. На их долю приходилось до 70% всего сельхозпроизводства. Во многом это было связано с перераспределением ресурсов в пользу ЛПХ и резким сокращением производства продукции в сельскохозяйственных организациях. Отчасти это связано с повышением стоимости валовой продукции в ЛПХ, с тем, что у них более высокие цены реали-

зации продукции, по которым определяется валовой выпуск. Так же имело место и завышение площадей посевов картофеля и поголовья крупного рогатого скота при текущем их учете по сравнению с данными переписи.

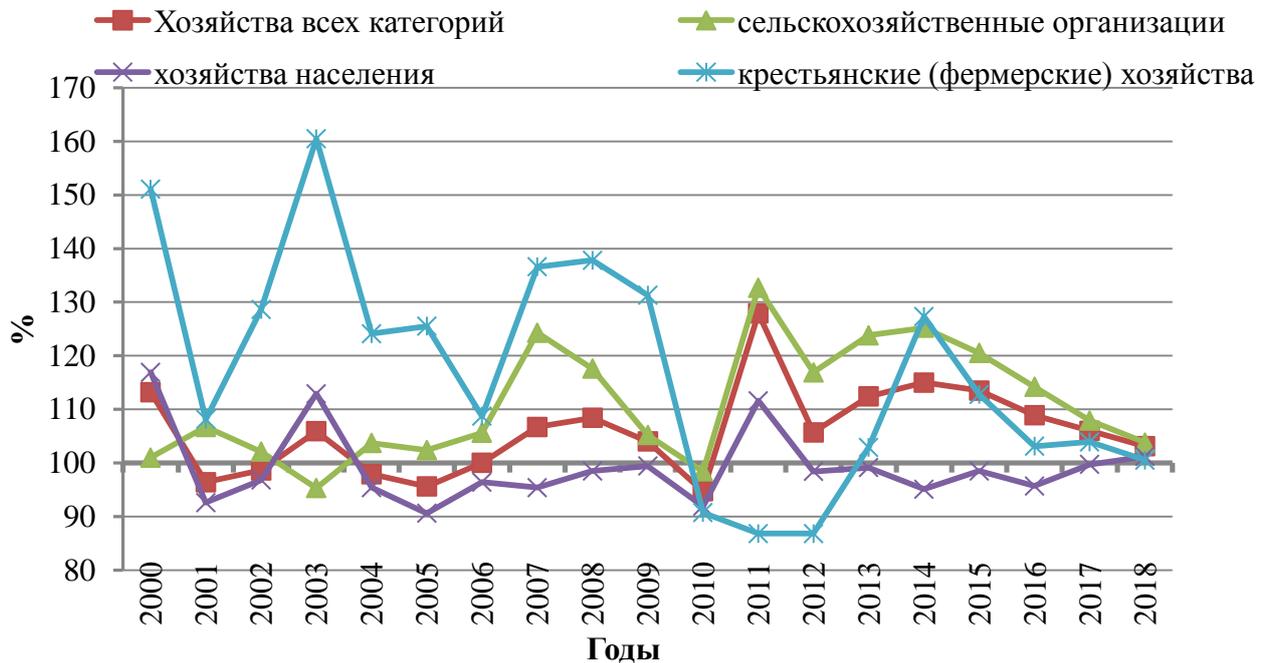

Рисунок 2 - Индексы производства продукции сельского хозяйства по категориям хозяйств по Брянской области *

*(в сопоставимых ценах; в процентах к предыдущему году)

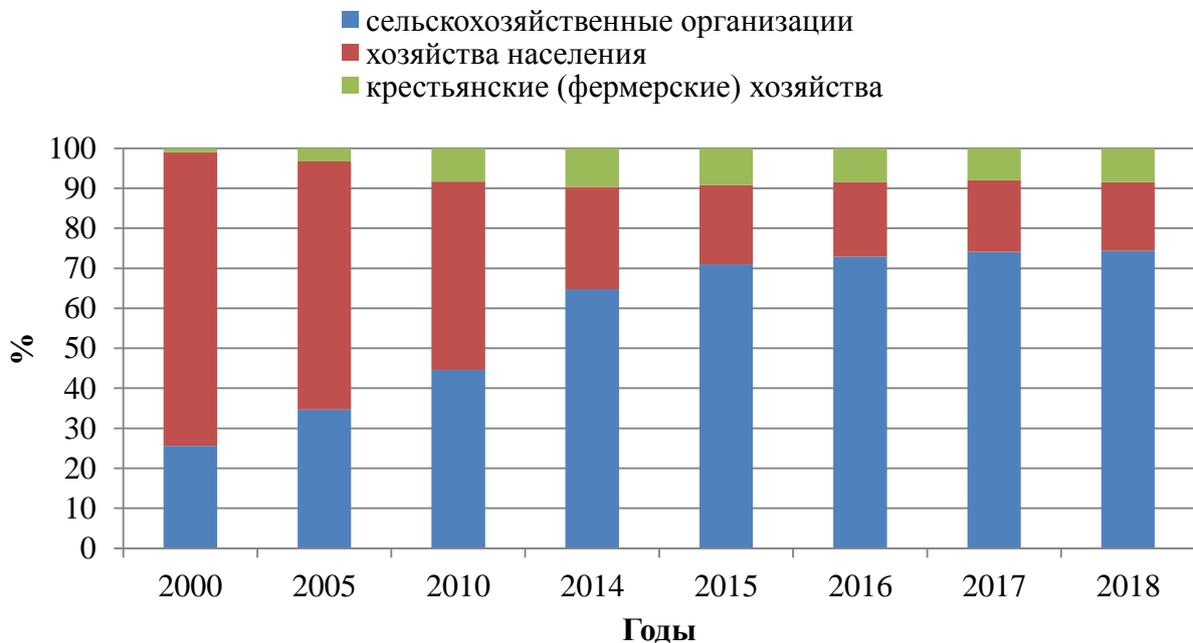

Рисунок 3 - Структура продукции сельского хозяйства по категориям хозяйств по Брянской области

В процессе продолжающейся реорганизации предприятий и приспособления их к рыночным условиям произошло значительное сокращение численности сельскохозяйственных организаций. При этом основная часть земельных ресурсов, поголовья животных в Брянской области на протяжении всего периода осталась за сельскохозяйственными организациями.

Сельскохозяйственные организации, на долю которых, должна бы, приходиться основная часть произведенной продукции, до 2000 года получали лишь около 30% от всей совокупности. Вклад крестьянских хозяйств был невелик, и составлял менее 1% .

После 2000 года наметилась обратная тенденция с увеличением доли сельскохозяйственных организаций, КФХ и снижением доли личных подсобных хозяйств в общем объеме произведенной продукции. Особенно существенным стало снижение поголовье животных в ЛПХ. С одной стороны это свидетельствует о повышении доходов селян, но с другой подчёркивает изменение отношения жителей к сельскому образу жизни. На данном этапе наиболее динамично развивающимся сектором аграрной экономики Брянской области являются фермерские хозяйства. В области реализуются ведомственные целевые программы «Поддержка начинающих фермеров в Брянской области» и «Развитие семейных животноводческих ферм на базе крестьянских (фермерских) хозяйств в Брянской области». В Брянской области по данным на 2018 год зарегистрировано 375 крестьянских фермерских хозяйств, которые обрабатывают 181 тыс. га с/х угодий, в т. ч. 150 тыс. га пашни [9, 10].

Главным элементом структурных сдвигов является значительное увеличение доли сельскохозяйственных организаций в производстве продукции сельского хозяйства. За 2000-2018 годы удельный вес сельскохозяйственных организаций увеличился с 25,6 до 74,4%. Улучшилась экономика сельскохозяйственных организаций, получила развитие деятельность крупных агропромышленных формирований.

В 2018 году 17,0% продукции произведено личными хозяйствами населения, 74,4% – сельхозорганизациями и 8,6% – фермерскими хозяйствами.

Для более подробного анализа динамики производства продукции сельского хозяйства необходимо рассмотреть размеры, состав и использование ресурсов.

В регионе имеется всего 1874,3 тыс. га сельскохозяйственных угодий, в том числе 1174,9 тыс. га пашни.

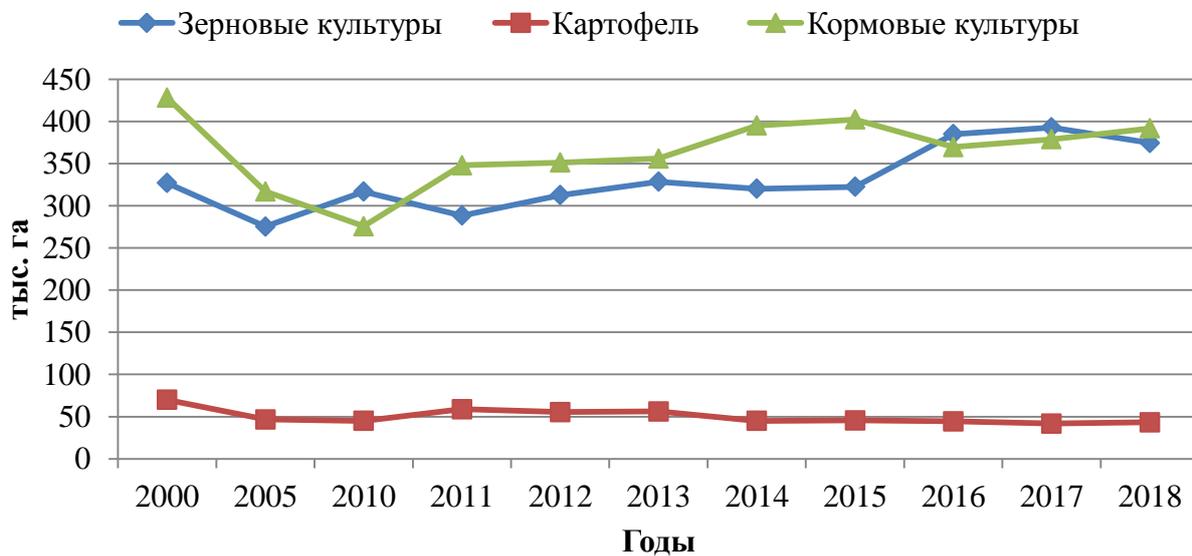

Рисунок 4 - Посевные площади сельскохозяйственных культур в хозяйствах всех категорий по Брянской области (тысяч гектаров)

Посевная площадь сельскохозяйственных культур в хозяйствах всех категорий области в 2018 году по сравнению с 2000 годом увеличилась на 39, а по сравнению с 2017 годом 11 тыс. га и составила 871,3 тыс. га.

При этом динамика изменения по годам и отдельным видам культур неравномерна. Так до 2008 года прослеживалась тенденция к сокращению, как в целом всей площади посевов, так и по отдельным культурам. Посевные площади сельскохозяйственных культур в хозяйствах всех категорий в 2010 году по сравнению с 2000 годом уменьшилась на 169 тыс. га,

в основном за счет сокращения площади посевов кормовых культур (на 152 тыс. га). На местах нередко имела место ситуация с «брошенными сельхозугодьями». В регионе смогли вернуть земли в сельскохозяйственный оборот [3].

В дальнейшем площадь посева росла, в 2018 по сравнению с 2010 годом прирост составил 208 тыс. га. Были увеличены площади под зерновыми (пшеницей, рожью, ячменем, гречихой, кукурузой на зерно), техническими (рапсом, соей, льном-долгунцом, подсолнечником), кормовыми культурами. Площадь посадок картофеля с 2005 года стабилизировалась на уровне 45-50 тыс. га. Но произошло существенное изменение площади посадки картофеля по категориям хозяйств. До 2000 года 90% площади приходилось на хозяйства населения, а в 2018 эта доля составила уже менее 45%. Существенно возросла доля КФХ в структуре площади посадок картофеля, с 1 до 27%.

По поголовью скота в сельхозпредприятиях Брянщина занимает 1 место в ЦФО и 2 место в России. На 01.01.2019 года поголовье КРС во всех категориях хозяйств 491 тыс. голов, в том числе в предприятиях – 450,6 тыс. голов. Поголовье коров в хозяйствах всех категорий - 199,4 тыс. голов, свиней - 306,8 тыс. голов, птицы – 13,5 млн. голов [10].

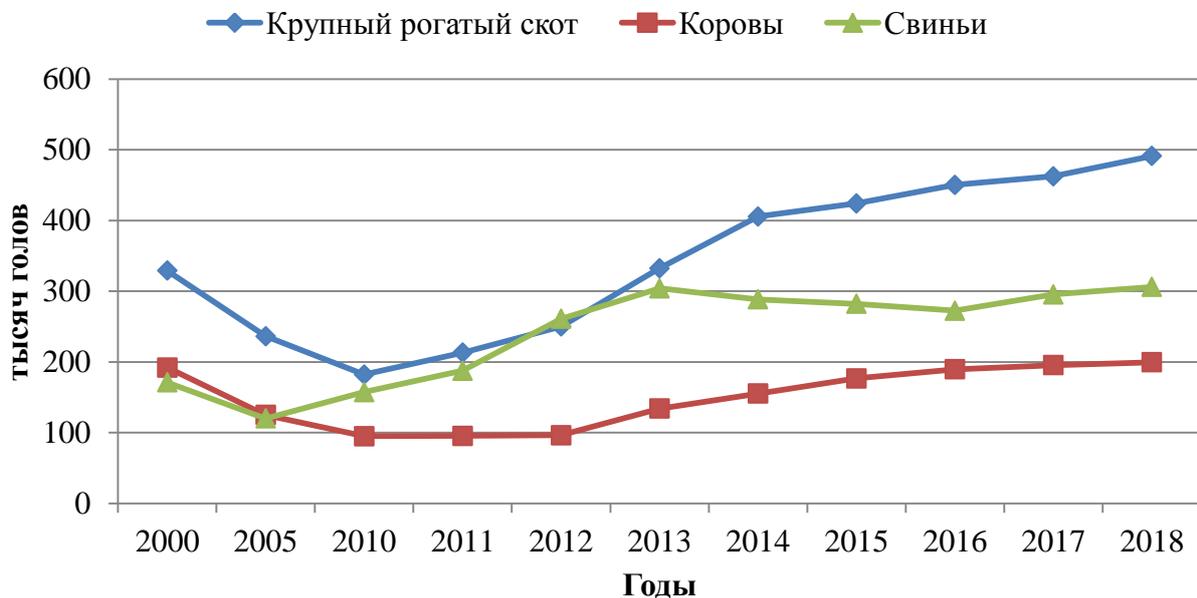

Рисунок 5 - Поголовье скота в хозяйствах всех категорий (на конец года; тысяч голов)

Основная доля поголовья животных в Брянской области на протяжении всего периода остается за сельскохозяйственными организациями. Поголовье крупного рогатого скота в КФХ в динамике имеет тенденцию к росту, но по-прежнему не превышает 5% от общего поголовья. На 1 января 2019 г. поголовье КРС составляет 22,5 тыс. голов, из них коров 10,5, овец и коз - 5,2 тыс. голов – свиней 464 гол.

Существенно сократилось поголовье животных в личных подсобных хозяйствах населения. Поголовье коров в ЛПХ за последние 18 лет сократилось на 83, а свиней на 70%. Снижение поголовья в ЛПХ обусловлено из-за опасности распространения африканской чумы свиней и за счет проигрыша конкуренции с крупным производством.

В целом положительная динамика изменения поголовья скота в хозяйствах всех категорий объясняется значительным ростом поголовья в сельскохозяйственных организациях после 2010 года. Благодаря реализации крупных инвестиционных проектов в мясном скотоводстве, свиноводстве и птицеводстве по сравнению с 2010 годом поголовье КРС увеличилось в 2,7 раза, свиней и птицы в 2,0 раза.

За последние годы отмечается значительное увеличение объемов производства сельскохозяйственной продукции. Однако изменения по отдельным периодам и в разрезе отдель-

ных видов сельскохозяйственной продукции не однородны. Так до 2010 года прирост производства в целом был несущественным, а по производству молока, яиц произошло снижение.

Наибольший прирост производства характерен для зерна, картофеля, мяса скота и птицы. Валовой сбор по данным культурам в отчетном периоде по сравнению с 2010 годом вырос соответственно в 4,4 и 1,9 раза, производство мяса скота и птицы (в убойном весе) в 3,6 раза.

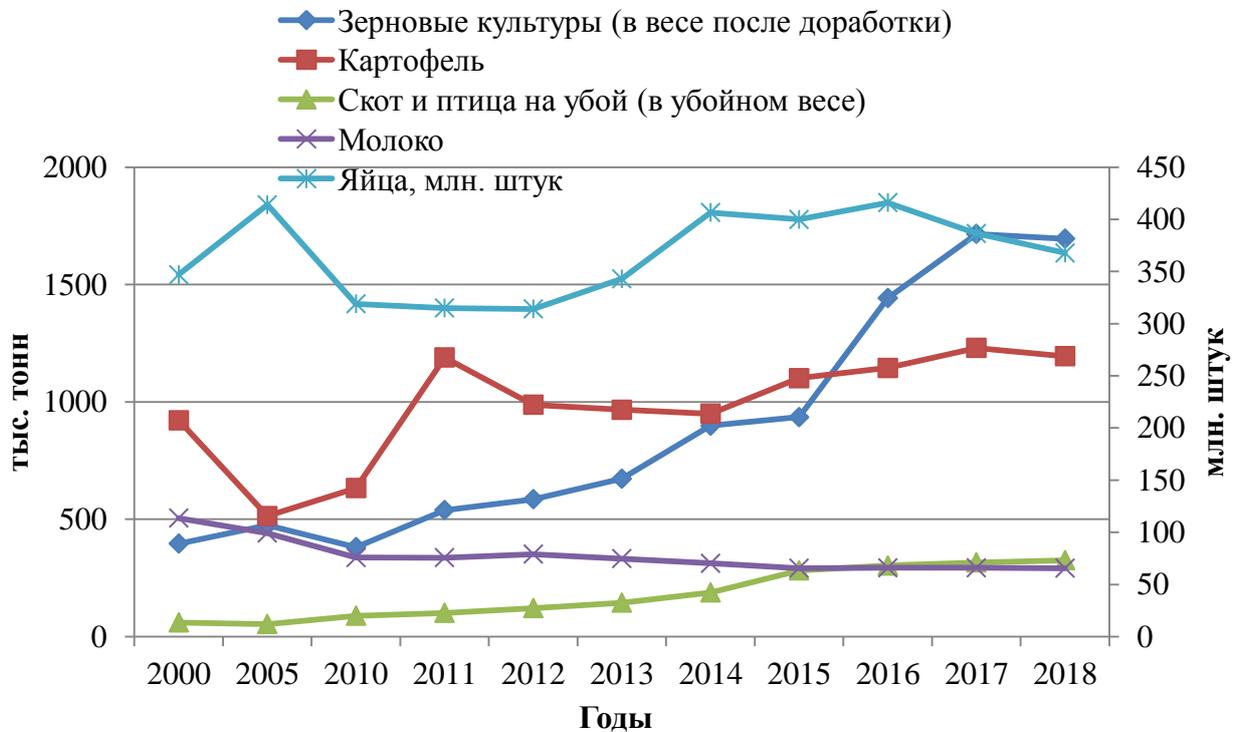

Рисунок 6 - Производство сельскохозяйственной продукции в хозяйствах всех категорий

В хозяйствах всех категорий собрано 1695 тыс. тонн зерна в весе после доработки. По урожайности зерновых культур Брянская область занимает 1 место в Центральном федеральном округе и 4 место в Российской Федерации; урожайность во всех категориях хозяйств 51,2 ц/га. Наивысшая урожайность зерновых культур достигнута благодаря использованию новых элитных сортов, интенсивных технологий, четкого соблюдения агротехнологий выращивания [8].

Одним из важнейших резервов прироста урожайности зерновой группы и производства зерна в целом является выращивание кукурузы на зерно, доля которой во всей зерновой группе в 2018 году составила свыше 20%, занимаемая площадь – 76 тыс. га. В 2018 доля зерна произведенного фермерскими хозяйствами в валовом производстве зерновых по области составила 20 процентов.

Продукция зерновой отрасли востребована в связи с резким увеличением поголовья сельскохозяйственных животных в крупных животноводческих предприятиях.

Брянская область является лидером среди регионов России по производству картофеля. В 2018 году произведено картофеля 1196 тыс. тонн. В фермерских хозяйствах - 312 тыс. тонн, что составляет 24% от производства картофеля в целом по области. Основным фактором роста валового сбора картофеля является увеличение урожайности. За 2000-2018 годы урожайность увеличилась в 2,4 раза, с 116 до 279 ц с 1 га. Рост объемов производства картофеля позволил снизить зависимость нашего рынка от импорта, увеличить экспортные поставки и освоить переработку картофеля.

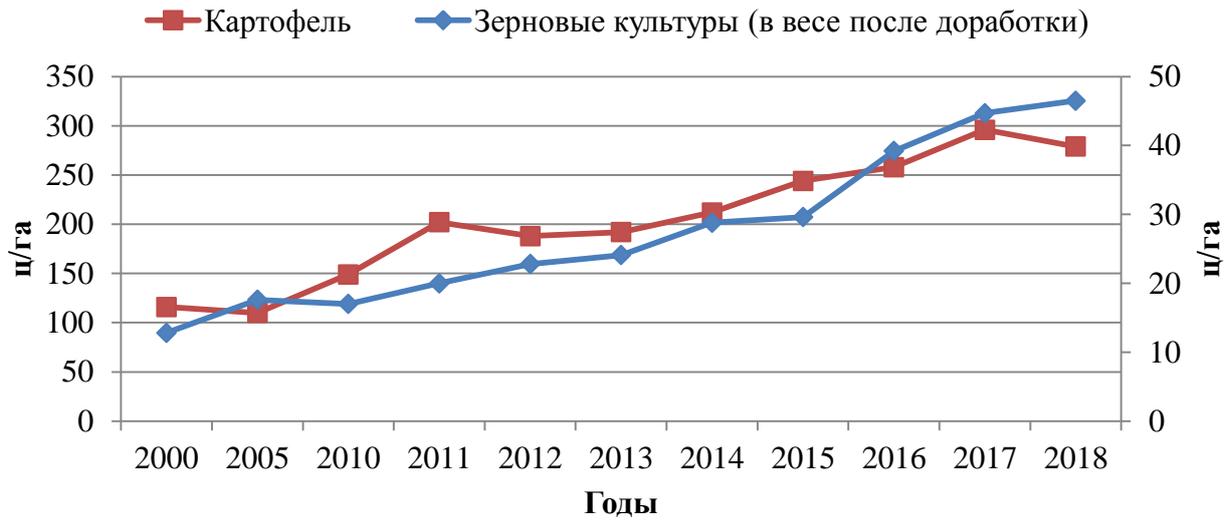

Рисунок 7 - Урожайность сельскохозяйственных культур в хозяйствах всех категорий (центнеров с одного гектара убранной площади)

В животноводческом направлении продолжается рост производства мяса скота и птицы. Активно развивается мясное скотоводство за счет крупных агропромышленных формирований (АПХ «Мираторг», агрохолдинг «ОХОТНО» и др). В структуре производства продукции на крестьянско-фермерские хозяйства приходится 6% от общего объема произведенного мяса. За 2018 год производство мяса (скота и птицы на убой в хозяйствах всех категорий) по уточненным данным составило более 420 тыс. тонн. Для данного вида продукции характерно последовательное наращивание производства без существенных колебаний по годам. Среднегодовые темпы роста за 2010-2018 годы составили 121,4%. В настоящее время в регионе активно развиваются свиноводство и птицеводство.

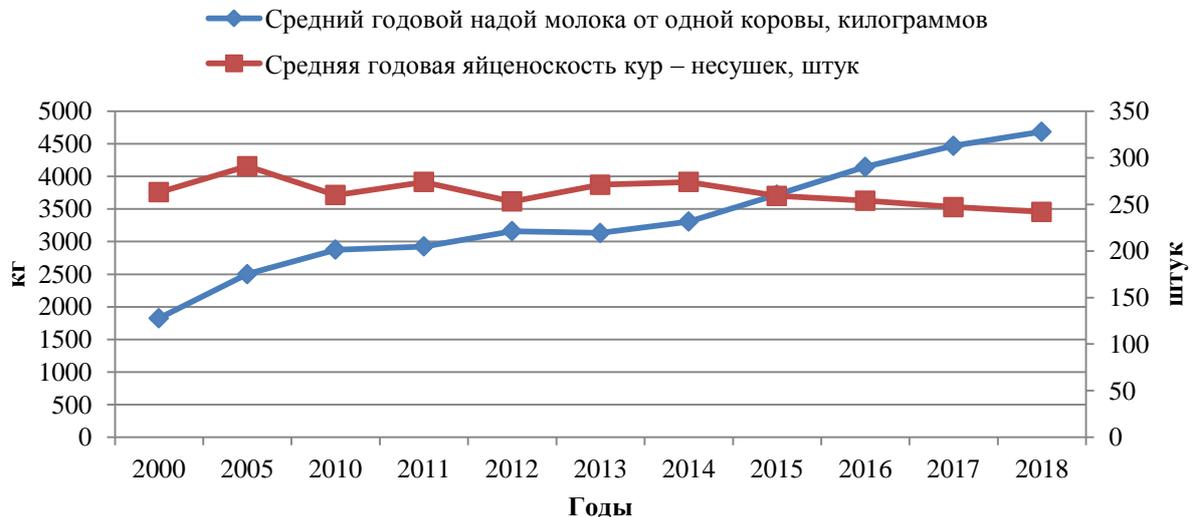

Рисунок 8 - Продуктивность скота и птицы в хозяйствах всех категорий

Производство молока в хозяйствах всех категорий составило 290,7 тыс. тонн, в сельхоз предприятиях – 230,4 тыс. тонн или 79%. В структуре производства продукции на крестьянско-фермерские хозяйства приходится 15% от общего объема произведенного молока, что на 14 процентных пункта выше по сравнению с 2000 годом. Существенно снизилась доля личных хозяйств населения в структуре производителей молока. Так удельный вес ЛПХ снизился с 61% в 2000 году до 6% в 2018 году.

Многолетняя тенденция по сокращению поголовья коров имеет прямое влияние на общее снижение валового надоя молока. Производство сырого молока в 2018 году составляет 86% от уровня 2000 года. Основное снижение было в период до 2015 года, с 505 до 291 тыс. тонн, а в последующем наблюдается стабилизация объемов производства молока. Производство молока в промышленном секторе (сельхозорганизации и КФХ) имеет устойчивую тенденцию к росту начиная с 2010 года, а производство в хозяйствах населения, напротив – сокращается с 2005 года.

Сокращение поголовья коров, компенсируется ростом продуктивности молочного стада. Прирост валового надоя молока в промышленном секторе обусловлен в основном ростом продуктивности коров молочного стада. Надой в сельхозорганизациях в 2018 году составил 4675 кг молока, что в 2,6 раза выше уровня 2000 года.

На первом этапе реализации экономических реформ в сельском хозяйстве произошли существенные количественные и качественные изменения: снижение объемов производства, перераспределение ресурсов и производства в сторону ЛПХ. Объем валовой продукции сельского хозяйства в 2000 г. сократился по сравнению с 1990 г. почти на 40%, в том числе на сельскохозяйственных предприятиях более чем на 60%, доля убыточных сельскохозяйственных предприятий достигла 80%. Импортные продовольственные товары в розничной торговле составляли около 40% оборота.

На данном этапе АПК Брянской области успешно развивается. Реализация государственных программ развития сельского хозяйства, существенная государственная поддержка, рост спроса на отечественную сельскохозяйственную продукцию способствовали увеличению объемов производства и формированию положительной динамики развития отрасли. Изменился подход к ведению сельскохозяйственного производства в регионе. Внедряются инновационные технологии, используется современная техника, результаты научных исследований, активизировалась работа по социальному развитию сельских территорий. Улучшилась экономика сельскохозяйственных организаций, получила развитие деятельность крупных агропромышленных формирований. При этом наиболее динамично развивающимся сектором аграрной экономики Брянской области являются фермерские хозяйства. Среднегодовые темпы роста производства продукции сельского хозяйства в Брянской области с 2008 года составили 109,0%, доля продукции сельского хозяйства в валовом региональном продукте возросла до 17,2 %.

Список использованных источников

1. Ушачев И.Н. Стратегические направления устойчивого развития агропромышленного комплекса России // АПК: экономика, управление. 2016. № 11. С. 15.
2. Опыт организации рационального использования земель сельскохозяйственного назначения в крупных агрохолдингах Брянской области / Ториков В.Е., Чирков Е.П., Соколов Н.А., Лебедево Е.Я., Михайлов О.М., Иванюга Т.В. Брянск, 2014.
3. Васькин В.Ф., Коростелева О.Н. Современные особенности функционирования крестьянских (фермерских) хозяйств в Брянской области // Вестник Брянской государственной сельскохозяйственной академии. 2020. № 3 (79). С. 59-65.
4. Кузьмицкая А.А. Инновационно-ориентированная производственная деятельность в АПК Брянской области // Актуальные вопросы экономики и агробизнеса. Сборник статей IX Международной научно-практической конференции. 2018. С.222-225.
5. Ториков В.Е., Васькин В.Ф., Подольникова Е.М., Потворов А.И. Динамика численности населения и занятости в сельской местности // Вестник Курской сельскохозяйственной академии. - 2019. - № 2. –С. 110-118.
6. Васькин В.Ф., Васькина Т.И. / Состояние и перспективы инновационного развития аграрного сектора экономики России / В сборнике: Актуальные вопросы экономики и агробизнеса Сборник статей X Международной научно-практической конференции. 2019. С. 63-68.

7. Ожерельев В.Н., Ожерельева М.В. Конкурентоспособность региональных АПК: теория и практика. Москва, 2007.
8. Государственная программа «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия Брянской области» (2017–2020 годы) [Электронный ресурс] // Режим доступа <http://docs.cntd.ru/dokument/>.
9. Официальный сайт департамента сельского хозяйства Брянской области [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://depagro32.ru/>
10. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Брянской области [Электронный ресурс] // Режим доступа <https://bryansk.gks.ru/>

Сведения об авторах

Глушак Н.В.- д.э.н, доцент, заведующий кафедрой таможенного дела и маркетинга ФГБОУ ВО БГУ имени академика И.Г. Петровского
Васькин В.Ф. - кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики ФГБОУ ВО Брянский ГАУ, e-mail: kafec@bgsha.com, тел: +7 (48341) 24-6-87

UDK: 338.43(470.333)

ANALYSIS OF THE DYNAMICS AND STRUCTURE OF AGRICULTURAL PRODUCTION IN THE BRYANSK REGION

N.V. Glushak

Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education
«Bryansk State Academician I.G. Petrovski University»

V.F. Vaskin

Department of Economics Bryansk State Agrarian University

The article assesses the current state of the agricultural sector of the economy, analyzes the dynamics of changes in the main indicators of agricultural development in the Bryansk region for 2000-2018, identifies the main development trends. It is noted that, at the first stage of the implementation of economic reforms in agriculture, significant quantitative and qualitative changes occurred: the destruction of production potential, a decrease in production volumes, the redistribution of resources and production towards private farms. The crisis state of the agro-industrial complex in the initial period of reforms continued to influence the dynamics of development in subsequent years. Until 2007, production indices in agriculture were lower than in the region's economy as a whole. Thanks to the implementation of state programs for the development of agriculture and the regulation of markets for agricultural products, raw materials and food, the situation began to improve. In recent years, the agro-industrial complex of the Bryansk region has been developing successfully.

Key words. agriculture, production, dynamics, structure, categories of farms, sown area, livestock, productivity, productivity.

References

1. Ushachev I.N. Strategicheskie napravleniya ustojchivogo razvitiya agropromyshlennogo kompleksa Rossii // АПК: экономика, управление». 2016. № 11. С. 15.
2. Opyt organizacii racional'nogo ispol'zovaniya zemel' sel'skohozyajstvennogo naznacheniya v krupnyh agroholdingah Bryanskoj oblasti / Torikov V.E., Chirkov E.P., Sokolov N.A., Lebed'ko E.YA., Mihajlov O.M., Ivanyuga T.V. Bryansk, 2014.

3. Vas'kin V.F., Korosteleva O.N. Sovremennye osobennosti funkcionirovaniya krest'yan-skih (fermerskih) hozyajstv v Bryanskoj oblasti // Vestnik Bryanskoj gosudarstvennoj sel'sko-hozyajstvennoj akademii. 2020. № 3 (79). S. 59-65.
4. Kuz'mickaya A.A. Innovacionno-orientirovannaya proizvodstvennaya deyatel'nost' v APK Bryanskoj oblasti // Aktual'nye voprosy ekonomiki i agrobiznesa. Sbornik statej IX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. 2018. S.222-225.
5. Torikov V.E., Vas'kin V.F., Podol'nikova E.M., Potvorov A.I. Dinamika chislennosti naseleniya i zanyatosti v sel'skoj mestnosti // Vestnik Kurskoj sel'skohozyajstvennoj akademii. - 2019. - № 2. –S. 110-118.
6. Vas'kin V.F., Vas'kina T.I. / Sostoyanie i perspektivy innovacionnogo raz-vitiya agrarnogo sektora ekonomiki Rossii / V sbornike: Aktual'nye voprosy ekonomiki i agrobiznesa Sbornik statej X Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. 2019. S. 63-68.
7. Ozherel'ev V.N., Ozherel'eva M.V. Konkurentosposobnost' regional'nyh APK: teoriya i praktika. Moskva, 2007.
8. Gosudarstvennaya programma «Razvitie sel'skogo hozyajstva i regulirovanie ryn-kov sel'skohozyajstvennoj produkcii, syr'ya i prodovol'stviya Bryanskoj oblasti» (2017–2020 gody) [Elektronnyj resurs] // Rezhim dostupa <http://docs.cntd.ru/dokument/>.
9. Oficial'nyj sajt departamenta sel'skogo hozyajstva Bryanskoj oblasti [Elektronnyj resurs] // Rezhim dostupa: <http://depagro32.ru/>
10. Territorial'nyj organ Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Bryanskoj oblasti [Elektronnyj resurs] // Rezhim dostupa <https://bryansk.gks.ru/>

Author`s information

Glushak N.V. - Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education «Bryansk State Academician I.G. Petrovski University» Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Department of Customs and Marketing of the Bryansk State Academician I.G. Petrovski University

Vaskin V.F. - Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics Bryansk State Agrarian University, e-mail: kafec@bgsha.com, tel. +7 (48341) 24-6-87

ЗАНЯТОСТЬ В НЕФОРМАЛЬНОМ СЕКТОРЕ ЭКОНОМИКИ: СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ

А.И. Мясоедов, С.П. Иванова

Московский государственный Психолого-Педагогический Университет

В данной статье мы ставим своей целью представить некоторые аспекты, касающиеся занятости в неформальном секторе экономики, а также основные аспекты, отличающие неформальный сектор экономики от формального сектора. Мы обратимся к структуре неформального сектора с точки зрения занятости, а также к его основным особенностям и чертам, сосредоточившись на трех основных критериях: социальном, политическом и экономическом. Что касается структуры неформального сектора, то мы сосредоточимся на трех категориях рабочей силы: малые предприятия (микропредприятия) или формальные (зарегистрированные) фирмы, но также и неполный рабочий день и неформальная деятельность.

Ключевые слова: неформальная занятость, занятость в неформальном секторе, экономика, налоги, работники

Экономика теперь оперирует только понятиями и явлениями, которые имеют место в формальной экономике, то есть всем, что подлежит регулированию. В этом отношении неформальность можно было бы считать, на мой взгляд, отсутствием формальности, необычным явлением, исключением из того, что считается нормальным в экономической науке, то есть из формальности.

Как говорит Талеб, в своей работе «Черный лебедь», есть два способа изучения социальных явлений. Первый заключается в том, чтобы отключить экстраординарное и сосредоточиться на нормальном, а второй подход предполагает изучение самых необычных форм явления, чтобы понять его, особенно если оно имеет экстраординарный эффект. Почти каждое событие общественной жизни вызвано редкими потрясениями и колебаниями, но со многими последствиями. Однако почти все, что изучается из социальной жизни, требует только нормального анализа [12]. По этой причине Талеб рекомендует аналитикам и социальным экспертам уделять больше внимания экстраординарным явлениям, а также редким и менее распространенным явлениям. Талеб считает важным изучение экстраординарных явлений, которые он называет пластичными, черными лебедями, так как они могут принести существенную информацию, которую легче объяснить обычными событиями.

Проводя параллель с мнением Талеба, мы думаем, что изучение неформальности может принести дополнительные знания, которые могли бы помочь исследователям и даже экономической науке в целом, облегчая понимание контекста экономических и экономических явлений, как работают механизмы формальной экономики.

Исследование неформального сектора экономики также необходимо по следующим причинам [2]:

- неформальная экономика оказывает значительное влияние на предложение и спрос рабочей силы, денежную массу в экономике, спрос и предложение товаров и услуг и т. д;
 - неформальная экономика оказывает значительное влияние на экономическое поведение всех экономических субъектов, а именно: отдельных лиц, экономических агентов и государства;
 - неформальная экономика может как заменить, так и дополнить формальную экономику;
 - неформальная экономика не только гипотетична, ее существование столь же реально и постоянно, как и формальная, поэтому она не может быть искоренена, но, по крайней мере, ограничена уровнем, который считается приемлемым и контролируемым;
 - неформальная экономика, как представляется, вместе с бюрократической системой государства является регулятором микро - и макроэкономических равновесий и дисбалансов;
- Обзор литературы.** Неформальность рынка труда рассматривалась в работах многих

исследователей, но основными исследованиями, о которых мы сообщаем, когда говорим о занятости в неформальном секторе экономики, являются исследования Кита Харта (1973), Джона Харриса и Майкла Годаро (1968) и Гэри Филдса (1975, 2008).

Для этого исследования использовались качественные методы исследования, а акцент был сделан на описательные и объяснительные методы. Неформальность существует во всем мире, но ее доля в экономике варьируется от страны к стране, в зависимости от: степени развития, имплицитного размера производительности труда, уровня жизни, местных традиций и специфики и т.д.

Неформальность тем более такова: степень развития страны и уровень жизни граждан ниже, производительность труда ниже, уровень коррупции выше, нормативные акты более обременительны, правоохранительные органы более произвольны и беспристрастны [9].

Комплексный анализ неформальной системы может быть проведен с учетом трех основных критериев: политических, экономических и социальных [5].

В зависимости от этих ключевых критериев может быть определен ряд других субкритериев, которые используются для определения совокупности видов деятельности неформального сектора.

Основным подкритерием о политическом аспекте:

- Правительственные постановления;
- Противозаконная деятельность;
- Валовой национальный продукт (ВВП).

Эти субкритерии, следуя анализу, могут показать влияние неформального сектора (включая отсутствие государственного регулирования, незаконную деятельность и, как следствие, существенные ошибки в измерении ВВП) на политику и наоборот.

Основными субкритериями экономического аспекта являются:

– рынок труда (в том числе незадекларированная работа, отсутствие социальных льгот, отсутствие подходящих условий труда и т.д.). Исходя из этого критерия, мы можем определить неформальный сектор как совокупность всех видов приносящей доход деятельности, за исключением тех, которые основаны на контрактной работе и правовом регулировании.

– незадекларированный доход или уклонение от уплаты налогов. Определение неформального сектора, основанное на этом критерии, представляет собой сумму всех необъявленных налогооблагаемых доходов с намерением уклониться от уплаты налогов.

– мера активности. Этот критерий относится к числу лиц, не работающих на законных основаниях.

– профессиональный статус (самозанятые работники, семейные работники, подмастерья, служащие и т. д.). Этот критерий предназначен для проведения различия между наемными и самозанятыми работниками.

– статус деятельности по отношению к нормативным актам. Этот критерий учитывает отношение деятельности или бизнеса к государственным нормативным актам, независимо от того, зарегистрированы они юридически или нет.

– национальная статистика и валовой внутренний продукт (ВВП). Неформальная система вызывает искажения в расчетах ВВП, поскольку неформальная деятельность не учитывается в бухгалтерском учете и поэтому не отражается в ВВП.

Третий критерий, социальный, имеет несколько подкритериев:

– Легкость вхождения в неформальную систему. Он пришел к выводу, что очень легко войти в неформальную систему с помощью метода знания. Друг друга - это ключевые слова и способ неформального входа. Этот тип социальной сети очень важен для разделения подпольной экономики на различные сферы.

– Автономность и гибкость. Многие участники неформального сектора, особенно в развитых странах, выбирают этот сектор для большей автономии, гибкости и свободы передвижения по сравнению с формальным сектором.

– Выживание. Этот критерий характерен не только для развитых стран, но и только

для бедных.

Неформальный сектор отличается от формального рядом специфических особенностей. По мнению некоторых авторов, наиболее важными чертами неформального сектора являются [9,10,5,3]:

- высокое неравенство доходов;
- рыночная власть связана с неформальностью и чаще всего с неэффективными институтами;
- относительно небольшой (в среднем чуть более года) период, в течение которого работники работают в неформальном секторе;
- более высокий уровень гибкости на рынке труда, чем в формальной системе;
- неформальная деятельность происходит как вне, так и внутри формальной системы и взаимодействует с формальной системой;
- фрагментарно;
- низкая производительность;
- отсутствие официальных правил;
- существует сочетание различных неформальных видов деятельности, потому что иногда только один вид деятельности не приносит достаточного дохода;
- представляют собой важный элемент замаскированной безработицы;
- существует большая легкость вхождения в неформальный сектор благодаря отсутствию бюрократии;
- представлять собой ворота на рынок труда, особенно для молодежи, неквалифицированных рабочих и замужних женщин и детей;
- товары и услуги стоят дешевле, чем в формальном секторе;
- базируется в основном на социальных, семейных сетях.

Экономические особенности двойной экономики (неформальной) можно разделить на три категории [1]:

- Генеративные признаки - подзадача; завышение или переплата заработной платы, прибыли или других чистых результатов деятельности; субъединица отчета между затратами на нарушение правовой нормы и затратами на ее соблюдение; субъединица отчета между выгодами от повторного вхождения в формальную экономику и выгодами от пребывания в неформальной экономике.;

- Структурные признаки - осмотический слой между первичной экономикой и дуальной экономикой, который можно было бы назвать осмотической экономикой, рассматриваемой автором как лаборатория формальной неформальной экономики и лаборатория неформальной экономики ее формализации; незаконный характер используемых ресурсов или незаконный характер использования незаконных ресурсов, независимо от того, является ли цель деятельности незаконной или законной; институциональное дерегулирование, сопровождающееся жестким специальным неинституциональным регулированием; наличие коррупции как фактор возникновения и защиты.

- Оперативные признаки [6]:

- Конфетный синдром, при котором автор понимает склонность двойственной экономической деятельности эксплуатировать только один раздел общего распределения ресурсов, то есть тот раздел, который приносит наибольшую глобальную выгоду получателю неформальной деятельности (например, игнорирование охраны окружающей среды или защиты биологических работников);

- Синдром панциря относится к тому факту, что неформальная экономика, некогда представлявшая собой совокупность видов деятельности, испытывает серьезные трудности в расширении или распространении именно из-за повышенного риска ее обнаружения правительственными наблюдателями. С экономической точки зрения, в неформальной экономике нет эффекта масштаба;

- преобладание промежуточных кассовых операций;

- вмешательство транснационализации;
- отсутствие просроченной задолженности, в основном за счет использования предоплаты наличными деньгами; появление особой формы неинституциональной, криминальной, защиты экономических субъектов, которая нередко распространяется на некоторые структуры, принадлежащие к формальной экономике.

Наиболее часто используемой характеристикой неформального сектора является легкость, с которой он может войти в этот сектор. Неформальный сектор экономики предпочитается активным населением только как альтернатива формальному, люди всегда предпочитают заработать немного денег, даже на черном, а не выиграть ничего. Важные особенности дуализма рынка труда связаны с тем, что формальный сектор предлагает привлекательные зарплаты и условия труда, в то время как неформальный сектор предлагает непривлекательные. Это приводит к первой характеристике неформальной экономики: рабочие предпочитают формальную работу и соглашаются работать в неформальном секторе только в качестве альтернативы.

Другой момент заключается в том, что неформальная экономика имеет свою собственную двойственность, объединяя эти две характеристики [2].

Широкое эмпирическое исследование показало, что трудовые доходы в неформальном секторе невелики. Например, Сударшан и Унни (2003) считают, что работа в неформальном секторе - это деятельность по выживанию для очень бедных людей, и показатель неформального сектора высок, составляя 35-85% несельскохозяйственной занятости в Азии, 40-97% в Африке и 30-75% в регионе Латинской Америки и Карибского бассейна [4].

Ключевая идея свободного входа в неформальный сектор заключается в том, что все желающие могут получить работу. "Работа" включает в себя как предпринимателей, так и наемных работников. Барьеры для выхода на рынок труда практически отсутствуют. В некоторых ситуациях, особенно в городском секторе, все, что должно делать активное население для работы, - это инвестировать минимальные суммы в определенные продукты или услуги, которые они затем продают. В случае семей или общин, проживающих в сельской местности, эти продукты в обязательном порядке должны храниться для их собственного потребления [4].

Наличие рабочих мест в неформальном секторе может стать мощным инструментом для объяснения сопоставимого или даже более низкого уровня безработицы в развивающихся странах по сравнению с развитыми странами [13].

Стандартное определение безработицы предполагает, что человек является безработным, если он не выполнил ни одной работы, оплачиваемой в течение последней недели, даже в течение часа. В бедных странах, где нет системы страхования по безработице, большинство бедных людей не могут позволить себе зарабатывать больше, чем недельный доход. Таким образом, в той мере, в какой бедные могут быстро найти возможность заработать деньги на неформальной работе, они ею воспользуются. Вот почему в этих странах безработица относительно низка. Из-за легкого способа получения таких рабочих мест необходимо найти другие способы установления заработной платы на основе производительности труда (Fields, 2008).

В другой работе, неформальность рассматривается как проявление отношений между экономическими агентами и государством, а точнее как процесс выхода или исключения с рынка труда [9]. Работники могут добровольно уйти с формального рынка труда, когда они считают, что неформальная работа приносит им больше выгод с точки зрения затрат, или могут быть исключены из формального рынка труда, когда бюрократия чрезмерна или когда фирмы решают уволить их.

Согласно специальному выпуску Eurobarometer, 4% европейцев сообщают о том, что в течение предыдущего года они занимались незаявленной деятельностью за пределами своей работы, а 11% признают, что покупали товары или услуги черного цвета. По данным Еврокомиссии, значение теневой экономики составит от 7 до 16% ВВП ЕС, или от 7 до 19% от общего числа заявленных рабочих мест. С учетом резервов, выставленных выше, в странах

Европейского Союза, в 2013 году подпольная экономика будет составлять примерно 18,9% от активности или 2,1 трлн. Евро. Австрия имеет самую низкую (7,6%) долю незадекларированной экономики по сравнению с ее ВВП, а Болгария имеет самый высокий показатель (31,9%). Такие страны, как Германия, Великобритания и Франция, находятся в верхней части списка стран с самой низкой долей незадекларированной экономики (среди Австрии, Нидерландов, Ирландии, скандинавских стран), значительно опережая страны, где она является наиболее важной (Болгария, Румыния, Греция, Италия).

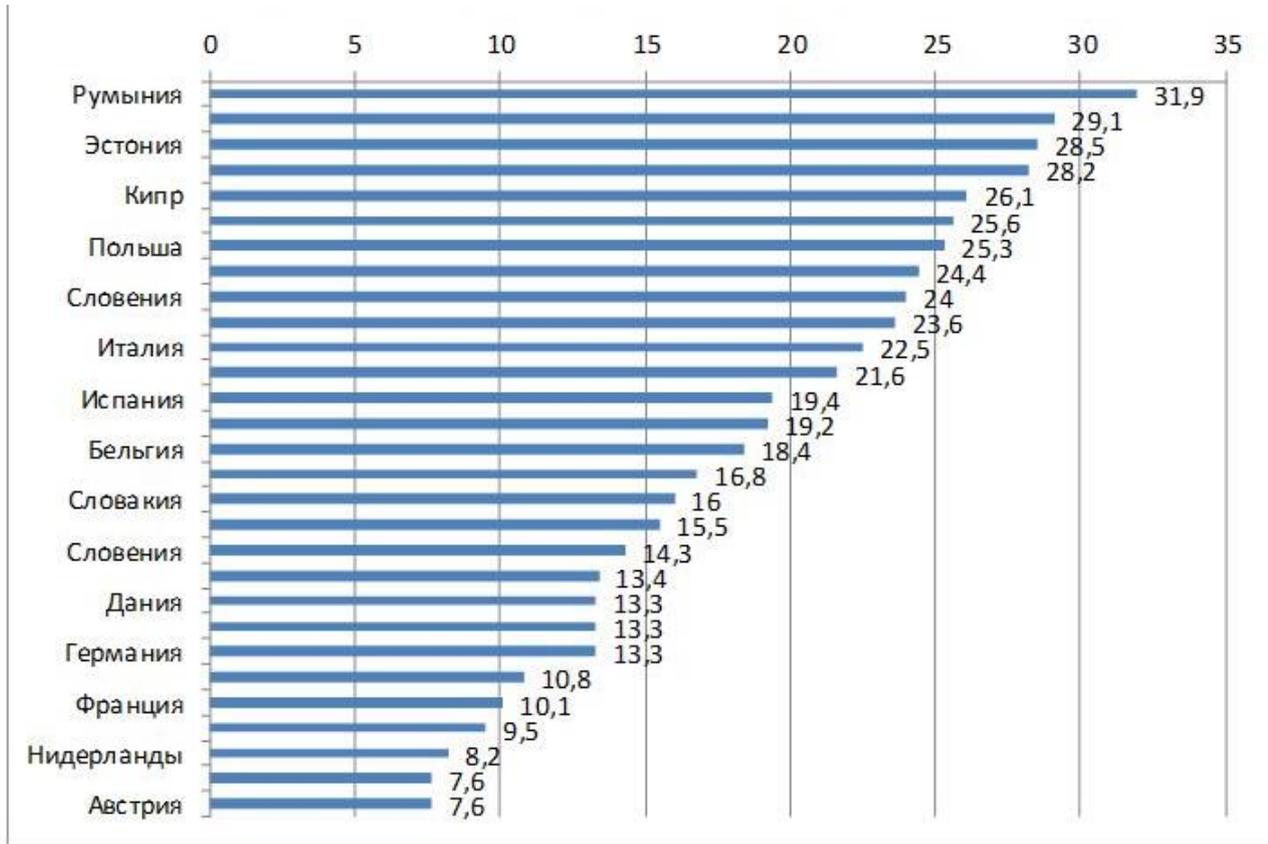

Рисунок 1 - Доля незадекларированной экономики в европейских странах в % ВВП 2018 г.

Источник: OECD, 2018. States of Fragility 2018, Paris: OECD Publishing

Основные оценки незадекларированной экономики (по налоговой декларации и незадекларированной работе) сходятся к уровням, которые часто достигают 10% ВВП в западных странах, приближаясь к 50% в развивающихся странах, чтобы превысить этот уровень. Следует отметить, что, несмотря на международные усилия по гармонизации, особенно в рамках так называемой статистической группы Дехли, статистические данные очень легко сопоставимы между странами. По данным ОЭСР, 1,8 миллиарда человек во всем мире будут работать без контракта и социального обеспечения.

Существует также сильная корреляция с уровнем безработицы при устойчивом уровне, что не может удивлять: работники испытывают потерю дохода, которую они пытаются компенсировать, а также, интенсивная конкуренция между работниками на рынке труда, позволяет работодателям навязывать условия, которые появляются регулирование. В то же время в краткосрочной перспективе нестабильные работники первыми страдают от экономического спада и снижения активности.

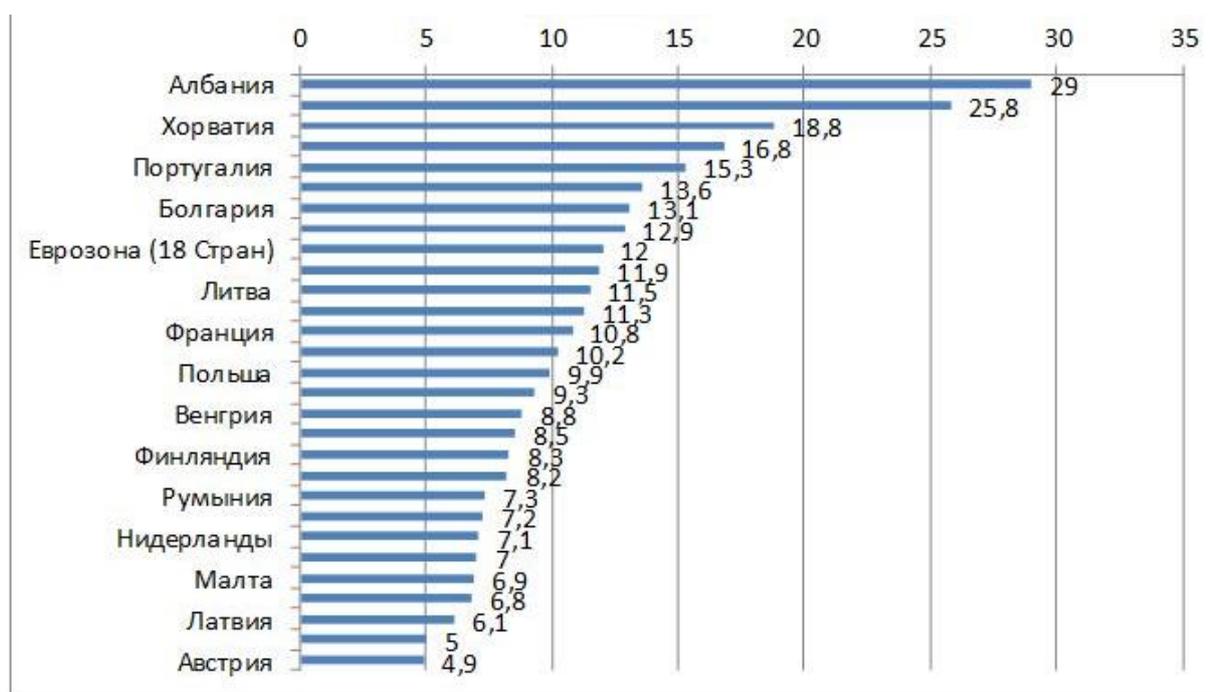

Рисунок 2 - Уровень безработицы в европейских странах на 2018 г.
 Источник: OECD, 2018. States of Fragility 2018, Paris: OECD Publishing

В 1990-е годы на международном уровне глобализация способствовала развитию неформальной рабочей силы. Международная конкуренция меняет отношения между работодателями и работниками и подталкивает компании нанимать низкооплачиваемых работников или отдавать производство на аутсорсинг.

Структура неформальной системы, в зависимости от ее состава, включает рабочую силу, малые предприятия или фирмы в формальном (зарегистрированном) секторе, но также и частично занятые неформальной деятельностью [11].

Рабочая сила включает в себя:

- работники, особенно пожилые и молодые люди, которые предпочли бы работу в официальной (формальной) системе, но не могут ее найти;
- работники, которые добровольно отказались от формальной занятости, чтобы начать собственное дело, где они являются своими собственными менеджерами и где они могут получать более высокий доход и в то же время могут избегать уплаты налогов и пошлин;
- женщины, особенно состоящие в браке и имеющие детей, покидают формальный сектор и переходят в неформальный сектор, прежде всего за неимущественные выгоды (например, гибкость работы, позволяющая им справляться как со своими профессиональными, так и бытовыми обязанностями.)

К малым предприятиям (микропредприятиям) относятся:

- фирмы, которые либо не намерены, либо не имеют потенциала роста и поэтому не хотят и не нуждаются в контакте с государственными институтами;
- компании, которые хотели бы развиваться, но которые борются с правилами и чрезмерными издержками, навязанными формальной системой, а затем стремятся найти свое решение в неформальной обстановке.

Формальные фирмы. Несмотря на то, что они официально зарегистрированы, они активно занимаются формальной, неполной занятостью, которая помещает их в неформальный сектор, например:

- декларировать более низкие доходы, чтобы платить сниженные налоги;
- не надо оформлять договоры на всех работников, поэтому некоторым платят по

черному, таким образом избегая выплат по социальному страхованию.

Структура рабочей силы, функционирующей в неформальной системе, состоит из двух категорий работников, а именно самозанятых работников и наемных работников [7].

- Работают самостоятельно - они сравнительно хорошо платят, и включают в себя:
 - небольшой семейный бизнес,
 - независимые специалисты (врачи, юристы, учителя и т.д.)
 - рабочие с некоторыми профессиональными навыками (ремесленники, строители, водители и др.)
 - неквалифицированные рабочие (метельщики, другие уличные работы и т.д.).
- Неформальные сотрудники включают в себя:
 - работники на домашнем труде,
 - неквалифицированные рабочие на малых предприятиях,
 - работники крупных фирм, работающие нелегально;
 - контрактники, которые не получают регулярной зарплаты, но которым платят в процентах, комиссионные.

В случае микропредприятий, работающих в неформальном секторе, они имеют следующие характеристики [8]:

- это семейный бизнес;
- есть один, максимум два работника;
- (большинство) работа в строительстве, обрабатывающей промышленности и сфере услуг;
- имеют очень высокий процент неудач, поскольку владелец бизнеса в большинстве случаев не обладает предпринимательскими навыками и не может должным образом оценить трудности и издержки своего бизнеса. Это справедливо как для слаборазвитых, так и для развитых стран.

В качестве вывода можно констатировать, что большинство исследований в развивающихся и развитых странах, касающихся неформального сектора (доли в общей численности рабочей силы, ее структуры и возможности компаний и работников работать неформально) выглядит следующим образом:

- существуют значительные различия между показателями неформального сектора в том смысле, что показатель неформального сектора в развивающихся странах значительно выше;
- существуют существенные различия между мотивациями компаний и работников выбирать неформальную систему в зависимости от уровня развития государства, частью которого они являются;
- существуют значительные различия между структурой и размером неформального сектора в каждой стране, и это зависит от макроэкономической политики, проводимой в каждом государстве, а также от культуры и предрасположенности граждан к неформальности;
- существуют существенные различия между мотивациями работников внутри каждой страны в зависимости от: отрасли деятельности (городской или сельской), пола, возраста, уровня образования и квалификации, традиций, специфики местности, субъективных желаний.

Список литературы

1. Dinga, E., 2008. «Consideratii teoretice privind evaziunea fiscală vs fraudă fiscală» in Studii Financiare - Abordări teoretice și modelare, vol. 12, issue 4, pages 20-50;
2. Dinga, E., 2009. «Studii de Economie. Contribuții de analiză logică, epistemologică și metodologică», Bucharest: Economica Publishing House;
3. Fields G. S., 1975. «Rural-Urban Migration, Urban Unemployment and Underemployment, and Job Search Activity in LDC's» in Journal of Development Economics 2: 165-188;
4. Fields Gary S, 2008. «Segmented Labour Market models in developing countries», Cornell University ILR School, paper 162;

5. Gërxfhani K., 2004. «The informal sector in developed and less developed countries: A literature survey» in *Public Choice*, vol. 120, issue 3-4, pp. 267-300;
6. Harding P., Jenkins R., 1989. «The Myth of the Hidden Economy: Towards a New Understanding of Informal Economic Activity», Philadelphia: Open University Press, Milton Keynes;
7. Harris J., Todaro M., 1968. «Urban unemployment in East Africa: an economic analysis of policy alternatives», *East African Economic Review*, 4(2), pag. 17–36;
8. Hart K., 1973. «Informal income opportunities and urban employment in Ghana», *Journal of Modern African Studies* 11, 61–89; *Netherlands Geographical Studies*, Amsterdam;
9. Perry G., Maloney W. and col., 2007. «Informality: Exit and Exclusion», The World Bank, Washington DC;
10. Renooy P.H., 1990. «The Informal Economy: Meaning, Measurement and Social Significance»,
11. Ruffer T., Khinght J., 2007. «Informal Sector Labour Markets in Developing Countries», Oxford Policy management, UK;
12. Taleb, N. N., 2009. «Lebăda neagră», Bucharest: Curtea Veche Publishing House;
13. Turnham, D., 1971. «The Employment Problem in Less Developed Countries», Paris: Development Centre of the Organisation for Economic Co-Operation and Development;

Сведения об авторах

Мясоедов А.И., бакалавр факультета «Государственное и Муниципальное управление», Московский государственный психолого-педагогический университет, Россия, Москва, ул. Сретенка, д. 29, retvil@mail.ru

Иванова Светлана Петровна, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Теория и практика управления» института «Иностранные языки, современные коммуникации и управление», Московский государственный психолого-педагогический университет, Россия, Москва, ул. Сретенка, д. 29, 76sivanova@mail.ru

UDK 338

EMPLOYMENT IN THE INFORMAL SECTOR OF THE ECONOMY: ESSENCE AND CONTENT

A.I. Myasoedov, S.P. Ivanova

Moscow state University of Psychology and Education

In this article, we aim to present some aspects related to employment in the informal sector of the economy, as well as the main aspects that distinguish the informal sector from the formal sector. We will look at the structure of the informal sector in terms of employment, as well as its main features and characteristics, focusing on three main criteria: social, political and economic. Regarding the structure of the informal sector, we will focus on three categories of labor: small enterprises (microenterprises) or formal (registered) firms, but also part-time and informal activities.

Keywords: informal employment, employment in the informal sector, economy, taxes, employees.

References

1. Dinga, E., 2008. «Consideratii teoretice privind evaziunea fiscală vs fraudă fiscală» in *Studii Financiare - Abordări teoretice și modelare*, vol. 12, issue 4, pages 20-50;

2. Dinga, E., 2009. «Studii de Economie. Contribuții de analiză logică, epistemologică și metodologică», Bucharest: Economica Publishing House;
3. Fields G. S., 1975. «Rural-Urban Migration, Urban Unemployment and Underemployment, and Job Search Activity in LDC's» in *Journal of Development Economics* 2: 165-188;
4. Fields Gary S, 2008. «Segmented Labour Market models in developing countries», Cornell University ILR School, paper 162;
5. Gërxfhani K., 2004. «The informal sector in developed and less developed countries: A literature survey» in *Public Choice* , vol. 120, issue 3-4, pp. 267-300;
6. Harding P., Jenkins R., 1989. «The Myth of the Hidden Economy: Towards a New Understanding of Informal Economic Activity», Philadelphia: Open University Press, Milton Keynes;
7. Harris J., Todaro M., 1968. «Urban unemployment in East Africa: an economic analysis of policy alternatives», *East African Economic Review*, 4(2), pag. 17–36;
8. Hart K., 1973. «Informal income opportunities and urban employment in Ghana», *Journal of Modern African Studies* 11, 61–89; *Netherlands Geographical Studies*, Amsterdam;
9. Perry G., Maloney W. and col., 2007. «Informality: Exit and Exclusion», The World Bank, Washington DC;
10. Renooy P.H., 1990. «The Informal Economy: Meaning, Measurement and Social Significance»,
11. Ruffer T., Khinght J., 2007. «Informal Sector Labour Markets in Developing Countries», Oxford Policy management, UK;
12. Taleb, N. N., 2009. «Lebăda neagră», Bucharest: Curtea Veche Publishing House;
13. Turnham, D., 1971. «The Employment Problem in Less Developed Countries», Paris: Development Centre of the Organisation for Economic Co-Operation and Development;

About the author

A. I. Myasoedov, bachelor of the faculty of State and Municipal management, Moscow state psychological and pedagogical University, 29 Sretenka street, Moscow, Russia, retvil@mail.ru

Svetlana Petrovna Ivanova, candidate of economic Sciences, associate Professor of the Department of «Theory and practice of management" of the Institute «Foreign languages, modern communications and management», Moscow state psychological and pedagogical University, 29 Sretenka street, Moscow, Russia, 76sivanova@mail.ru

УДК 004.056

УТЕЧКА ИНФОРМАЦИИ КАК УГРОЗА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ

О.Г. Назарова, В.А. Довыденко

ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»

В современных реалиях информационно-коммуникационные технологии стали неотъемлемым атрибутом деятельности любого хозяйствующего субъекта. Особое значение ИКТ имеют для информационной системы, все она охватывает все функциональные блоки предприятия. В этих условиях особую актуальность приобретает практика предотвращения несанкционированного доступа и использования конфиденциальной информации для защиты экономической безопасности предприятия. В работе рассмотрены вопросы обеспечения экономической безопасности с точки зрения защиты конфиденциальной информации хозяйствующего субъекта. Произведен анализ утечек конфиденциальной информации из организаций за последние годы на базе отчетов компании InfoWatch, отчетов ACR, Ponemon Institute. Предложены некоторые варианты обеспечения информационной безопасности предприятия.

Ключевые слова: экономическая безопасность, информация, информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), утечка, риск, система управления рисками.

Эффективное функционирование хозяйствующих субъектов, их конкурентоспособность и устойчивые позиции на мировых рынках в наибольшей степени зависят от системы обеспечения экономической безопасности. Функционально «обеспечение экономической безопасности» ориентировано за защиту от внешних и внутренних угроз для устойчивого функционирования и развития.

Современные предприятия становятся все более уязвимыми к угрозам потери информации в силу растущей зависимости от средств информационно-коммуникационных технологий. Распространение технологий обеспечивает более широкий несанкционированный доступ к информации организаций, чем когда-либо прежде. Третьи лица все чаще получают информацию через цепочку поставок, клиентов и поставщиков. Этот риск усугубляется тем, что организации все чаще хранят большие объемы личной идентифицируемой информации на внешних облачных провайдерах. Еще одним фактором, который следует учитывать, является увеличение числа устройств, которые всегда подключены к обмену данными. Традиционные средства контроля информационной безопасности постепенно устаревают, возникает явная необходимость в средствах анализа угроз и программах безопасности для снижения кибер-рисков и выделения потенциальных поверхностей атак.

Сегодня утечка, также известная как низкая и медленная кража данных, является серьезной проблемой для экономической безопасности хозяйствующего субъекта. В этих условиях особую актуальность приобретают вопросы обеспечения экономической безопасности с точки зрения защиты конфиденциальной информации, ведь информация - ценнейший актив.

Цель исследования: проанализировать показатели утечек конфиденциальной информации за последние годы и выявить основные причины потери данных, предложить возможные варианты защиты информации на предприятии.

В официальном ежегодном отчете о киберпреступности (ACR) за 2019 год, опубликованном Cybersecurity Ventures [5], говорится о том, что каждые 14 секунд в мире происходит атака хакера. Уже к началу 2022 года данный показатель может достигнуть частоты каждой 11 секунды. За 2019 год в сеть было «слито» более 14 миллиардов конфиденциальных записей, общее число утечек информации увеличилось на 10% в мире и более чем на 40% в России [4].

Разглашение конфиденциальной информации может нанести колоссальный ущерб любому хозяйствующему субъекту: от снижения денежных доходов и «запятнанной» репу-

тации до долгих судебных разбирательств и штрафов. Согласно статистике Ponemon Institute, около 2/3 малых и средних фирм не переживают утечки данных и закрываются в течение следующего полугодия. Крупные компании в целом справляются, но все же несут значительные потери.

Угрозы информационной безопасности могут быть представлены различными видами утечек информации (из закрытых источников, техническими путями, несанкционированным вторжением), нарушением целостности модификации данных и правовыми нарушениями. Риск утечки может исходить от «инсайдеров», то есть лиц, находящихся внутри организации, или от «аутсайдеров», находящихся вне организации. Обратим внимание, что утечки по вине сотрудников (внутренних нарушителей) более сложные по своей природе, следовательно, их сложнее предупредить. Мотивы в данном случае бывают разные, но, зачастую, включают в себя такие причины, как корпоративный шпионаж, финансовые выгоды или недовольство работодателем. Если внешние атаки компрометируют набор однородных данных, к примеру, сведения о пользователях интернет-сервиса [4], то есть массив, ограниченный функционалом одной системы. Действия же внутреннего нарушителя могут скомпрометировать любую информацию фирмы в силу достаточной осведомленности о местах хранения и контролируемых каналах передачи. Как правило, внутренние утечки фиксируются не сразу и обнаруживаются уже постфактум. Именно поэтому внутренний злоумышленник более опасен для хозяйствующего субъекта. Низкая лояльность работников, недостаточный уровень осведомленности персонала о мерах информационной безопасности, нарушение элементарных правил работы с коммерчески ценной информацией – все это лишь обостряет проблему утечки информации как угрозы экономической безопасности предприятия.

В последние годы число утечек по вине внутреннего нарушителя увеличивается и в общей сложности составляет более половины от общего числа утечек (рис. 1). Наибольший рост данного вида утечек был отмечен в 2017 году (прирост более 40%). По итогу 2019 года число компрометаций по вине сотрудников достигло уровня 1 348, что составило 53,7% в общей структуре утечек.

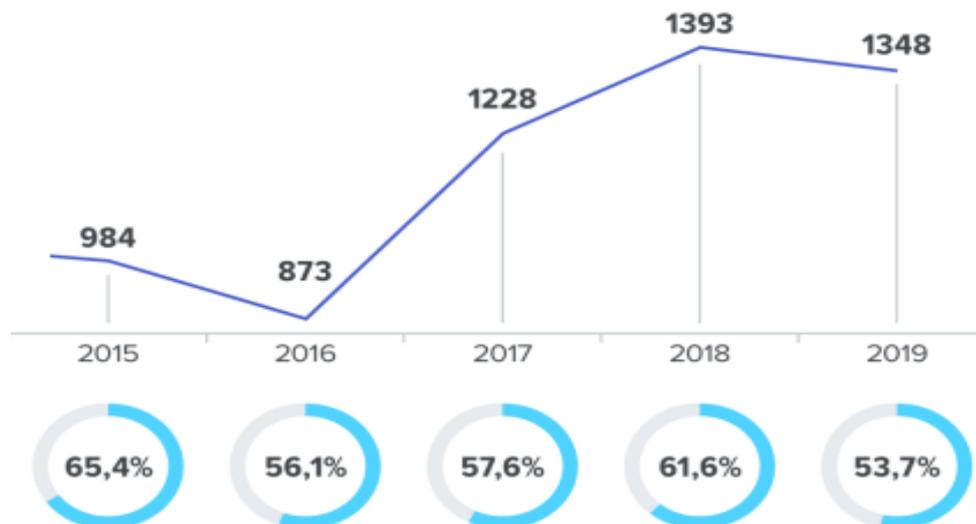

Рисунок 1 - Число внутренних утечек информации и доля утечек этого типа от общего числа утечек, 2015 - 2019 гг.[4]

Совокупный объем данных, скомпрометированных в результате внутренних утечек, также имеет тенденцию к росту. В 2019 году было скомпрометировано 9,87 млрд. записей, что в 29,5 раз выше показателя 2015 года (рис. 2).

Рисунок 2 – Объем данных, скомпрометированных в результате внутренних утечек, млн. записей, 2015 - 2019 гг. [4]

Отмечается рост «мощности» утечек: происходит увеличение объема скомпрометированных данных, приходящихся на одну утечку (рис. 3).

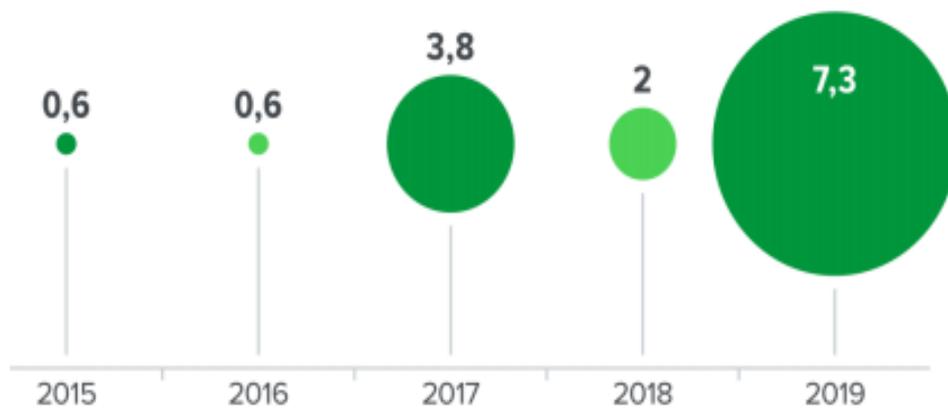

Рисунок 3 – Объем данных в расчете на одну утечку, млн. записей, 2015 - 2019 гг. [4]

Согласно данным рисунка 3 средняя «мощность» утечки информации в 2019 году достигла значения 7,3 миллионов записей, что в 12,2 раз превосходит показатель 2015 года.

Рост объема скомпрометированных данных и увеличение «мощности» утечек свидетельствуют о низкой эффективности используемых мер защиты информации. Стремление хозяйствующих субъектов упростить работу с информационными ресурсами становится причиной потери информации в результате непреднамеренных ошибок персонала. Данное утверждение подтверждается тем фактом, что в 2019 году более 58% компрометации данных имели случайный характер [4]. К сожалению, непреднамеренная утечка также может привести к штрафам и «репутационному» ущербу, поскольку данный вид потери не смягчает юридическую ответственность. Наиболее ярким примером являются компании, работающие с пользовательскими данными, по данным InfoWatch, 98,1% общего объема утечек в данном секторе произошло случайно. Так, зачастую в результате внутренних нарушений в открытом доступе оказываются именно пользовательские данные (персональные данные и платежная информация). Наглядно структура внутренних утечек представлена на рисунке 4.

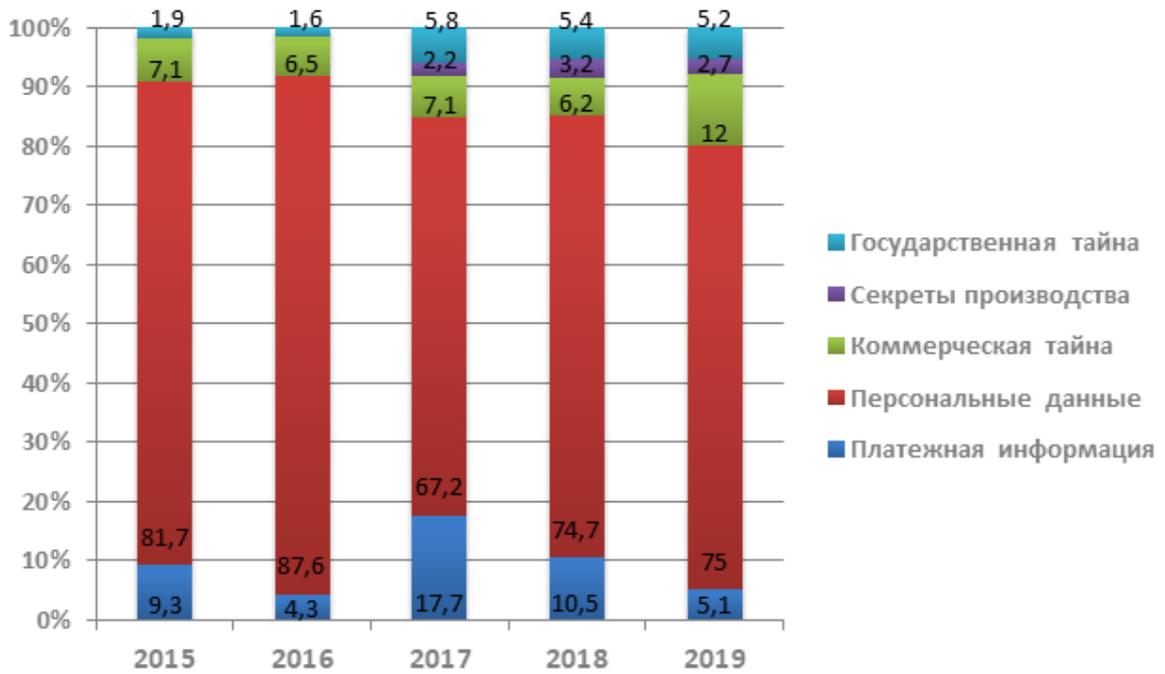

Рисунок 4 – Распределение внутренних утечек по типу данных, 2015 – 2019 гг. [4]

Как упоминалось ранее, компрометация пользовательских данных происходит преимущественно вследствие непреднамеренных ошибок. Остальные утечки информации (государственная тайна, секреты производства, коммерческая тайна) в большинстве случаев имеют умышленный характер.

Снизить риск утечки можно посредством внедрения системы многоступенчатого анализа рисков (рис. 5).

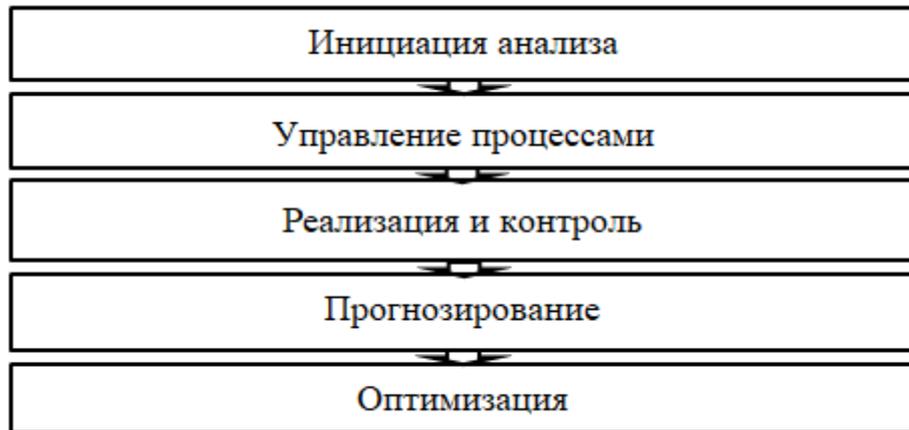

Рисунок 5 – Система анализа угроз информационной безопасности

Этап инициализации анализа предусматривает выявление потенциальных угроз и рисков, а также пересмотр принятых способов обеспечения сохранности данных.

Первоначально целесообразно разработать схему классификации данных: произвести качественную и количественную оценку коммерчески ценной информации с точки зрения ее реальной или потенциальной стоимости (ценности). Затем следует выявить допустимый диапазон значения рисков. После чего происходит разделение обеспечения информационной безопасности на отдельные процессы, закрепляются ответственные лица за каждым участком. Отметим необходимость интеграции разработанных мер в бизнес-модель предприятия,

ведь любой канал передачи информации потенциально опасен и может стать источником утечки данных, как по вине внутреннего нарушителя (сотрудника фирмы), так и по вине внешнего злоумышленника. Именно поэтому важно обеспечить постоянный анализ и контроль реализации всех мероприятий по ликвидации рисков, осуществлять корректировку предпринятых мер и оптимизировать систему. Организациям с ограниченным бюджетом целесообразно рассмотреть возможность использования сторонних служб для защиты данных.

Для обеспечения экономической безопасности предприятия в сфере защиты информации следует работать в направлении формирования культуры информационной безопасности. Учитывая тот факт, что значительная доля утечек происходит по вине внутреннего нарушителя, необходимо обеспечить переподготовку сотрудников всех уровней по работе с конфиденциальными данными, следует также систематически организовывать мероприятия по повышению осведомленности в сфере защиты корпоративной информации. Риск утечки может исходить от любого сотрудника, и это имеет основополагающее значение для безопасности организации. Поэтому все предприятия, независимо от их размера и профиля деятельности, должны гарантировать, что все сотрудники понимают риски информационной безопасности и владеют навыками по защите конфиденциальных данных.

В современном мире информация является одним из основных факторов производства, а ее утечка может нанести непоправимый ущерб предприятию. Сегодня более половины случаев компрометации информационных ресурсов хозяйствующих субъектов происходит по вине внутреннего нарушителя. Основной причиной подавляющего большинства утечек являются низкая лояльность персонала, нарушения правил работы с коммерчески ценной информацией и недостаточный контроль за действиями сотрудников. Хотя внешние злоумышленники составляют меньшинство, их нельзя игнорировать. Очевидно, что существует широкий спектр методов, с помощью которых данные могут ускользнуть от организации. Однако, несмотря на это, не существует абсолютно надежного способа. Именно поэтому организации не должны полагаться только на один метод – необходима глубокая стратегия защиты. Защитные меры должны охватывать все функциональные блоки предприятия для обеспечения предотвращения наиболее распространенных угроз утечки данных. Так, защиту информационной составляющей любого хозяйствующего субъекта необходимо осуществлять комплексно на базе эффективной системы управления рисками и сочетания технических и организационных мер защиты. Внедряя различные методы защиты информации, предприятия могут свести к минимуму риск утечки и, как минимум, затруднить работу злоумышленника.

Таким образом, можно выделить три простых шага, которые позволят повысить информационную безопасность предприятия, снизить риски утечки данных, предотвратить банкротство и обеспечить успешное ведение деятельности. Во-первых, необходимо обучить все уровни организации о нюансах работы с конфиденциальной информацией и возможных рисках. Во-вторых, следует инвестировать в инструменты, ограничивающие потерю сведений. В-третьих, важно обеспечить слаженную и эффективную работу всех подразделений на базе комплексного и системного подхода в рамках защиты коммерчески ценной информации. Эффективная система экономической безопасности должна быть динамична и адаптивна к постоянно изменяющимся условиям внешней и внутренней среды предприятия [2].

Список литературы

1. Глушак Н.В., Муравьева М.А., Назарова О.Г., Ребрина Т.Г., Силаева В.В. Управление инновационными процессами в экономике как мера обеспечения экономической безопасности страны // Казанская наука. 2015. № 2.- С. 61-63
2. Довыденко В.А. Ризоматический подход в экономической безопасности предприятия // Вестник современных исследований. 2018. № 10.6 (25). С. 138-140.
3. Муравьева М.А., Назарова О.Г., Силаева В.В. Обеспечение экономической безопас-

ности в России в условиях геополитической нестабильности. Сборник научных работ Международной научно-практической конференции преподавателей, аспирантов и студентов «Управление социально-экономическими системами и правовые исследования: теория, методология и практика» - Брянск: ИЭП БГУ, 2017г., С. 340-343

4. Официальный сайт экспертно-аналитического центра «InfoWatch». URL: <https://www.infowatch.ru/> (дата обращения: 17.04.2020).

5. Утечки данных 2019: статистика, тенденции кибербезопасности и меры по снижению рисков взлома. URL: <https://gorodfinansov.ru/> (дата обращения: 17.04.2020).

Информация об авторах

Назарова Ольга Геннадьевна – к.п.н., доцент кафедры таможенного дела и маркетинга, Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского. E-mail: olga1600@yandex.ru

Довыденко Валентина Александровна – студентка 4 курса специальности «Экономическая безопасность», Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского. E-mail: dovydenko.v@yandex.ru

UDK 004.056

INFORMATION LEAKAGE AS A THREAT TO THE ECONOMIC SECURITY OF AN ENTERPRISE

O.G. Nazarova, V.A. Dovydenko

Bryansk State University named after academician I. G. Petrovskii, (Bryansk, Russia)

Annotation. In the modern realities of information and communication technology has become an integral attribute of activity of any managing subject. ICT is particularly important for the information system, since it covers all the functional blocks of the enterprise. In these conditions, the practice of preventing unauthorized access and use of confidential information to protect the economic security of the enterprise becomes particularly relevant. The paper considers the issues of ensuring economic security from the point of view of protecting confidential information of an economic entity. The analysis of leaks of confidential information from organizations in recent years is based on InfoWatch reports, ACR reports, and Ponemon Institute reports. Some variants of ensuring information security of the enterprise are offered.

Keywords: economic security, information, information and communication technologies (ICT), leakage, risk, risk management system.

References

1. Glushak N.V., Murav'eva M.A., Nazarova O.G., Rebrina T.G., Silaeva V.V. Upravlenie innovacionnymi processami v ekonomike kak mera obespecheniya ekonomicheskoy bez-opasnosti strany // Kazanskaya nauka. 2015. № 2.- S. 61-63

2. Dovydenko V.A. Rizomaticeskij podhod v ekonomicheskoy bezopasnosti predpriya-tiya // Vestnik sovremennyh issledovanij. 2018. № 10.6 (25). S. 138-140.

3. Murav'eva M.A., Nazarova O.G., Silaeva V.V. Obespechenie ekonomicheskoy bezopasnosti v Rossii v usloviyah geopoliticheskoy nestabil'nosti. Sbornik nauchnyh rabot Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii prepodavatelej, aspirantov i studentov «Upravlenie social'no-ekonomicheskimi sistemami i pravovye issledovaniya: teoriya, me-todologiya i praktika»

- Bryansk: IEiP BGU, 2017g., S. 340-343

4. Oficial'nyj sajt ekspertno-analiticheskogo centra «InfoWatch». URL: <https://www.infowatch.ru/> (data obrashcheniya: 17.04.2020).

5. Utechki dannyh 2019: statistika, tendencii kiberbezopasnosti i mery po snizhe-niyu riskov vzloma. URL: <https://gorodfinansov.ru/> (data obrashcheniya: 17.04.2020).

Information about authors

Nazarova Olga Gennadevna – Candidate of Education Sciences, Associated Professor, Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky, E-mail: olga1600@yandex.ru

Dovydenko Valentina Alexandrovna – 4th year student of the specialty «Economic security», Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky. E-mail: dovydenko.v@yandex.ru

УДК 338

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В РОССИИ

О.Г. Назарова, А.Д. Клименко

Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского

В статье рассматривается необходимость развития информационной безопасности в условиях становления нового экономического уклада. Отражена суть необходимости поддержки и развития отечественного рынка информационной безопасности, а также формирование устойчивой цифровой среды. В условиях безостановочной модернизации информационных технологий, цифровая экономика является неизбежной концепцией формирования нового экономического строя. В этих условиях возникает главная проблема существования данной концепции – информационная безопасность

Ключевые слова: информационная безопасность, кибербезопасность, цифровая экономика, киберфизические системы.

Рассматривая современную тенденцию развития экономики и общества, а именно – цифровую экономику, в первую очередь мы останавливаемся на анализе такого фактора производства, как информация. В современных условиях существования общества, информация приобретает значительную роль в формировании новых экономических продуктов и услуг [8].

1 декабря 2016 года была предложена к запуску новая программа по освоению и развитию цифровой экономики, опираясь на имеющиеся в России научно-исследовательские организации и центры. На данный момент, понятие «цифровая экономика» не закрепились законодательно и является довольно абстрактным явлением, к которому относятся все высокотехнологичные открытия, новейшее компьютерное обеспечение и техника. Однако, новый экономический уклад, остается одним из главных направлений развития государства. В будущем, скорость и качество развития цифровизации будет существенно определять положение стран на мировой арене [10].

Обращаясь к Указу Президента РФ от 09.05.2017 №203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» мы видим, что цифровая экономика определяется как развитие информационного общества и экономики в информационном секторе, главным фактором которой является информация в цифровом виде. Результатами развития информации как фактора производства должны стать значительные преобразования в экономике и бизнесе. Однако важным моментом в становлении цифровой экономики является определение её границ [1].

На основе этого, была создана Национальная программа «Цифровая экономика», утвержденная протоколом от 28 мая 2019 года [2].

Программа определяет следующие задачи:

1. Формирование информационной инфраструктуры передачи, обработки, хранения и защиты данных;
2. Реализация инфраструктуры для всех организаций и домохозяйств;
3. Стабильная финансовая поддержка проектов цифровой экономики;
4. Преимущественное использование российского технического обеспечения.

Сфера услуг модернизируется и выходит на новый уровень. Осуществление платежей, предоставление услуг образования, лицензированное распространение медиа контента в большей степени переходят на дистанционный режим с использованием сети «Интернет». С развитием информационных технологий и предоставлением большего технологического инструментария для общего круга населения виртуальная торговля обретает наибольшее развитие. Но несмотря на значительный список преимуществ цифровой экономики, спектр угроз растет так же активно, как и положительные стороны.

Перед службами кибербезопасности возникает особо важная цель – обеспечение ин-

формационной целостности в секторе цифровой экономики и правовая защита физических и юридических лиц в цифровом пространстве [7]. На сегодняшний день, особенно острой проблемой существования цифрового пространства является деятельность киберпреступности «теневого интернета». Информация в данном случае выступает основой для осуществления незаконной деятельности при подделке данных, использовании фальшивых страниц и имитаций фондов благотворительности, торговли поддельными паспортными данными и оперирование с уже украденными, перехват финансовых средств пользователей. Организации, осуществляющие деятельность в сфере предоставления информационных услуг и интернет-торговли, а также само государство, рискуют столкнуться со значительными проблемами вследствие работы кибергруппировок. Задачей информационной безопасности (далее ИБ) является юридическая защита коммерческих, конфиденциальных данных предприятий и государства. По мнению лидирующей компании в сфере кибербезопасности - Trend Micro, наибольшую опасность в секторе цифровой экономики представляют страны Ближнего Востока, США, Китай и Испания. В мировых масштабах цифровая экономика может подвергаться значительному влиянию недобросовестного спекулирования, основанного на введении в заблуждение и предоставления искаженных данных [5].

Утечки конфиденциальной информации являются одной из основных по масштабу проблем, влекущих за собой негативные последствия. Ярким примером является утечка базы данных ФТС России за 2012 – 2019 года, о которой стало известно 12 марта 2020 года. Полная база данных, содержащая сведения обо всех импортных и экспортных операциях за 8 лет, была выставлена на продажу в сети «Интернет». Все данные об участниках внешнеэкономической деятельности, отправителях и получателях, транспортных средствах, контактных номерах и ФИО должностных лиц были утеряны. Компетентные органы приняли все соответствующие действия по определению наказания совершивших деяние лиц, однако не стоит отрицать сущность самой сети и скорость распространения информации в ней.

Зачастую масштабы цифровых конфликтов обретают характер военных стычек в цифровом пространстве. Россия заинтересована в улучшении системы ИБ и предпринимает должные меры по развитию и внедрению новых проектов. На федеральный проект «Информационная безопасность» в рамках Национальной программы «Цифровая экономика» выделено 22,333 млн. рублей из федерального бюджета и 11,710 млн. из внебюджетных средств для осуществления поставленных проектов и закупок до 2024 года [4].

Службы информационной безопасности должны в должной мере обеспечить структуры организаций необходимыми кадрами, имеющими широкую область знаний защиты информации. Цифровой продукт и все выходящие из него операции должны находиться под строгим контролем компетентных лиц [6]. В существующих условиях, российский рынок показывает положительную динамику закупок систем информационной безопасности отечественных компаний.

Таблица 1 – Статистика дохода российских компаний на рынке ИБ за 2017 – 2018 года

№	Компания	Доход от проектов ИБ за 2017г., млн. руб.	Доход от проектов ИБ за 2018г., млн. руб.
1	Kaspersky	40 730	45 526
2	Софтлайн	14 700	15 800
3	Информзащита	8 314	8 045
4	ИнфоТеКС	4 231	4 553
5	Инфосистемы Джет	3 900	4 400
6	ГК ICL	3 008	4 193
7	Крок	2 464	3 553
8	Аквариус	2 236	2 504
9	Ланит	2 235	2 481
10	ДиалогНаука	1 571	1 998

Однако наиболее сложной задачей является использование преимущественно отечественного обеспечения. Большие инвестиционные вложения требуют максимальной отдачи,

однако время, затрачиваемое на осуществление технологического прорыва, не всегда соответствует ожиданиям. Абсолютно все страны крайне заинтересованы в применении нестандартных и новых принципов использования информации, что может служить хорошим инструментом для реализации технологического развития в относительно короткие сроки [11].

Но несмотря на сложность развития цифровой экономики, в России существует значительное количество реализуемых проектов в рамках цифровой экономики [3].

Основными проектами развития являются:

1. Единая сеть передачи данных.
2. Электронное правительство.
3. Национальная биометрическая платформа.
4. Киберполигоны для обучения ИБ.
5. Развитие квантовой криптографии.

Распространение и тенденция развития информационных технологий однозначно требует пересмотр ключевых инструментов информационной безопасности сектора цифровой экономики. Повышение защитных технологий является необходимым требованием к условию существования цифровой экономики [9]. Далее представлено краткое схематическое изображение основных факторов, влияющих на систему информационной безопасности в целом.

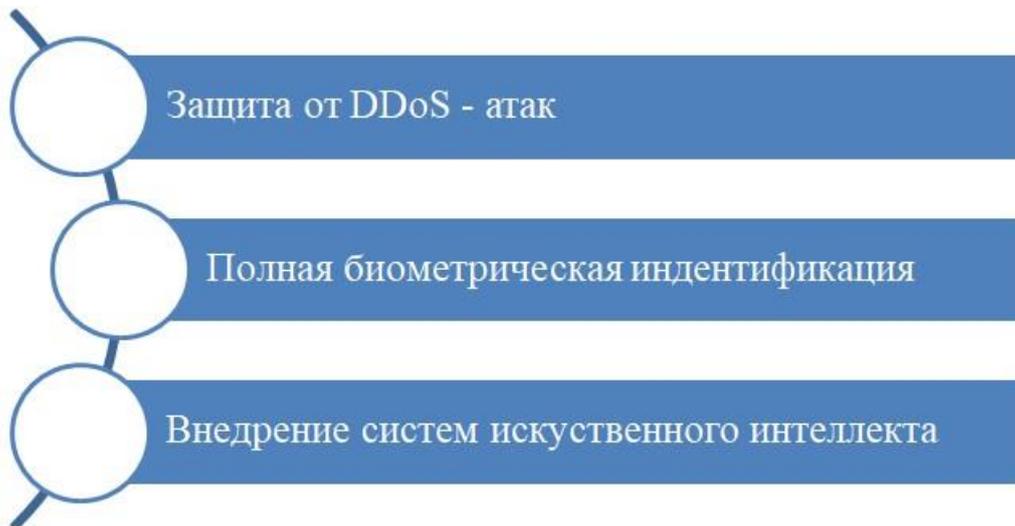

Рисунок 1 – Ключевые инструменты развития информационной безопасности

Говоря об основе функционирования самой цифровой экономики, необходимо рассмотреть киберфизические системы (CPS). Именно они позволяют обрабатывать и хранить массивы данных, взаимодействовать с облачными технологиями, являясь связующим звеном между физическим и виртуальным пространством. Неизбежность развития цифрового пространства с течением времени является ключевым фактом в необходимости активного развития подобного вида систем. Данная область технологий включает в себе множество инновационных и перспективных процессов, которые обладают абсолютно обширным и всеобъемлющим характером осуществления. Подобного вида технологии трудны как в понимании, так и в практическом применении. В науке и инженерии подобные кибернетические подходы для таких сложных систем занимают центральную позицию. Именно поэтому, на сегодняшний день, научно-исследовательские институты и компании заинтересованы в освоении и развитии киберфизических систем [13].

Их основная цель систем состоит в идеальной и бесперебойной синхронизации электронных устройств с материальной средой для достижения наибольшей эффективности работы цифровой экономики. В соответствии с этим, массовое использование технологии Big Data является особенно актуальным. Для должного существования киберфизических систем, технология Big Data позволяет синхронизировать огромные объемы данных в режиме реаль-

ного времени [14].

Цифровое преобразование экономики включает в себе процессы, осуществляемые с помощью данных в режиме реального времени, без каких-либо задержек и оффлайн режимов. Отмеченная ранее технология Big Data является одной из основных составляющих киберфизической системы, являясь универсальным средством для решения проблем хранения, обработки и передачи больших объемов данных. Также в основу киберфизической системы входят Интернет вещей, робото-технические системы, системы управления производством.

Отличительными признаками киберфизических систем являются:

1. Бесперебойный обмен информацией;
2. Наличие определенного центра, отвечающего за автоматическое управление;
3. Ведение деятельности в едином киберпространстве, содержащем необходимые компоненты (сервера, средства защиты информации, антивирусные программы).

В соответствии с рассмотренными составными компонентами возникает существенная проблема информационной безопасности. Киберфизические системы основаны на абсолютном взаимодействии с сетью «Интернет» и не могут существовать без неё в целом. Системы в цифровом пространстве планируют использовать для масштабных и серьезных проектов, охватывая сферу производства и услуг, поэтому эффективность, целостность и безопасность цифровых и материальных продуктов будет напрямую зависеть от защищенности сети. Таким образом, следует выделить ключевые факторы успешного функционирования цифровой экономики:

1. Использование средств криптографической защиты информации;
2. Мониторинг внутренних критериев безопасности;
3. Максимальная защита от несанкционированного доступа;
4. Регулярный анализ качества сетей;
5. Сертификация используемого оборудования;
6. Аварийная защита центров автоматического управления.

Атаки на киберфизические системы опасны своей масштабностью и затрагивают такие факторы как конфиденциальность, доступность и достоверность используемой сети.

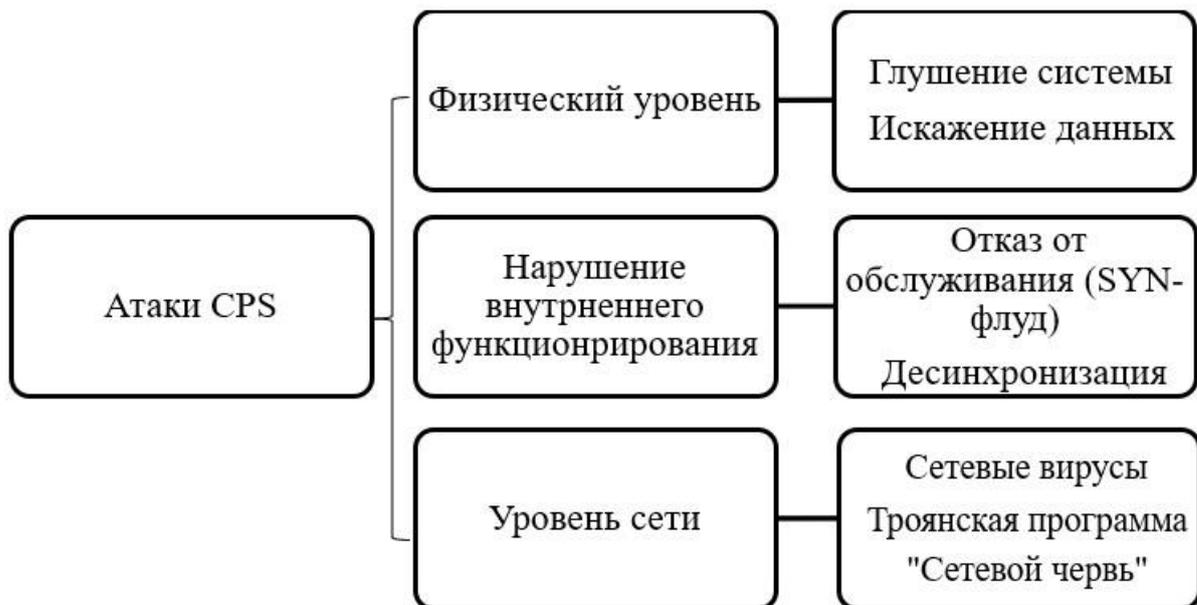

Рисунок 2 – Основные виды атак на киберфизические системы

Производительность и живучесть киберфизических систем в цифровой экономике необходимо подкреплять механизмами оценки, прогнозирования и управления. Киберфизическая система должна содержать все виды защиты от любого вида угроз, однако акцент на ключевом виде защиты необходимо определять в зависимости от сферы деятельности организации. Например, инфраструктура организации основана на финансовом или интеллекту-

альном потенциале. В обоих случаях самым уязвимым фактором является информация, как публичная, так и конфиденциальная. В соответствии с этим, главным объектом информационной безопасности будет защита данных от кражи, искажения или уничтожения.

На основе вышеизложенного можно сделать вывод о том, что на сегодняшний день в большинстве стран мира уделяется должное, но недостаточное внимание вопросу информационной безопасности в рамках цифровой экономики. Массовое внедрение IT-технологий позволит находиться на необходимом уровне обеспечения нового сектора экономики [12]. Однако стоит помнить о том, что высокотехнологичные открытия и технические средства требуют большого финансового обеспечения. В соответствии с этим, необходимо грамотно вести процесс регулирования себестоимости выпускаемых продуктов путем использования информационных платформ и систем. Цифровая экономика, как и все выходящие из нее перспективные проекты являются главным ориентиром страны для становления новой экономической среды.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 09.05.2017 №203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» [Электронный ресурс] - URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 06.05.2020).
2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.07.2017г. №1632-р « Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс] - URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 06.05.2020).
3. «План мероприятий по направлению «Нормативное регулирование» программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. Правительственной комиссией по использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности (протокол от 18.12.2017 № 2)) [Электронный ресурс] - URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 06.05.2020).
4. «Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7) [Электронный ресурс] - URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 06.05.2020).
5. Гафнер, В.В. Информационная безопасность: Учебное пособие / В.В. Гафнер. - Рн/Д: Феникс, 2010. - 324с.
6. Виниченко М.В. Проблемные вопросы развития технологий управления : монография / Виниченко М.В., Кириллов А.В., Мельничук А.В., Макушин С.А. - Москва: Русайнс, 2017. - 279 с. - ISBN 978-5-4365-1038-5. - URL: <https://book.ru/book/921308> (дата обращения: 06.05.2020). - Текст : электронный.
7. Лапина М.А. Систематизация и электронное кодирование функций и полномочий в системе публичного управления : монография / Лапина М.А., Бачило И.Л., Остроушко А.В., Карпухин Д.В., Полякова Т.А. - Москва : Юстиция, 2016. - 208 с. - ISBN 978-5-4365-1095-8. - URL: <https://book.ru/book/920754> (дата обращения: 13.05.2020). - Текст: электронный.
8. Connect: мир информационных технологий: журнал / гл. ред. А. Воронин; отв. за изд. ООО «Коннект-ИКТ». - Москва: Коннект-ИКТ, 2014. - № 1/2(211/212). - 96 с. Режим доступа: по подписке. - URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=240930>. - ISSN 1836-8522. - Текст: электронный.
9. Силаева В.В., Муравьева М.А., Назарова О.Г. Проблемы и перспективы развития инновационной политики на национальном и региональном уровнях. В сборнике: Современный стиль управления. - Чебоксары. 2016. – С.154-172
10. Харченко А.А, Конюхов В.Ю. Цифровая экономика как экономика будущего // Молодежный вестник ИрГТУ. 2017. №3. – С.17.
11. Шаг в будущее: искусственный интеллект и цифровая экономика. Революция в управлении: новая цифровая экономика или новый мир машин: материалы II Международного научного форума. Выпуск 3 / Государственный университет управления. – Москва: Из-

дательский дом ГУУ, 2018. – 486 с.

12. Шаг в будущее: искусственный интеллект и цифровая экономика. Революция в управлении: новая цифровая экономика или новый мир машин : материалы II Международного научного форума. Выпуск 4 / Государственный университет управления. – Москва : Издательский дом ГУУ, 2018. – 478 с.

13. Куприяновский В. П. Кибер-физические системы как основа цифровой экономики / Намиот Д.Е., Синягов С.А. // International Journal of Open Information Technologies. - 2016. - Т. 4, № 2. - С. 18–25. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiber-fizicheskie-sistemy-kak-osnova-tsifrovoy-ekonomiki> (дата обращения: 14.05.2020). - Текст: электронный.

14. Минзов А.С, Информационная безопасность в цифровой экономике / Минзов А.С., Невский А.Ю., Баронов О.Ю. // ИТНОУ: информационные технологии в науке, образовании и управлении. 2018. №3 (7). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnaya-bezopasnost-v-tsifrovoy-ekonomike> (дата обращения: 14.05.2020). – Текст: электронный.

Сведения об авторах

Назарова Ольга Геннадьевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры таможенного дела и маркетинга ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», olga1600@yandex.ru

Клименко Александр Дмитриевич – студент 3 курса направления «Таможенное дело», профиль «Таможенные платежи», ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», lupin.2221@gmail.com

UDK 338

INFORMATION SECURITY DURING THE FORMATION OF DIGITAL ECONOMY IN RUSSIA

O.G. Nazarova, A.D. Klimenko

Academician I.G. Petrovsky Bryansk State University

The article discusses the need to develop information security in the context of the formation of a new economic structure. The essence of the need to support and develop the domestic information security market, as well as the formation of a sustainable digital environment, is reflected. In the context of non-stop modernization of information technology, the digital economy is an inevitable concept of the formation of a new economic system. Under these conditions, the main problem of the existence of this concept arises - information security. The article provides a brief analysis of the state of the domestic information security market, and also presents the main directions of information security development in the digital economy.

Keywords: information security, cybersecurity, digital economy, cyberphysical systems.

References

1. Ukaz Prezidenta RF ot 09.05.2017 №203 «O Strategii razvitiya informacionnogo obshchestva v Rossijskoj Federacii na 2017-2030 gody» [Elektronnyj resurs] - URL: <http://www.consultant.ru> (data obrashcheniya 06.05.2020).

2. Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 28.07.2017g. №1632-r « Ob utverzhdenii programmy «Cifrovaya ekonomika Rossijskoj Federacii» [Elektronnyj resurs] - URL: <http://www.consultant.ru> (data obrashcheniya 06.05.2020).

3. «Plan meropriyatij po napravleniyu «Normativnoe regulirovanie» programmy «Cifrovaya

ekonomika Rossijskoj Federacii» (utv. Pravitel'stvennoj komissiej po ispol'zovaniyu informacionnyh tekhnologij dlya uluchsheniya kachestva zhizni i uslovij vedeniya predprinimatel'skoj deyatel'nosti (protokol ot 18.12.2017 № 2)) [Elektronnyj resurs] - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_287575/ (data obrashcheniya 06.05.2020).

4. «Pasport nacional'nogo proekta «Nacional'naya programma «Cifrovaya ekonomika Rossijskoj Federacii» (utv. prezidiumom Soveta pri Prezidente RF po strategicheskomu razvitiyu i nacional'nym proektam, protokol ot 04.06.2019 № 7) [Elektronnyj resurs] - URL: <http://www.consultant.ru> (data obrashcheniya 06.05.2020).

5. Gafner, V.V. Informacionnaya bezopasnost': Uchebnoe posobie / V.V. Gafner. - Rn/D: Feniks, 2010. - 324s.

6. Vinichenko M.V. Problemnye voprosy razvitiya tekhnologij upravleniya : monografiya / Vinichenko M.V., Kirillov A.V., Mel'nichuk A.V., Makushin S.A. - Moskva: Rusajns, 2017. - 279 s. - ISBN 978-5-4365-1038-5. - URL: <https://book.ru/book/921308> (da-ta obrashcheniya: 06.05.2020). - Tekst : elektronnyj.

7. Lapina M.A. Sistematizaciya i elektronnoe kodirovanie funkcij i polnomochij v sisteme publicnogo upravleniya : monografiya / Lapina M.A., Bachilo I.L., Ostro-ushko A.V., Karpuhin D.V., Polyakova T.A. - Moskva : YUsticiya, 2016. - 208 s. - ISBN 978-5-4365-1095-8. - URL: <https://book.ru/book/920754> (data obrashcheniya: 13.05.2020). - Tekst: elektronnyj.

8. Connect: mir informacionnyh tekhnologij: zhurnal / gl. red. A. Voronin; otv. za izd. OOO «Konnekt-IKT». - Moskva: Konnekt-IKT, 2014. - № 1/2(211/212). - 96 s. Rezhim dostupa: po podpiske. - URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=240930>. - ISSN 1836-8522. - Tekst: elektronnyj.

9. Silaeva V.V., Murav'eva M.A., Nazarova O.G. Problemy i perspektivy razvitiya innovacionnoj politiki na nacional'nom i regional'nom urovnyah. V sbornike: Sovremennyy stil' upravleniya. - CHEboksary. 2016. – S.154-172

10. Harchenko A.A, Konyuhov V.YU. Cifrovaya ekonomika kak ekonomika budushchego // Molodezhnyj vestnik IrGTU. 2017. №3. – S.17.

11. Shag v budushchee: iskusstvennyj intellekt i cifrovaya ekonomika. Revolyuciya v upravlenii: novaya cifrovaya ekonomika ili novyj mir mashin: materialy II Mezhdunarodnogo nauchnogo foruma. Vypusk 3 / Gosudarstvennyj universitet upravleniya. – Moskva: Izdatel'skij dom GUU, 2018. – 486 s.

12. Shag v budushchee: iskusstvennyj intellekt i cifrovaya ekonomika. Revolyuciya v upravlenii: novaya cifrovaya ekonomika ili novyj mir mashin [Tekst]: materialy II Mezhdunarodnogo nauchnogo foruma. Vypusk 4 / Gosudarstvennyj universitet upravleniya. – Moskva : Izdatel'skij dom GUU, 2018. – 478 s.

13. Kupriyanovskij V. P. Kiber-fizicheskie sistemy kak osnova cifrovoj ekonomiki / Namiot D.E., Sinyagov S.A. // International Journal of Open Information Technologies. - 2016. - T. 4, № 2. - S. 18–25. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiber-fizicheskie-sistemy-kak-osnova-tsifrovoy-ekonomiki> (data obrashcheniya: 14.05.2020). - Tekst: elektronnyj.

14. Minzov A.S, Informacionnaya bezopasnost' v cifrovoj ekonomike / Minzov A.S., Nevskij A.YU., Baronov O.YU. // ITNOU: informacionnye tekhnologii v nauke, obrazovanii i upravlenii. 2018. №3 (7). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnaya-bezopasnost-v-tsifrovoy-ekonomike> (data obrashcheniya: 14.05.2020). – Tekst: elektronnyj.

About the author

Nazarova Olga Gennadievna - Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Customs and Marketing «Bryansk State Academician I.G. Petrovski University», olga1600@yandex.ru

Klimenko Alexander Dmitrievich - 3rd year student of the direction «Customs», profile «Customs payments» «Bryansk state University named after academician I. G. Petrovsky», lu-pin.2221@gmail.com

УДК 338.1/ББК 65.245

СТИМУЛИРОВАНИЕ РОСТА ФОНДА ОПЛАТЫ ТРУДА НА ОСНОВЕ РАЗВИТИЯ ОТРАСЛЕЙ ЭКОНОМИКИ

М.А. Сидоров, Н.М. Румянцев

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

В статье рассматривается возможность сглаживания негативных последствий кризисных явлений с помощью стимулирования ряда отраслей экономики. Особый интерес при этом представляет определение направлений развития фонда оплаты труда и создание новых рабочих мест, не требующее значительных временных и материальных затрат. С помощью межотраслевого моделирования выделена отрасль здравоохранения, отвечающая этим условиям. На основе данных об экономическом эффекте от стимулирования спроса на товары и услуги здравоохранения сделан вывод о его значительном влиянии на фонд оплаты труда, но ограниченном на экономический рост, сделан акцент на том, что дополнительно усилить эффект можно перейдя на отечественное медицинское оборудование. Немаловажным является и диверсификация нерентабельных по причине мелкосерийности электронных производств, используемых в настоящий момент для оборонных нужд, для целей здравоохранения.

Ключевые слова: фонд оплаты труда, межотраслевой баланс, здравоохранение, благосостояние населения, экономический рост, импортозамещение, экономическое моделирование

Текущие народнохозяйственные условия – пандемия и вызванный ею экономический кризис – требуют от властей незамедлительной реакции. Из-за введения ограничительных мероприятий многие организации терпят значительные убытки, даже несмотря на меры поддержки для системообразующих предприятий и отраслей.

Самый сильный удар пандемия нанесла по занятости: по базовому сценарию разработанного ВШЭ прогноза в 2020 году уровень безработицы в России составит 8% при 4,7% в марте этого же года. Причем наибольшие потери рабочих мест произойдут в некорпоративном секторе экономики. В результате экономического кризиса, связанного с пандемией коронавируса SARS-CoV-2, средний класс может скатиться в бедность¹.

По мнению участников 26-й экспертной сессии Координационного клуба Вольного экономического общества России, государству необходимо не только усилить поддержку экономики, но и поддержать доходы населения для формирования платёжеспособного спроса, без которого не будет экономического роста². В условиях экономического системного кризиса и дестабилизации внешней среды экономика Российской Федерации и ее регионов становятся заметны структурные проблемы, возникшие еще до пандемии. Для того, чтобы сдержать негативное влияние эпидемии и перейти к фазе роста, необходимы структурные преобразования и стимуляция тех отраслей экономики, которые могут дать значительный прирост оплаты труда для восстановления уровня жизни населения, который, в свою очередь создаст платежеспособный внутренний спрос. Также имеет смысл направить усилия структурной политики на виды экономической деятельности, способные помочь укрепить национальную безопасность за счет импортозамещения. Необходимость структурных изменений и преодоления «кризиса пандемии» обосновывает актуальность проводимого нами исследования.

Целью исследования было обозначено выявление и научное обоснование необходимости стимулирования наиболее доходных (с точки зрения наращивания фонда оплаты труда работников, возникающего от их стимулирования) отраслей народного хозяйства с исполь-

¹ Ректор ВШЭ предупредил о риске обеднения среднего класса в России. URL: <https://www.rbc.ru/society/27/04/2020/5ea736a29a7947c355361fcb> (дата доступа: 27.05.2020)

² Эксперты назвали главные задачи властей после пандемии. URL: <https://ecfor.ru/publication/glavnye-zadachi-vlastej-posle-pandemii/> (дата доступа: 27.05.2020)

зованием межотраслевого моделирования экономики РФ. Достижение озвученной цели потребовало решения следующих задач: оценка текущего состояния оплаты труда, расчет мультипликативных эффектов от стимулирования отраслей народного хозяйства и выделение основные отраслевых драйверов роста фонда оплаты труда.

Вопросами структурных преобразований в экономике научное сообщество занимается довольно активно, что также подтверждает актуальность нашего исследования. Так, В.А. Ильин отмечает необходимость активных изменений в экономическом развитии России и основным их фактором может стать структурная трансформация экономики [1]. А.А. Широков и его коллеги утверждают, что традиционные меры управления экономикой уже не эффективны, и необходимо использование потенциала структурных преобразований [2]. Направлениями структурных изменений называют расширение индустриальной базы [3], стимулирование внутреннего и инвестиционного спроса [4, 5] и захват технологического лидерства [2].

Существует ряд обоснованных точек зрения на возможные отраслевые драйверы в российской экономике. Так, ученые Вологодского научного центра РАН называли потенциальными точками роста информационно-коммуникационные технологии и туризм [6], коллектив Института народнохозяйственного прогнозирования говорит о том, что локомотивом роста экономики может стать энергетический сектор [2]. В.В. Миронов и Л.Д. Коновалова сформировали предварительную версию оптимальной структуры российской экономики, основанную на мультисекторной разновидности закона Тирлволла [7]. Также коллектив под руководством А.А. Широкова отмечает, что целью структурных трансформаций должна быть не стимуляция конкретных отраслей, а создание связей внутри экономики для обеспечения ее сбалансированного роста [2]. Однако дальнейший поиск отраслевых драйверов роста имеет место быть.

Акцент именно на фонде оплаты труда также имеет под собой обоснование в ряде исследований. Так, Е.В. Лукин видит перспективным такую стимуляцию экономики государством, которая вела бы к повышению доходов населения, компаний и государства для расширения потребительского спроса [8]. А.В. Попов отмечает, что дестабилизация трудовых отношений, которая, по нашему мнению, только усиливается из-за режима самоизоляции, ведет к снижению роста производительности труда [9]. Это вызывает снижение эффективности экономики. Также, ученые ВШЭ отмечают, что структурная политика может быть направлена не только на экономический рост, но и улучшение благосостояния населения [10].

Подводя итог обзору исследований по обозначенной теме, можно отметить, что изучение наиболее эффективных отраслевых приоритетов структурной политики, целью которой будет повышение фонда оплаты труда, является острой темой при росте безработицы и снижении уровня доходов из-за эпидемии коронавируса. Новизна результатов будет состоять в достижении цели исследования путем применения межотраслевого баланса. Это позволит оценить мультипликативные эффекты от стимулирования различных видов экономической деятельности для выделения тех отраслей, которые обозначены целью исследования.

Методика исследования.

Методологическую основу составили труды ученых (А.Г. Аганбегян [11, 12], В.В. Ивантер, И.А. Погосов [13], Б. Порфирьев [14], О.С. Сухарев [12; 15], Т.В. Ускова [16], А.А. Широков и др.), исследующих проблемы ускорения экономического роста, в том числе путем стимулирования внутреннего спроса.

В качестве инструмента прогнозирования использована межотраслевая модель, содержащая включенный в нее вид деятельности «Здравоохранение и предоставление социальных услуг».

Вычленение изучаемых отраслей произведено на основании агрегирования расширенного перечня разнесённых по видам деятельности данных, отражающих выпуск товаров, проведение работ и оказание услуг российскими предприятиями.

Модель основывается на базовом уравнении межотраслевого баланса, которое в мат-

ричной форме имеет вид:

$$x = Ax + y, \tag{1}$$

где x – вектор суммарного объема продукции;
 A – матрица коэффициентов прямых затрат;
 y – вектор конечного продукта.

При моделировании использовано уравнение:

$$(E-A)^{-1} \cdot y = x, \tag{2}$$

где E – единичная матрица;
 $(E - A)^{-1}$ – матрица коэффициентов полных затрат.

На основании полученной матричной зависимости можно рассчитать, каким должен быть объем реализации x во всех отраслях экономики, если планируется изменение конечного спроса y .

Далее с помощью межотраслевой модели рассчитаны объемы реализации продукции здравоохранения при росте спроса на неё. Также была оценена роль этой отрасли в дополнительный прирост численности работников и фонда заработной платы.

Основные результаты исследования.

Расчеты, проведенные на основе сформированной межотраслевой модели, позволили определить значимость отраслевого стимулирования для развития фонда оплаты труда. Определено, что наибольшее влияние на него оказывает стимулирование здравоохранения и таких отраслей промышленности как машиностроение производство прочих неметаллических минеральных продуктов, включающее в себя преимущественно производство стройматериалов и стекла (рис. 1).

Рисунок 1 – Межотраслевой прирост фонда оплаты труда от стимулирования отраслей экономики в 2016 г., %

Источник: рассчитано авторами на основе таблицы затраты-выпуск

Интерес при этом представляет прежде всего здравоохранение, поскольку оно относится к сектору услуг, и его развитие не потребует рисков, материальных и временных затрат, которые необходимы для стимулирования промышленности. В этой связи было проведено расчет экономических эффектов от развития здравоохранения.

В частности, выявлено, что дополнительное стимулирование отрасли в объеме 10% от выпуска обеспечит прирост численности работников в количестве 227 тыс. чел., фонда заработной платы – 111,6 млрд. руб. (табл. 1). Рост спроса на продукцию этой отрасли приведет ускорению и других экономических показателей, в частности темпов производства ВВП: согласно расчетам, на 0,14%. Валовой выпуск продукции в целом по экономике увеличится на 0,12%, в том числе здравоохранения на 3,6%.

Таблица 1 – Эффект от стимулирования здравоохранения для экономики РФ

Вид экономической деятельности	Прирост валового выпуска, в %	Прирост валового выпуска, в млрд. руб.	Прирост численности работников, тыс. чел.	Прирост фонда заработной платы, млрд. руб.
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	100,0	2 589	0,6	0,2
Рыболовство, рыбоводство	100,0	71	0,0	0,0
Добыча полезных ископаемых	100,0	5 050	0,4	0,4
Обрабатывающие производства конечного спроса	100,1	5 088	1,1	0,4
Обрабатывающие производства промежуточного спроса	100,1	17 566	1,5	0,8
Обрабатывающие производства инвестиционного спроса (без машиностроения)	100,0	751	0,2	0,1
Машиностроение	100,1	6 881	1,9	1,0
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	100,7	8 820	14,8	7,6
Строительство	100,1	4 489	1,2	0,6
Оптовая и розничная торговля	100,1	8 886	4,4	1,9
Гостиницы и рестораны	100,0	865	0,0	0,0
Транспорт	100,3	5 863	11,3	6,4
Связь	100,0	652	0,1	0,0
Финансовая деятельность	100,1	2 264	0,6	0,6
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	100,2	9 787	9,1	5,2
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	100,0	216	0,0	0,0
Образование	100,0	356	0,2	0,1
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	103,6	117 286	179,1	86,0
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	100,0	1 113	0,3	0,2
В целом по экономике	100,1	198 594	227	111,6

Источник: рассчитано авторами.

Обращает на себя внимание тот факт, что стимулирование медицины окажет незначительное влияние на экономический рост. Отчасти это связано с её незначительной долей в общем объёме, однако стоит учитывать, что результативность этого процесса занижена по причине того, что часть потребляемого медицинского оборудования закупается за рубежом.

Отдельно остановимся на негативных последствиях возрастающей импортозависимости российской медицины. Активное использование в качестве ресурсов этой отрасли продукции зарубежного производства значительно снижает эффект от её стимулирования (табл. 2).

Добавим, что полученные результаты расчетов согласуются с выводами исследователей, занимающихся оценкой мультипликативных эффектов прироста выпуска в различных секторах экономики на основе модели межотраслевого баланса. Так, в работе ученых ИНП

РАН обосновано, что в тех секторах, которым присуща более высокая доля затрат на импортное оборудование в общем объеме капитальных затрат, снижение оценок эффекта прироста добавленной стоимости существеннее, чем в других [17].

Таблица 2 – Доля импорта в ресурсах медицинского оборудования в 2011 и 2016 гг., %

Отрасли электронной промышленности	Доля импорта в 2011 г.	Доля импорта в 2016 г.
33.1 Изделия медицинские, включая хирургическое оборудование, ортопедические приспособления	63,6	65,3
Источник: таблица ресурсов ТЗВ за 2011 и 2016 гг.		

Таким образом, дальнейшее стимулирование данных отраслей будет в большей степени развивать не только отечественную экономику, но и народное хозяйство стран-импортеров, что усложняет переход России к высокотехнологичному развитию. Следовательно, создание и координация отечественных производств необходимой продукции и должны стать одной из приоритетных задач экономической политики.

По нашим расчётам, полная замена импортной части материальной базы здравоохранения на отечественную будет сопровождаться дополнительным приростом фонда оплаты труда на 54,7 млрд. руб., а также 111 тысяч рабочих мест. Помимо этого ВВП вырастет на 0,12%, валовый выпуск увеличится в том же соотношении.

При стимулировании производства той или иной отрасли важно знать о её поставщиках, спрос на продукцию которых также вырастет. В потреблении здравоохранения преобладает химическое производство, ряд отраслей сектора услуг, а также строительство, машиностроение и пищевая промышленность, на долю которых приходится 79% от общего объема потребления здравоохранения (рис. 2).

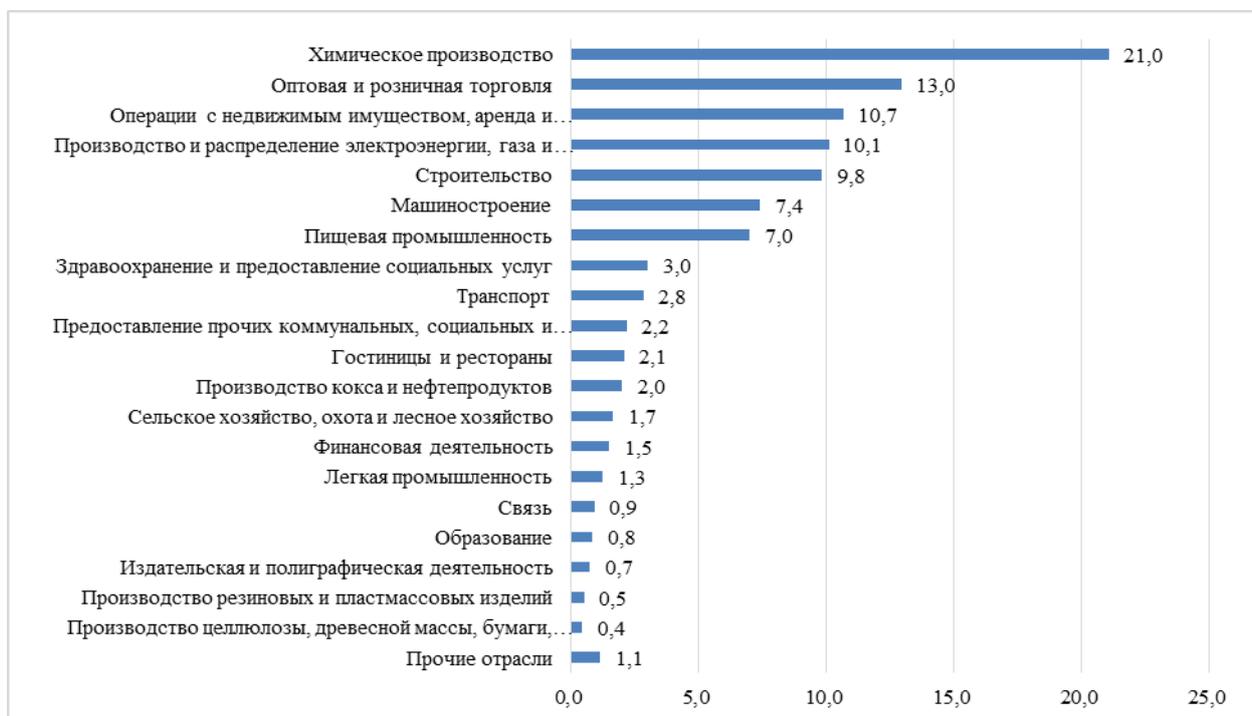

Рисунок 2 - Распределение эффекта от стимулирования здравоохранения между остальными отраслями экономики в 2016 г., %

Источник: рассчитано авторами на основе таблицы затраты-выпуск

Остановимся также на электронном оборудовании, которое используется в здравоохранении. Сейчас большинство предприятий, выпускающих электронику, принадлежат государству, и используются преимущественно для оборонных нужд, что в комплексе с мелко-

серийностью во многих случаях делает невозможным внедрение новых разработок, создание рентабельных производств, и соответственно дальнейшее развитие этой отрасли. В целях повышения национальной безопасности жизненно важно диверсифицировать дорогостоящие производства электроники для здравоохранения в русле освоения крупносерийных производств гражданской электроники.

Подытоживая отметим, что основной спрос на продукцию здравоохранения в России создают сектор услуг и сельское хозяйство, следовательно, его возможно путем реализации инвестиционных программ в смежных отраслях. Добавим, что по нашему мнению наиболее целесообразной будет реализация инвестиционных программ в смежных с медициной отраслях машиностроения, опираясь на территориальное распределение эффекта от комплекса осуществляемых мер. Таким образом станет возможным укрепление курса на уменьшение территориального экономического дисбаланса.

Заключение.

1. Расчеты, выполненные по построенной нами межотраслевой модели, позволили оценить эффект от стимулирования отраслей экономики, выражающийся в увеличении фонда оплаты труда. Определено, что помимо общеизвестной промышленности интерес представляет развитие системы здравоохранения.

2. Развитие медицины вносит положительный вклад в темпы роста фонда оплаты труда страны. Стимулирование спроса на продукцию только этой отрасли в размере 10% от объема выпуска увеличит ФОТ на 111,6 млрд. руб. Представляется, что формирование комфортных условий для производителей отечественного высокотехнологичного медицинского оборудования поможет увеличить межотраслевой вклад этого сектора в экономику. Стоит учитывать, что результативность этого процесса занижена по причине превалирования импортной продукции в потреблении медицинского оборудования. Переход на использование медицинского оборудования отечественного производства увеличит фонд оплаты труда страны дополнительно на 54,7 млрд. руб.

3. В целях повышения национальной безопасности жизненно важно диверсифицировать наиболее дорогостоящие производства электроники для нужд здравоохранения в русле освоения крупносерийных производств гражданской электроники.

4. Формирование спроса на товары и услуги здравоохранения промышленности потребует обеспечения необходимого уровня инвестиций. Источниками для усиления инвестиционной составляющей могут быть средства, образующиеся в результате перераспределения дохода от экспорта сырьевых ресурсов, привлечения финансовых ресурсов населения и бюджета, а также создания привлекательных условий для инвестирования бизнеса в рассматриваемые отрасли.

Подводя итог, стоит отметить, что развитие здравоохранения способствует ускорению темпов роста благосостояния населения и ВВП, а также повышению эффективности и конкурентоспособности экономики страны и ее регионов в долгосрочной перспективе. Имеют немаловажное значение и косвенные эффекты, которые эта отрасль способна принести – повышение уровня жизни населения и её продолжительности, сохранение дополнительной части трудовых ресурсов, и снятие определенного социального напряжения.

Важно и то, что сложившийся пандемический кризис стал хорошим поводом развить фонд оплаты труда на рельсах уже запущенного стимулирования здравоохранения и производства медицинского оборудования и лекарственных препаратов.

Добавим, что научная значимость исследования состоит в развитии научных положений в отношении выявления отраслевых драйверов экономического роста, разработке методического инструментария, позволяющего оценить их влияние на экономику страны и регионов на основе метода межотраслевого баланса. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов органами власти при определении направлений, обеспечивающих структурные изменения. В дальнейшем будут проведены работы по определению соответствия закрепленных в стратегических документах параметров развития данных секторов и полученных в исследовании результатов для более глубокого

осмысления проблем структурной перестройки экономики.

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 19-010-00709.

Список литературы

1. Ильин В.А., Морев М.В. Тревожное будущее 2024 года // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2018. Т. 11. № 3. С. 9–24. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.1
2. Трансформация структуры экономики: механизмы и управление: монография / под науч. ред. А.А. Широ́ва. М.: МАКС Пресс. 2018. 264 с.
3. Кондратьев В. Конец глобализации или новый этап? // *Проблемы теории и практики управления*. 2017. № 12. С. 6–17.
4. Lukin E.V., Leonidova E.G., Sidorov M.A. Boosting domestic demand as a driving force of economic growth (on the example of domestic tourism sphere). *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 4, pp. 125–143. DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.8
5. Леонидова Е.Г., Румянцев Н.М. К вопросу об активизации потребительского и инвестиционного внутреннего спроса // *Проблемы развития территории*. 2020. № 1 (105). С. 52–63. DOI: 10.15838/ptd.2020.1.105.4
6. Leonidova E.G., Sidorov M.A. Structural changes in the economy: searching for sectoral drivers of growth. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 6, pp. 166–181. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.9
7. Миронов В.В., Коновалова Л.Д. О взаимосвязи структурных изменений и экономического роста в мировой экономике и России // *Вопросы экономики*. 2019. № 1. С. 54–78. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-1-54-78>
8. Лукин Е.В. Отраслевая и территориальная специфика цепочек добавленной стоимости в России: межотраслевой подход // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2019. Т. 12. № 6. С. 129–149. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.7
9. Попов А.В., Соловьева Т.С. Анализ и классификация последствий прекаризации занятости: индивидуальный, организационный и общественный уровни // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2019. Т. 12. № 6. С. 182–196. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.10
10. Структурная политика в России: новые условия и возможная повестка (Доклад НИУ ВШЭ) // *Вопросы экономики*. 2018. № 6. С. 5–28. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-6-5-28>
11. Аганбегян А. Почему экономика России топчется на месте? // *Проблемы теории и практики управления*. 2018. № 3. С. 11–27.
12. Сухарев О.С. Структурные ограничения и подходы к их преодолению // *Экономист*. 2014. № 1. С. 50–55.
13. Погосов И.А. Тенденции изменения структуры экономики России после кризиса 1998 г. М.: Институт экономики РАН, 2010. 44 с.
14. Ивантер В., Порфирьев Б., Широ́в А. Структурные аспекты долгосрочной экономической политики // *Проблемы теории и практики управления*. 2018. № 3. С. 27–34.
15. Сухарев О.С. Изменение макроэкономической политики для обеспечения экономического роста в 2018–2024 гг. // *Проблемы теории и практики управления*. 2018. № 3. С. 113–119.
16. Проблемы экономического роста территории: монография / под науч. рук. Т.В. Усковой. ИСЭРТ РАН, Вологда, 2013. С. 170.
17. Широ́в А.А., Михеева Н.А., Гусев М.С., Савчишина К.Е. Макроэкономическая стабилизация и пространственное развитие экономики // *Проблемы прогнозирования*. 2019. № 5. С. 5–15.

Сведения об авторах

Максим Андреевич Сидоров – младший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ma.sidorov@mail.ru.

Никита Михайлович Румянцев – инженер-исследователь, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: rumyanik.95@gmail.com.

UDK 338.1/ББК 65.245

STIMULATION OF GROWTH OF THE PAYROLL FUND ON THE BASIS OF DEVELOPMENT OF ECONOMIC INDUSTRIES

M.A. Sidorov, N.M. Rumyancev

Federal State Budgetary Institution of Science «Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (VolRC RAS)»

The article considers the possibility of smoothing the negative consequences of crisis phenomena by stimulating a number of sectors of the economy. Of particular interest in this case is the determination of the directions of development of the wage fund and the creation of new jobs that do not require significant time and material costs. With the help of intersectoral modeling, the healthcare sector that meets these conditions has been identified. Based on the data on the economic effect of stimulating demand for goods and health care services, it was concluded that it has a significant effect on the wage fund, but limited on economic growth, and emphasized that the effect can be further enhanced by switching to domestic medical equipment. Equally important is the diversification of unprofitable due to the small-scale electronic industries currently used for defense needs, for health care.

Keywords: payroll fund, intersectoral balance, health care, welfare of the population, economic growth, import substitution, economic modeling.

References

1. Il'in V.A., Morev M.V. Trevozhnoe budushchee 2024 goda // *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz*. 2018. T. 11. № 3. S. 9–24. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.1
2. Transformaciya struktury ekonomiki: mekhanizmy i upravlenie: monografiya / pod nauch. red. A.A. Shirova. M.: MAKS Press. 2018. 264 s.
3. Kondrat'ev V. Konec globalizacii ili novyj etap? // *Problemy teorii i praktiki upravleniya*. 2017. № 12. S. 6–17.
4. Lukin E.V., Leonidova E.G., Sidorov M.A. Boosting domestic demand as a driving force of economic growth (on the example of domestic tourism sphere). *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 4, pp. 125–143. DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.8
5. Leonidova E.G., Rumyancev N.M. K voprosu ob aktivizacii potrebitel'skogo i investitsionnogo vnutrennego sprosa // *Problemy razvitiya territorii*. 2020. № 1 (105). S. 52–63. DOI: 10.15838/ptd.2020.1.105.4
6. Leonidova E.G., Sidorov M.A. Structural changes in the economy: searching for sectoral drivers of growth. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 6, pp. 166–181. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.9
7. Mironov V.V., Konovalova L.D. O vzaimosvyazi strukturnykh izmenenij i eko-

- nomicheskogo rosta v mirovoj ekonomike i Rossii // *Voprosy ekonomiki*. 2019. № 1. С. 54–78. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-1-54-78>
8. Lukin E.V. Otrasleyaya i territorial'naya specifika cepochek dobavlennoj stoimosti v Rossii: mezhotraslevoj podhod // *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fak-ty, tendencii, prognoz*. 2019. T. 12. № 6. S. 129–149. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.7
9. Popov A.V., Solov'eva T.S. Analiz i klassifikaciya posledstvij prekarizacii zanyatosti: individual'nyj, organizacionnyj i obshchestvennyj urovni // *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz*. 2019. T. 12. № 6. S. 182–196. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.10
10. Strukturnaya politika v Rossii: novye usloviya i vozmozhnaya povestka (Doklad NIU VSHE) // *Voprosy ekonomiki*. 2018. № 6. S. 5–28. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-6-5-28>
11. Aganbegyan A. Pochemu ekonomika Rossii topchetsya na meste? // *Problemy teorii i praktiki upravleniya*. 2018. № 3. С. 11–27.
12. Suharev O.S. Strukturnye ogranicheniya i podhody k ih preodoleniyu // *Ekonomist*. 2014. № 1. С. 50–55.
13. Pogosov I.A. Tendencii izmeneniya struktury ekonomiki Rossii posle krizisa 1998 g. M.: Institut ekonomiki RAN, 2010. 44 с.
14. Ivanter V., Porfir'ev B., Shirov A. Strukturnye aspekty dolgosrochnoj ekonomicheskoy politiki // *Problemy teorii i praktiki upravleniya*. 2018. № 3. С. 27–34.
15. Suharev O.S. Izmenenie makroekonomicheskoy politiki dlya obespecheniya ekonomicheskogo rosta v 2018–2024 gg. // *Problemy teorii i praktiki upravleniya*. 2018. № 3. С. 113–119.
16. *Problemy ekonomicheskogo rosta territorii: monografiya / pod nauch. ruk. T.V. Uskovoij*. ISERT RAN, Vologda, 2013. С. 170.
17. Shirov A.A., Miheeva N.A., Gusev M.S., Savchishina K.E. Makroekonomicheskaya stabilizaciya i prostranstvennoe razvitie ekonomiki // *Problemy prognozirovaniya*. 2019. № 5. С. 5–15.

Author`s information

Maksim A. Sidorov – Junior Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science «Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences». 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ma.sidorov@mail.ru

Nikita M. Rumyantsev – Research Engineer, Federal State Budgetary Institution of Science «Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences». 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: rumyanik.95@gmail.com

УДК 332.1

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОСТИ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

С.Н. Смирнова

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук»

Особую роль в пространственном развитии любой страны играют сельские территории. В настоящее время в России в связи с принятием в 2019 г. Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 года и государственной программы «Комплексное развитие сельских территорий» особо актуализировались вопросы системного анализа проблем развития сельских территорий и разработки эффективных механизмов их развития. В связи с этим в данной статье охарактеризованы факторы, влияющие на условия развития сельских поселений на основе анализа материалов научных публикаций российских ученых по данной тематике. На основе результатов опроса глав муниципальных образований обозначены ключевые проблемы развития органов местного самоуправления, определены особенности сельских поселений. Сделан вывод о важнейшей роли укрепления собственной финансовой базы местного самоуправления.

Ключевые слова: сельские территории, опрос глав, устойчивое развитие, сельская экономика, местное самоуправление.

Большую часть Российской Федерации занимают сельские территории (территории вне городских населённых пунктов), на которых проживают 26% населения страны (81% всех муниципальных образований составляют сельские поселения). Они являются базой для развития сельскохозяйственного производства, обеспечения продовольственной, а соответственно в определенной степени и национальной безопасности, играют важнейшую роль в устойчивом развитии страны в целом, её регионов и муниципалитетов. В целом развитие сельских территорий России в настоящее время характеризуется наличием ряда системных проблем: слабо развита экономика и социальная сфера; сохраняются проблемы безработицы; отмечается низкий уровень развития инженерной и иной инфраструктур (например, в целом по стране лишь треть жилого фонда в сельской местности обеспечена всеми видами благоустройства; острой проблемой является и низкое качество питьевой воды) и другое [2,16].

Важность создания условий для комплексного и устойчивого развития сельских территорий обозначена на всех уровнях власти в России. основополагающим фактором устойчивого развития сельских территорий является местное сельское самоуправление. В сельской местности Российской Федерации насчитывается более 20 тыс. муниципальных образований, из них 18,5 тыс. являются сельскими поселениями. Сельское самоуправление в современных условиях развивается под влиянием ряда факторов экономического и институционального характера, преодоление которых требует порой немалых усилий для решения вопросов местного значения [9].

Целью данной статьи является выявление необходимых условий для устойчивого развития сельских поселений на основе анализа результатов анкетного опроса глав муниципалитетов Вологодской области.

Объектом исследования выступают сельские территории Вологодской области.

Методологической основой исследования послужили методы анализа, синтеза, сравнения, обобщения, статистические и экспертные оценки.

Изучением вопросов и проблем устойчивого развития сельских территорий занимаются множество российских исследователей, в частности, Р.Х. Адуков [1], Л.В. Бондаренко [2], С.В. Киселев [4], Ф.З. Мичурина [5], Т.Г. Нефёдова [6], Л.А. Овчинцева [9], В.В. Пацюрковский [10], М.М. Скальная [14], В.Я. Узун [15], А.В. Мерзлов [17] и др. Результаты исследований данных авторов также учитывались в нашем исследовании.

По мнению Т.Г. Нефёдовой, в сложившихся условиях депопуляции населения и поляризации сельского хозяйства «для развития сельских территорий необходимо множество

разных производителей, причем не только сельскохозяйственных, от крупных до мелких... важна поддержка любых форм среднего и малого бизнеса в сельской местности и сохранение транспортной и социальной инфраструктуры с рабочими местами хотя бы там, где еще есть население». Исследователь отмечает, такое явление как «дачная» экономика способна лишь затормозить социальное опустынивание территории, поскольку также характерна для пригородов, а в удаленных местах – для доступных и наиболее ландшафтно привлекательных [6].

В докладе Минсельхоза [8] указывается, что снижение численности и доли сельского населения - закономерный процесс пока не завершившейся урбанизации, который ускоряется значительным различием в уровне жизни между городом и селом. Развивая сельскую инфраструктуру (дороги, социальная и инженерная инфраструктура, сельская занятость), можно сдержать процесс обезлюдивания сельских территорий, что особенно актуально для отдаленных труднодоступных районов. Поддержание инженерной инфраструктуры на селе - один из основных факторов, обуславливающих развитие сельских территорий. По результатам социологического исследования, проведенного Минсельхозом, для сельских жителей главные проблемы сельского развития в России - это инфраструктура и безработица.

В.В. Пациорковский убежден, что основными ресурсами развития территории является местная власть и благосостояние населения. Местное самоуправление обречено на вялотекущее существование без поддержки самостоятельных и инициативных людей [10].

На основе изучения материалов публикаций исследователей, отметим факторы, определяющие условия развития сельских поселений.

Во-первых, поляризация сельского пространства. Переход к рыночной модели развития наиболее трудным оказался для Нечерноземья, в силу климатических условий, не имеющих сравнительных преимуществ в ведении сельского хозяйства по отношению к южным регионам. Отсутствие серьезной государственной поддержки привело к развалу большинства колхозов и резкому падению сельскохозяйственного производства. В Нечерноземье в постсоветский период выведены из оборота около 13 млн. гектар земли, объемы растениеводства и животноводства сократились в несколько раз и восстанавливаются очень медленно [6].

Во-вторых, сельское хозяйство стало более индустриальным, но при этом выборочно-очаговым (концентрация производства усилилась за счет формирования новых крупных агропромышленных структур), что привело к подрыву экономической базы многих сельских поселений, в том числе сокращению занятости, росту безработицы, падению доходов сельского населения [6].

В-третьих, усиление разрыва в качестве и уровне жизни в городской и сельской местности ведет к оттоку населения, особенно молодого, из села в город [7].

В-четвертых, постсоветский период на фоне общего резкого спада сельского производства и сжатия экономически освоенных пространств угрожающие темпы приобрела депопуляция сельского населения.

В-пятых, уровень благоустройства жилья в сельской местности значительно отстает от благоустройства жилья в городах.

В-шестых, большинство сельских территорий имеют низкую бюджетную обеспеченность и дотационный бюджет.

В-седьмых, недостаточное научное, материальное, финансовое и кадровое обеспечение устойчивого развития сельских территорий [12].

Социально-экономическому развитию сельских территорий России препятствует множество факторов. Как отмечает Р.Х. Адуков [1], практически все они порождены недостаточной эффективностью государственного управления и считает, что важным условием ее повышения является разработка государственных программ развития, нацеленных на полноценное использование потенциала сельских территорий.

В 2019 году была принята Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года [11], в которую также включены задачи по повышению устойчивости системы расселения за счет социально-экономического развития сельских террито-

рий, учитывая плотность населения, различный характер освоения и использования таких территорий, природные условия, удаленность от крупных городов. Одним из механизмов реализации этих задач было принятие государственной программы «Комплексное развитие сельских территорий» (сроки реализации программы: 2020–2025 годы) [13]. В проектную часть этой программы включены пять ведомственных проектов, в рамках которых предусмотрены мероприятия по развитию жилищного строительства, транспортной и инженерной инфраструктуры, благоустройства территории, содействию занятости сельского населения. Таким образом, основной блок мероприятий программы направлен на создание современного облика села, а именно на реализацию проектов по комплексному обустройству сельских поселений.

Помимо исследования динамики количественных (статистических) показателей развития сельских территорий необходимо понимать и качественную ситуацию, то есть, как эти процессы оценивают непосредственно жители или руководители органов местного самоуправления, принимающие соответствующие управленческие решения по развитию сельских территорий.

В марте – сентябре 2019 года сотрудниками отдела проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах ФГБУН ВолНЦ РАН был проведен очередной опрос³ глав муниципальных образований Вологодской области (первый такой опрос был проведен в 2007 г. по итогам 2006 г.) по анкете, включающей различные аспекты социально-экономического развития и организации муниципального управления. В ходе исследования проанализированы изменения, произошедшие в муниципалитетах за прошедший 2018 год, и выявлены наиболее актуальные проблемы, препятствующие реализации Федерального закона № 131-ФЗ⁴ в полном объеме в текущем году. Были получены заполненные анкеты от 130 глав муниципальных образований (две трети от числа разосланных анкет).

Таблица 1- Распределение ответов на вопрос: «Как Вы оцениваете результаты изменений, проводимых в рамках реформы местного самоуправления, применительно к Вашему муниципальному образованию?» (в % от числа ответивших)

Варианты ответов	Муниципальные образования								
	сельские поселения			городские поселения			муниципальные районы		
	2006 г.	2017 г.	2018 г.	2006 г.	2017 г.	2018 г.	2006 г.	2017 г.	2018 г.
Положительно	63,5	28,2	46,2	77,8	30,0	50,0	57,1	40,0	52,9
Ситуация не изменилась	21,2	52,1	35,9	0,0	70,0	25,0	42,9	45,0	29,4
Отрицательно	15,3	19,7	17,9	22,2	0,0	25,0	0,0	15,0	17,6

Источник здесь и в таблицах 1-10: База данных мониторинга изучения условий реформирования института местного самоуправления Вологодской области / ФГБУН ВолНЦ РАН, 2007 – 2019 гг.
 Результаты опроса за предыдущие годы опубликованы, например в [3,16].

Результаты проведенного опроса свидетельствуют, что увеличивается число руководителей, которые положительно оценивают результаты проводимых изменений по реформированию местного самоуправления за последние годы: с 40% в 2017 г. до 52,9% в 2018 г. в районах; с 30% до 50% в городских и с 28,2% до 46,2% – в сельских поселениях (табл. 1). В 2006-2007 гг. у глав муниципалитетов имелись значительные позитивные ожидания от проводимой реформы, подкреплённые дополнительными и повышенными мерами государственной поддержки, и большинство положительно оценивали результаты новой реформы. Позднее ожидания не оправдались. За последние годы наблюдается повышение, это можно

³ На вопросы анкеты (30-40 вопросов) ежегодно отвечают 150-210 глав муниципальных образований из 222-372 (в 2008-2016 гг. в Вологодской области проходил процесс объединения сельских поселений, в результате общее количество муниципальных образований сократилось на 150), что позволяет обеспечить ошибку выборки 4-5%. Главы дают оценку по итогам прошедшего календарного года: например, в опросе 2019 г. по итогам 2018 г.

⁴ Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 23.05.2020) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». – URL [http:// www.consultant.ru](http://www.consultant.ru) (дата обращения: 25.05.2020)

объяснить успешной реализацией государственных программ, повышением бюджетной обеспеченности муниципалитета. Пятая часть опрошенных глав отметила изменения как отрицательные.

В рамках нашего исследования акцентируем внимание на низовом уровне муниципального управления – сельских поселениях. Он отличается более негативными оценками, как в сравнении с районным, так и городским уровнями.

Так, главы сельских поселений отмечают наиболее проблемные сферы своего муниципалитета: оценивают положение «плохое и очень плохое» в сфере трудоустройства 58% глав, в демографии 64% глав, в сфере экономики 43%, в сфере обеспечения населения транспортными услугами 33% (табл. 2). Среди муниципальных образований выше доля глав сельских поселений, оценивающих экономическое развитие своей территории как «плохое и очень плохое» (43%), в районах эта доля 23%, в городских поселениях – 33%. Это указывает на низкий уровень развития сельской экономики и определяет низкую обеспеченность муниципального образования собственными доходами.

По-прежнему, в большинстве сельских поселений складывается неблагоприятная демографическая ситуация (так считают 64 % глав), так как уменьшение численности населения приводит к сокращению трудовых ресурсов, деградации существующей системы расселения и даже потере управляемости территориями.

Таблица 2 - Оценка состояния муниципального образования по нижеследующим параметрам по итогам 2018 г. (в % от числа ответивших)

Параметр	Муниципальные образования								
	муниципальные районы			городские поселения			сельские поселения		
	хорошее	удовлетворительное	плохое и очень плохое	хорошее	удовлетворительное	плохое и очень плохое	хорошее	удовлетворительное	плохое и очень плохое
Демографическая ситуация	0,0	64,7	35,3	0,0	66,7	33,3	7,3	28,0	64,63
Трудоустройство	11,8	70,6	17,6	0,0	66,7	33,3	4,9	37,0	58,02
Экономическое развитие	29,4	47,1	23,5	0,0	66,7	33,3	8,6	48,1	43,21
Диверсифицированность экономики	12,5	68,8	18,8	0,0	75,0	25,0	2,7	54,7	42,67
Доступность и качество услуг сферы образования	58,8	41,2	0,0	44,4	55,6	0,0	36,3	61,3	2,5
Доступность и качество услуг сферы здравоохранения	17,6	64,7	17,6	0,0	66,7	33,3	23,2	54,9	21,95
Материальное благосостояние населения	5,9	82,4	11,8	0,0	62,5	37,5	8,5	64,6	26,83
Обеспеченность населения жильем	5,9	76,5	17,6	33,3	33,3	33,3	19,5	59,8	20,73
Жилищно-коммунальное обслуживание	5,9	94,1	0,0	11,1	77,8	11,1	12,3	71,6	16,05
Отдых и культура	64,7	29,4	5,9	11,1	77,8	11,1	36,6	61,0	2,439
Обеспечение общественной безопасности	35,3	64,7	0,0	0,0	88,9	11,1	24,4	67,1	8,537
Экология (воздух, вода и др.)	41,2	58,8	0,0	12,5	87,5	0,0	48,8	46,3	4,878
Развитие дорожно-транспортной инфраструктуры	17,6	70,6	11,8	0,0	33,3	66,7	4,9	67,1	28,05
Обеспеченность населения транспортными услугами	5,9	76,5	17,6	11,1	77,8	11,1	12,2	54,9	32,93
Обеспеченность населения услугами связи (Интернет, мобильная связь)	17,6	76,5	5,9	55,6	44,4	0,0	28,0	48,8	23,17

Принятие Федерального закона № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» подразумевало повышение самостоятельности муниципальных образований в части принятия управленческих решений по организации всей жизнедеятельности на своей территории.

Однако в действительности для сельских поселений складывается обратная ситуация: возможности по решению имеющихся проблем и управлению развитием муниципального образования сокращаются. В своих ответах на это указали 26% глав сельских поселений (табл. 3). Данная ситуация характеризуется перегруженностью местных органов власти ресурсоёмкими, зачастую, непосильными для них полномочиями, дефицит квалифицированных кадров и, конечно же, нехватка финансовых ресурсов, дотационность бюджета и т.д. В муниципальных районах и городских поселениях прослеживается тенденция роста возможностей по сравнению с 2017 годом (18% руководителей районов, 50% – городских поселений).

Таблица 3 - Оценка изменения возможностей для управления социально-экономическим развитием муниципального образования (в % от числа ответивших)

Варианты ответов	Муниципальные образования								
	муниципальные районы			городские поселения			сельские поселения		
	2006 г.	2017 г.	2018 г.	2006 г.	2017 г.	2018 г.	2006 г.	2017 г.	2018 г.
Да, возможностей для управления развитием стало больше	25,0	10,0	18,8	58,3	20,0	50,0	45,2	16,4	9,9
Ничего принципиально не изменилось	62,5	75,0	81,3	25,0	80,0	50,0	41,3	57,5	64,2
Нет, возможностей для управления развитием стало меньше	12,5	15,0	0,0	16,7	0,0	0,0	8,7	26,0	25,9

Главная проблема организации местного самоуправления заключается в том, что у местных органов власти недостаточно возможностей для существенного улучшения дел в соответствующих сферах, что обусловлено как недостаточностью финансово-экономической базы, так и ограниченностью полномочий и бюрократическими препятствиями при взаимодействии с органами государственной власти.

В поселениях, в отличие от оценок в районах и городах, главы указывают на более низкий уровень возможностей органов местного управления решать проблемы муниципалитета. Так, руководители сельских поселений считают, что они имеют меньше всего возможностей повлиять на решение проблем безработицы и трудоустройства населения (74%; табл. 4), формирования и развития экономической базы в муниципальном образовании (67%), обеспечения населения жильем (66%), проблем в жилищно-коммунальном хозяйстве (55%), в обеспечении жителей транспортными услугами (46%), туристической привлекательности (58%).

На эффективное управление муниципальным развитием, по мнению глав сельских поселений, оказывает влияние множество факторов (табл. 5). Наиболее значимыми среди них являются:

- недостаточность финансовых ресурсов;
- неактивность местного населения;
- ограниченность возможностей управления в сфере экономического развития муниципалитета;
- несовершенство законодательной и нормативно-правовой базы;
- отсутствие баланса интересов населения, бизнеса и власти в процессе развития территории;
- проблема обеспечения органов местного самоуправления квалифицированными кадрами [3].

Перечень ключевых проблем в развитии муниципалитетов области на протяжении всех 13 проведённых опросов глав остается одинаковым, таким образом можно говорить о системном кризисе местного самоуправления.

Таблица 4 - Распределение ответов респондентов на вопрос: «Оцените, пожалуйста, возможности органов местного самоуправления Вашего муниципального образования по решению проблем в следующих сферах в 2018 г. (в % от числа ответивших)

Параметры	Муниципальные образования					
	муниципальные районы		городские поселения		сельские поселения	
	удовлетворительные и высокие	крайне низкие и низкие	удовлетворительные и высокие	крайне низкие и низкие	удовлетворительные и высокие	крайне низкие и низкие
Проблема безработицы и трудоустройства	73,3	26,7	25,0	75,0	25,3	74,7
Формирование экономической базы муниципалитета	66,7	33,3	50,0	50,0	32,9	67,1
Развитие малого бизнеса	81,3	18,8	62,5	37,5	32,9	67,1
Обеспечение населения жильем	66,7	33,3	37,5	62,5	33,4	66,7
Жилищно-коммунальное хозяйство	43,8	56,3	25,0	75,0	44,2	55,8
Обеспечение жителей транспортными услугами	56,3	43,8	75,0	25,0	53,2	46,8
Повышение туристской привлекательности	93,8	6,3	62,5	37,5	41,8	58,2
Обеспечение общественного порядка	81,3	18,8	50,0	50,0	62,8	37,2
Организация отдыха и культуры	100,0	0,0	87,5	12,5	92,3	7,7
Повышение уровня социальной активности населения	75,0	25,0	75,0	25,0	64,1	35,9
Обеспечение качественного образования	100,0	0,0	71,4	28,6	69,2	30,8
Обеспечение социальной защиты населения	68,8	31,3	75,0	25,0	77,9	22,1
Охрана окружающей среды	93,8	6,3	62,5	37,5	65,8	34,2
Дорожная деятельность в отношении автомобильных дорог местного значения	68,8	31,3	37,5	62,5	62,1	38,0
Благоустройство территории	100,0	0,0	62,5	37,5	89,7	10,3

Таблица 5 - Распределение ответов глав сельских поселений на вопрос: «Оцените степень значимости факторов, которые мешают, по Вашему мнению, эффективному управлению муниципальным развитием» (в % от числа ответивших)

Факторы	Доля
Дефицит собственных источников доходов	88,8
Недостаточность финансовой поддержки со стороны государства	76,3
Неукомплектованность органов местного самоуправления квалифицированными кадрами	42,3
Зависимость от региональных органов управления	42,9
Бюрократические проволочки органов государственной власти	46,8
Несовершенство законодательной и нормативно-правовой базы на федеральном и региональном уровнях	48,7
Отсутствие эффективного сотрудничества с органами государственной, в первую очередь региональной власти	40,3
Пассивность местного населения	65,8
Отсутствие согласованности программных документов (на региональном и федеральном уровне), направленных на развитие муниципалитетов	32,0
Наличие полномочий, не имеющих непосредственного отношения к институту местного самоуправления	33,3
Ограниченность полномочий в сфере экономического развития муниципалитета	43,0
Недостаточность объектов имущества	34,6
Отсутствие эффективного сотрудничества с местными органами самоуправления районов и других поселений	32,1
Отсутствие информации, необходимой для мобилизации собственных доходов (информации о налогоплательщиках и т.д.)	50,0
Отсутствие баланса интересов населения, бизнеса и власти (государственной и муниципальной) в процессе развития территории	57,7
Неготовность и неумение органов местного самоуправления отстаивать интересы людей и территорий	35,9

* – представлены только ответы, оцененные как «очень значимы»

Эффективному функционированию местного самоуправления препятствует также и низкий кадровый потенциал работников органов местного самоуправления. Лишь 65% опрошенных глав сельских поселений имеют высшее образование. Большинство глав сельских поселений отмечают необходимость получения знаний в юридической сфере и в области государственного и муниципального управления. Таким образом, в сельских поселениях наблюдается острый дефицит кадров. Трудности с формированием собственного профессионального персонала влияют как на эффективное управление сферами жизнеобеспечения муниципалитета, так и на его развитие.

Обеспечение муниципальных образований финансовыми ресурсами в объеме, достаточном для решения местных вопросов выдвигалось в качестве одной из приоритетных целей реформирования. Однако, как показала практика, достичь существенных изменений не удалось. В большинстве муниципальных образований существует проблема недостаточной обеспеченности собственными финансовыми ресурсами. Так, 68% глав сельских поселений указывают на низкую обеспеченность собственными доходами (табл.6).

Таблица 6 - Распределение ответов руководителей администраций на вопрос: «Как вы оцениваете бюджетную обеспеченность вашего муниципального образования» (в % от числа ответивших)

Муниципальные образования	Обеспеченность доходами в целом				Обеспеченность собственными доходами			
	крайне низкая (0-30%)	низкая (31-60%)	средняя (61-90%)	высокая (более 90%)	крайне низкая (0-30%)	низкая (31-60%)	средняя (61-90%)	высокая (более 90%)
2006 г.								
<i>сельские поселения</i>	40,1	23,4	31,7	4,8	87,2	7,8	4,0	1,0
<i>городские поселения</i>	40,0	40,0	0,0	20,0	63,7	27,3	9,0	0,0
<i>муниципальные районы</i>	40,0	40,0	0,0	20,0	85,8	14,2	0,0	0,0
2017 г.								
<i>сельские поселения</i>	18,1	45,8	33,3	2,8	25,0	47,2	26,4	1,4
<i>городские поселения</i>	30,0	30,0	40,0	0,0	30,0	20,0	50,0	0,0
<i>муниципальные районы</i>	5,0	35,0	45,0	15,0	10,0	25,0	50,0	15,0
2018 г.								
<i>сельские поселения</i>	8,6	48,1	42,0	1,2	14,8	53,1	28,4	3,7
<i>городские поселения</i>	11,1	66,7	22,2	0,0	11,1	77,8	11,1	0,0
<i>муниципальные районы</i>	0,0	25,0	68,8	6,3	0,0	31,3	68,8	0,0

Вместе с тем, как показывает сравнение данных опросов за 2006 и 2018 гг., позитивные изменения в обеспеченности муниципальных образований финансовыми средствами есть. Так, за рассматриваемый период времени выросла с 4 до 28% доля глав поселений, указавших на среднюю наполняемость бюджета за счет собственных доходов. Прослеживается тенденция уменьшения количества поселений с крайне низкой обеспеченностью доходами.

На протяжении всего послереформенного периода большинство местных бюджетов формируется в основном за счет предоставляемых дотаций, субвенций и субсидий из вышестоящих бюджетов, однако даже с учетом финансовой помощи ресурсная обеспеченность местного самоуправления (доходами в целом) остается по-прежнему недостаточной. Большинство бюджетов поселений весьма скудны и фактически не дают возможности муниципалитетам влиять на сельскую жизнь. Бюджетные средства сосредоточены в основном в районных муниципальных образованиях (в 2018 г. на среднюю обеспеченность доходами указали 69% глав районов, 22% – городских и 42% – сельских поселений).

Обеспеченность органов местного самоуправления соответствующим имуществом, объём доходов местных бюджетов и достаточность полномочий напрямую влияют на эффективность (результативность) действий органов власти по решению вопросов и проблем местного значения [15]. По оценкам глав сельских поселений в 2018 году не имели эффекта действия органов местного самоуправления в следующих сферах: решение проблем безработицы и трудоустройства (в своих ответах на это указали 57% глав; табл. 7), формирование эко-

номической базы муниципалитета (60%), развитие малого бизнеса (61%), обеспечение населения жильем (42%), повышение социальной активности населения (43%), обеспечение жителей транспортными услугами (48%), оказание жилищно-коммунальных услуг (35%), повышение туристической привлекательности территории (43%), охрана окружающей среды (36%). В сравнении с городскими и сельскими поселениями, среди глав районов больший процент положительных оценок по решению проблем, что логично ввиду наличия больших финансовых и управленческих возможностей.

Таблица 7 - Распределение ответов респондентов на вопрос: «Осуществлялись ли и насколько были эффективны в 2018 г. действия органов местного самоуправления в Вашем муниципальном образовании при решении нижеуказанных проблем?» (в % от числа ответивших)

Параметр	Муниципальные образования								
	муниципальные районы			городские поселения			сельские поселения		
	дей-ствия были эффективны	были дей-ствия, но не имели эффекта	не пред-прини-малось никаких действий	дей-ствия были эффективны	были дей-ствия, но не имели эффекта	не пред-прини-малось никаких действий	дей-ствия были эффективны	были дей-ствия, но не имели эффекта	не пред-прини-малось никаких действий
Проблема безработицы и трудоустройства	35,3	58,8	5,9	37,5	62,5	0,0	19,7	56,6	23,7
Формирование экономической базы муниципа-литета	56,3	43,8	0,0	25,0	75,0	0,0	31,6	60,5	7,9
Развитие малого бизнеса	47,1	52,9	0,0	12,5	62,5	25,0	11,7	61,0	27,3
Обеспечение населения жильем	41,2	52,9	5,9	37,5	50,0	12,5	31,6	42,1	26,3
Обеспечение обществен-ного порядка	68,8	25,0	6,3	25,0	75,0	0,0	46,2	38,5	15,4
Оказание жилищно-коммунальных услуг	64,7	35,3	0,0	37,5	62,5	0,0	54,4	35,4	10,1
Организация отдыха и культуры	94,1	5,9	0,0	75,0	25,0	0,0	75,9	19,0	5,1
Повышение уровня соци-альной активности насе-ления	52,9	47,1	0,0	37,5	50,0	12,5	53,8	44,9	1,3
Обеспечение качествен-ного образования	70,6	29,4	0,0	25,0	37,5	37,5	47,4	19,7	32,9
Обеспечение социальной защиты населения	64,7	29,4	5,9	37,5	50,0	12,5	64,6	25,3	10,1
Обеспечение жителей транспортными услугами	41,2	58,8	0,0	37,5	37,5	25,0	30,4	48,1	21,5
Повышение туристской привлекательности	46,7	46,7	6,7	12,5	75,0	12,5	28,6	42,9	28,6
Охрана окружающей среды	47,1	47,1	5,9	50,0	50,0	0,0	45,3	36,0	18,7
Дорожная деятельность в отношении автомобиль-ных дорог местного зна-чения	76,5	23,5	0,0	44,4	55,6	0,0	63,3	31,6	5,1
Благоустройство терри-тории	82,4	17,6	0,0	55,6	44,4	0,0	80,0	18,8	1,3

По мнению глав сельских поселений, на развитие муниципалитета оказывают наибольшее влияние региональные (на это указали 72% глав), федеральные власти (44% глав), а также органы местного самоуправления (46%; табл. 8). Среди оценок глав сельских

поселений высока доля тех, кто отмечает высокую роль жителей в развитии муниципалитета (67% глав). Доля этого фактора в оценках глав районов – 35%, городских поселений – 56%. Сокращение численности жителей в поселениях снижает человеческий потенциал территории, уменьшая возможности её развития.

Таблица 8 - Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы считаете, от кого в наибольшей степени зависит развитие Вашего муниципального образования?» (в % от числа ответивших)

Варианты ответов	Муниципальные образования								
	муниципальные районы			городские поселения			сельские поселения		
	2006 г.	2017 г.	2018 г.	2006 г.	2017 г.	2018 г.	2006 г.	2017 г.	2018 г.
От органов государственной власти региона	62,5	75,0	94,1	58,3	80,0	55,6	44,9	69,9	72
От федеральных органов власти	50,0	45,0	23,5	58,3	80,0	55,6	42,1	49,3	43,9
От органов местного самоуправления	50,0	60,0	47,1	16,7	60,0	77,8	16,8	46,6	46,3
От самих жителей	25,0	45,0	35,3	50,0	40,0	55,6	54,2	57,5	67,1
От частного бизнеса	12,5	50,0	41,2	16,7	20,0	33,3	12,1	21,9	17,1
От главы муниципального образования	12,5	25,0	29,4	0,0	20,0	22,2	8,4	24,7	28

В 2018 году улучшились оценки, даваемые главами муниципалитетов относительно предпринимаемых действий органов государственной власти области по отношению к муниципальным образованиям: доля положительных оценок (вариант ответа «осуществляемые действия привели к улучшению ситуации») увеличилась. Половина опрошенных глав сельских поселений отметила позитивные изменения по поддержке развития муниципалитета (табл. 9).

Таблица 9 - Распределение ответов респондентов на вопрос «Как Вы оцениваете действия региональных органов власти, направленных на поддержку муниципальных образований в 2018 году?» (в % от числа ответивших)

Вариант ответа	Муниципальные образования								
	муниципальные районы			городские поселения			сельские поселения		
	2009 г.	2017 г.	2018 г.	2009 г.	2017 г.	2018 г.	2009 г.	2017 г.	2018 г.
Осуществляемые действия привели к улучшению ситуации	23,1	30,0	70,6	18,2	40,0	44,4	12,0	16,4	50,6
Не было оказано никакой помощи	3,8	0,0	0,0	18,2	10,0	22,2	12,0	15,1	2,5
Изменения произошли, но они не существенны	38,5	70,0	23,5	27,3	50,0	33,3	36,1	39,7	32,1
В целом помощь была неэффективной (разработанные мероприятия трудноосуществимы и не привели к улучшению ситуации)	19,2	0,0	0,0	27,3	0,0	0,0	21,5	8,2	2,5
Затрудняюсь ответить	15,4	0,0	5,9	9,1	0,0	0,0	18,4	20,5	12,3

Руководители администраций поселений отметили эффективность действий региональных органов власти, осуществляемых в рамках следующих направлений (на это указали от 53 до 84% опрошенных глав):

- развитие форм и механизмов поддержки и адресной целевой социальной помощи отдельным категориям населения;
- обеспечение нормативно-правовой поддержки муниципальных органов власти и разграничение имущества между муниципальными образованиями;
- закрепление за каждым районом куратора от региональных органов власти;
- формирование регионального дорожного фонда;
- стимулирование рынка жилья и жилищного строительства.

Следует отметить, что главами сельских поселений оцениваются как неэффективные

действия органов государственной власти области по нескольким направлениям социально-экономической политики (на это указали более 50% руководителей; табл. 10). Это снижение уровня безработицы, стимулирование привлечения инвестиций в экономику муниципального образования, пересмотр нормативов отчислений от региональных налогов в местные бюджеты, создание устойчивых внутрирегиональных кооперационных связей, поощрение расширения внутреннего рынка продукции местных производителей.

Таблица 10 - Распределение ответов глав муниципальных образований на вопрос «Как бы Вы оценили эффективность действий региональных органов власти, осуществляемых в рамках следующих направлений?» (в % от числа респондентов, выбравших вариант ответа «неэффективны»)

Направление оценки эффективности	Муниципальные образования		
	<i>муниципальные районы</i>	<i>городские поселения</i>	<i>сельские поселения</i>
Создание устойчивых внутрирегиональных кооперационных связей	68,8	50,0	53,8
Стимулирование рынка жилья и жилищного строительства	62,5	75,0	47,0
Снижение уровня безработицы	56,3	62,5	64,7
Развитие внутреннего и въездного туризма в области	56,3	50,0	38,6
Стимулирование создания и функционирования малого и среднего бизнеса	50,0	50,0	46,4
Стимулирование привлечения инвестиций в экономику муниципального образования	50,0	75,0	56,5
Поощрение расширения внутреннего рынка продукции местных производителей	50,0	62,5	51,4
Развитие сети автомобильных дорог местного значения	46,7	50,0	43,1
Оптимизация полномочий между региональными и муниципальными органами власти	40,0	62,5	45,6
Пересмотр нормативов отчислений от региональных налогов в местные бюджеты	37,5	50,0	54,4
Модернизация образования и здравоохранения в области	35,3	66,7	44,3
Разграничение имущества между муниципальными образованиями	31,3	50,0	41,8
Поддержка сельскохозяйственного производства	29,4	50,0	47,1
Экспертиза муниципальных нормативно-правовых актов	20,0	25,0	15,7
Развитие форм и механизмов поддержки и адресной целевой социальной помощи отдельным категориям населения	18,8	37,5	23,6
Обеспечение нормативно-правовой поддержки муниципальных органов власти	17,6	37,5	30,0
Закрепление за каждым районом куратора от региональных органов власти	17,6	33,3	28,2
Формирование регионального дорожного фонда	17,6	12,5	29,4

Таким образом, в сложившейся ситуации необходимо корректировать региональную политику региона в отношении сельских поселений.

С одной стороны, местное самоуправление самостоятельно решает вопросы местного значения в пределах отведенных ему полномочий, принимает необходимые и обязательные для исполнения решения. С другой стороны, являясь властью подзаконной, местное самоуправление, безусловно, зависимо от государства. Малочисленные поселения часто оказываются не в состоянии эффективно решать отнесенные к их ведению вопросы местного значения, поскольку не имеют для этого ни достаточных финансовых средств, ни кадровых ресурсов.

Так, по мнению большинства глав, региональная территориальная политика должна сочетать механизмы, как выравнивания, так и стимулирования развития муниципальных образований (на это указали 100% глав районов, 75% – городских и 39% – сельских поселений).

При сложившемся очень высоком неравенстве экономических потенциалов муниципальных образований невозможно функционировать без выравнивания бюджетной обеспеченности, поэтому в современных обстоятельствах повышение эффективности механизмов межбюджетных отношений является актуальной задачей [4].

Отвечая на вопрос «Какие наиболее приоритетные направления государственной политики дадут наибольший эффект на развитие муниципальных образований в Вологодской области», большинство глав муниципальных образований считают, что наиболее приоритетными и эффективными инструментами государственной территориальной политики должны быть:

- корректировка федерального законодательства в направлении повышения роли и самостоятельности муниципалитетов, закрепления дополнительных источников доходов (на это указали от 76 до 100% опрошенных глав);
- разработка и принятие специальной государственной программы по развитию института местного самоуправления в регионе (44-69% глав);
- продолжение практики замены дотаций дополнительными нормативами отчислений от НДФЛ (40-67%);
- учёт специфики развития муниципалитетов при установлении межбюджетных отношений (44-69%);
- распространение на постоянной основе лучших практик муниципального управления из опыта области и других регионов (22-44%) [16].

Подводя итоги тринадцатого года реализации положений ФЗ №131 в Вологодской области, можно сказать, развитие местного самоуправления по-прежнему сдерживается рядом системных проблем, сдерживающих возможности саморазвития большинства муниципальных образований региона и эффективность функционирования самого института местного самоуправления [3].

Многие задачи по развитию своих территорий муниципальные образования реализуют, в основном, в рамках действующих государственных программ и проектов. Государственными программами взят курс на поддержание социально-инженерной инфраструктуры на селе, повышение качества жизни в сельской местности. В 2018 г. продолжилось развитие социально-инженерной инфраструктуры в сельской местности, однако по темпам инфраструктурного обустройства сельские территории значительно отстают от городской местности, что является одним из факторов увеличения разрыва в качестве жизни сельского и городского населения [8].

По оценкам глав сельских поселений, наибольшие проблемы находятся в сфере трудоустройства и демографии. Рост безработицы, снижение численности населения негативно влияют на состояние территории, она деградирует. Главы муниципалитетов отмечают важнейшую роль наличия развитой экономической базы для территории. Без устойчивого развития сельской экономики задача устойчивого развития сельских территорий становится труднореализуемой. Поэтому необходима государственная поддержка развития малого и среднего предпринимательства, сельскохозяйственных предприятий. Таким образом, село получит естественную экономическую базу для своего устойчивого существования и развития [13].

Ключевыми направлениями государственной политики в области развития сельских территорий России в современных условиях, на наш взгляд и, по мнению ряда российских ученых и экспертов, должны стать [11]:

1. При корректировке государственных программ Российской Федерации в сфере экономического развития, занятости населения, транспорта и др., включать в них мероприятия по развитию сельских территорий.

2. Обеспечить равнодоступность сельскохозяйственных производителей к средствам государственной поддержки, более четко дифференцировать поддержку по субъектам. Для расширения круга претендентов, решить вопрос с критерием получения поддержки по доходу от реализации продукции менее 70%.

3. Для целей комплексного развития сельских территорий и эффективного взаимодействия между федеральными и региональными уровнями власти уместно организовать Комиссию, а в субъектах РФ координационные органы по вопросам устойчивого развития сельских территорий.

4. Ввести в практику проведение семинаров-совещаний Общероссийского конгресса муниципальных образований в федеральных округах и регионах по вопросам организации совместной работы органов государственной власти регионов, советов муниципальных образований и органов местного самоуправления по решению актуальных общегосударственных задач.

5. Усилить финансовую поддержку кооперативов с учетом совершенствования контроля по соблюдению кооперативных правил и принципов и повышения организационного, информационного и методического обеспечения кооперативного движения.

6. Разработать комплекс мер в целях преодоления депрессивных явлений в экономике и социальной сфере и создания необходимых условий для опережающего развития и повышения качества жизни сельского населения регионов Нечерноземья.

7. Разработать и включить в государственную программу подпрограмму по развитию в сельских поселениях несельскохозяйственных видов деятельности.

С позиций муниципального управления для устойчивого развития территорий должны быть приняты и реализованы муниципальные программы по комплексному социально-экономическому развитию села. Важно учитывать особенности развития конкретной территории. Невозможно создать единую стратегию устойчивого развития сельских территорий. Она должна учитывать различные природно-экономические и социально-демографические условия и особенности местности. При этом особую значимость при реализации мероприятий приобретает консолидация усилий местного самоуправления, сельского населения, бизнес-структур, соответствующих министерств и ведомств, регионов и федеральных органов власти.

Можно сделать вывод, что реальное укрепление собственной материальной и финансовой базы местного самоуправления с учетом имеющего потенциала, может обеспечить устойчивое комплексное развитие сельских территорий.

Благодарность. Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР № 0168-2019-0004 «Совершенствование механизмов развития и эффективного использования потенциала социально-экономических систем».

Список литературы

1. Адуков Р.Х., Адукова А.Н., Корсун М.Ю. Государственное управление должно обеспечивать полноценную реализацию потенциала села // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2018. № 7. С. 183-189.

2. Бондаренко Л.В. Развитие сельских территорий России: оценки, мнения, ожидания // Социологические исследования. 2016. № 3 (383). С. 76-82.

3. Ворошилов, Н. В. Институт местного самоуправления сегодня (по материалам опроса глав муниципальных образований Вологодской области) // Проблемы развития территории. 2015. № 1 (75). С. 49-62.

4. Киселев С.В. Сельская экономика. М.: ИНФРА-М, 2007. 436 с.

5. Мичурина, Ф.З. Устойчивое развитие сельских территорий: учебное пособие / Ф.З. Мичурина, Л.И. Теньковская, С.Б. Мичурин; М-во с.-х. РФ, Пермская ГСХА. Пермь: ИПЦ «Прокрость», 2016. С. 293.

6. Нефедова Т.Г. Развитие постсоветского аграрного сектора и поляризация сельского пространства европейской части России // Пространственная экономика. 2019. Т. 15. № 4. С. 36–56. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2019.4.036-056>

7. Николаева У.Г., Покровский Н.Е., Смирнов С.Н. Качество и образ жизни сельского населения в условиях нарастающей депопуляции: региональный аспект // Социально-

трудовые исследования. 2019. № 37(4). С.33-44. DOI: 10.34022/2658-3712-2019-37-4-33-44.

8. О состоянии сельских территорий в Российской Федерации в 2017 году // Ежегодный доклад по результатам мониторинга: науч. изд. М.: «Росинформагротех», 2019. Вып. 5. С. 332.

9. Овчинцева Л.А. Социально-экономические механизмы и условия развития сельских поселений // Вестник Самарского муниципального института управления. 2016. № 2. С. 36-44.

10. Пациорковский В.В. Местное самоуправление на пути перемен (2010-2019 гг.) // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Институт научной информации по общ. наукам РАН, Отв. ред. В.И. Герасимов. 2019. С. 550-554.

11. Постановление Правительства РФ от 31.05.2019 N 696 (ред. от 31.03.2020) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Комплексное развитие сельских территорий» и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации».– URL [http:// www.consultant.ru](http://www.consultant.ru) (дата обращения: 25.05.2020)

12. Правовые и социальные аспекты устойчивого развития сельских территорий // Рекомендации парламентских слушаний комитета Государственной Думы по аграрным вопросам, 2017.

13. Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 N 207-р (ред. от 31.08.2019) «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года».– URL [http:// www.consultant.ru](http://www.consultant.ru) (дата обращения: 25.05.2020)

14. Скальная М.М. Организационно-экономические механизмы улучшения жилищных условий сельского населения в рамках государственной программы РФ "Комплексное развитие сельских территорий" // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. 2019. № 6. С. 91-97.

15. Узун В.Я. Главные факторы устойчивого сельского развития: бюджетные субсидии или сельская экономика // Никоновские чтения. 2019. № 24. С. 15-20.

16. Ускова Т. В. Социально-экономические проблемы локальных территорий. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. 196 с.

17. Чепурных Н.В., Мерзлов А.В. Социально-экономические факторы развития сельских территорий // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия Экономика и экологический менеджмент. 2017. № 4. С.92-101. DOI: 10.17586/2310-1172-2017-10-4-92-101

Сведения об авторе

Смирнова Светлана Николаевна, старший лаборант отдела проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. Служебный e-mail: common@volnc.ru. Тел.: +7(8172) 59-78-10 (доб. 372) Личный e-mail: smirnovasn2011@mail.ru.

UDK 332.1

LOCAL SELF-GOVERNMENT AS A FACTOR OF SUSTAINABILITY OF RURAL TERRITORIES

S. N.Smirnova

Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences

Rural territories play a special role in the spatial development of any country. Currently in Russia due to adoption in 2019 the strategy of spatial development of the Russian Federation for the period up to 2025 and the state program «Integrated development of rural territories» were particularly relevant to the issues of system analysis of problems of rural development and the development of effective mechanisms for their development. In this regard, this article describes the factors that affect the development of rural settlements based on the analysis of materials of scientific publications of Russian scientists on this topic. Based on the results of the survey of heads of municipalities, the key problems of development of local self-government bodies are identified, and the features of rural settlements are identified. The conclusion is made about the most important role of strengthening the local government's own financial base.

Keywords: rural areas, the survey chapters, sustainable development, rural economy, local self-government.

References

1. Adukov R.H., Adukova A.N., Korsun M.YU. Gosudarstvennoe upravlenie dolzhno obespechivat' polnocennuyu realizatsiyu potentsiala sela // Vestnik Kurskoj gosudarstvennoj sel'skohozyajstvennoj akademii. 2018. № 7. S. 183-189.
2. Bondarenko L.V. Razvitie sel'skih territorij Rossii: ocenki, mneniya, ozhidaniya // Sociologicheskie issledovaniya. 2016. № 3 (383). S. 76-82.
3. Voroshilov, N. V. Institut mestnogo samoupravleniya segodnya (po materialam oprosa glav municipal'nyh obrazovaniy Vologodskoj oblasti) // Problemy razvitiya ter-ritorii. 2015. № 1 (75). S. 49-62.
4. Kiselev S.V. Sel'skaya ekonomika. M.: INFRA-M, 2007. 436 s.
5. Michurina, F.Z. Ustojchivoe razvitie sel'skih territorij: uchebnoe posobie / F.Z. Michurina, L.I. Ten'kovskaya, S.B. Michurin; M-vo s.-h. RF, Permskaya GSKHA Perm': IPC «Prokrost», 2016. S. 293.
6. Nefedova T.G. Razvitie postsovetskogo agrarnogo sektora i polyarizatsiya sel'skogo prostranstva evropejskoj chasti Rossii // Prostranstvennaya ekonomika. 2019. T. 15. № 4. S. 36–56. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2019.4.036-056>
7. Nikolaeva U.G., Pokrovskij N.E., Smirnov S.N. Kachestvo i obraz zhizni sel'skogo nasele-niya v usloviyah narastayushchej depopulyatsii: regional'nyj aspekt // Social'no-trudovye issledovaniya. 2019. № 37(4). S.33-44. DOI: 10.34022/2658-3712-2019-37-4-33-44.
8. O sostoyanii sel'skih territorij v Rossijskoj Federacii v 2017 godu // Ezhegodnyj doklad po rezul'tatam monitoringa: nauch. izd. M.: «Rosinformagrotekh», 2019. Vyp. 5. S. 332.
9. Ovchinceva L.A. Social'no-ekonomicheskie mekhanizmy i usloviya razvitiya sel'skih pose-lenij // Vestnik Samarskogo municipal'nogo instituta upravleniya. 2016. № 2. S. 36-44.
10. Paciorkovskij V.V. Mestnoe samoupravlenie na puti peremen (2010-2019 gg.) // Rossiya: tendencii i perspektivy razvitiya. Ezhegodnik. Institut nauchnoj informacii po obshch. naukam RAN, Otv. red. V.I. Gerasimov. 2019. S. 550-554.
11. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 31.05.2019 N 696 (red. ot 31.03.2020) «Ob utverzhdenii gosudarstvennoj programmy Rossijskoj Federacii "Kompleksnoe razvitie sel'skih territorij» i o vnesenii izmenenij v nekotorye akty Pravitel'stva Rossijskoj Federacii». – URL <http://www.consultant.ru> (data obrashcheniya: 25.05.2020)
12. Pravovye i social'nye aspekty ustojchivogo razvitiya sel'skih territorij // Rekomendacii parlament'skih slushanij komiteta Gosudarstvennoj Dumy po agrarnym vo-prosam, 2017.
13. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 13.02.2019 N 207-r (red. ot 31.08.2019) «Strategiya prostranstvennogo razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda». – URL <http://www.consultant.ru>

www.consultant.ru (data obrashcheniya: 25.05.2020)

14. Skal'naya M.M. Organizacionno-ekonomicheskie mekhanizmy uluchsheniya zhi-lishchnyh uslovij sel'skogo naseleniya v ramkah gosudarstvennoj programmy RF «Kompleks-noe razvitie sel'skih territorij» // Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya koope-rativnogo sektora ekonomiki. 2019. № 6. S. 91-97.

15. Uzun V.YA. Glavnye faktory ustojchivogo sel'skogo razvitiya: byudzhetye sub-sidii ili sel'skaya ekonomika // Nikonovskie chteniya. 2019. № 24. S. 15-20.

16. Uskova T. V. Social'no-ekonomicheskie problemy lokal'nyh territorij. Vo-logda: ISERT RAN, 2013. 196 s.

17. Chepurnyh N.V., Merzlov A.V. Social'no-ekonomicheskie faktory razvitiya sel'skih territorij // Nauchnyj zhurnal NIU ITMO. Seriya Ekonomika i ekologicheskij menedzhment. 2017. № 4. S.92-101. DOI: 10.17586/2310-1172-2017-10-4-92-101

About the author

Svetlana Smirnova, senior laboratory assistant at the department of socio-economic development and management in territorial systems. Federal state budgetary institution of science " Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences". 56a Gorky street, Vologda, Russia, 160014. Official e-mail: common@volnc.ru. Tel.: +7(8172) 59-78-10 (EXT. 372) Personal e-mail: smirnovasn2011@mail.ru.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.4

СОВРЕМЕННЫЕ МЕХАНИЗМЫ И ТЕХНОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ КАДРОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ В РОССИЙСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

В.И. Гостенина, Ж.А. Казорина, А.Н. Гузеев

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского

В статье анализируются стандартные и современные механизмы и технологии кадровой деятельности в органах управления различного уровня. Характеризуются основные особенности механизмов и технологий рекрутирования управленческих кадров. Рассматривается эффективность каждого метода кадровой деятельности. Приведены конкретные примеры использования современных механизмов подбора кадров.

Анализируются актуальные вопросы профессиональной мобильности: недостаточная квалификация государственных служащих и подбор, управление и назначение на должность кадрового резерва.

Обосновано предложение о необходимости формирования единого методологического подхода к разработке и внедрению технологий HR-менеджмента в органах управления в Российских организациях.

Ключевые слова: механизмы управления персоналом, кадровая деятельность, HR-менеджмент, персонал, рекрутинг, кадровый резерв.

Состояние управления в современной России обострило внимание социологов к теории и практике его реализации. Определило доминанту в социологии управления исследовательских механизмов и технологий рекрутинга кадров. Повышение эффективности деятельности органов управления всех уровней - невозможно без повышения эффективности и результативности кадровой деятельности. Именно кадровый потенциал – основное условие достижения успеха, как в конкретном ведомстве, так и в развитии сфер образования, культуры и экономики страны в целом.

Повышение профессионализма в управленческом процессе тесно связано с развитием системы профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации работников. Существующая система кадровой деятельности в государственном управлении, по мнению ряда экспертов (Турчинов А.И., Кононенко Т.А., Магомедов К.О; Бабосов Е.М., Вайнилович Э.Г., Бабосова Е.С., Макарова Г.В.), не только не способствует повышению эффективности управления, но иногда и сдерживает развитие кадров. Кадровая деятельность требует модернизации, активизации внедрения инновационных подходов [8].

В данном контексте первостепенное значение в повышении эффективности управления имеют кадровые технологии, которые представляют собой средство управления количественными и качественными характеристиками кадров и обеспечивают достижение основных задач кадровой политики в Российских организациях.

Современные механизмы кадровой деятельности позволяют сформировать требуемые для органов управления в российских организациях кадры управленцев [6].

Кадровые технологии по своему содержанию представляют совокупность последовательно выполняемых действий, с помощью которых оцениваются деловые и профессиональные качества претендента на вакантную должность управленца: его профессиональные качества, потенциал, перспективы профессионального роста, а также квалификационное соответствие должности.

Технологии подбора и расстановки кадров преследуют определенные цели: общественное развитие, освоение управленцем своей роли в качестве субъекта управления, роль которого «...активно, инициативно и компетентно содействовать развитию социального капитала своей страны» [3].

Тенденция снижения кадровой эффективности в органах управления, отмеченная в ряде социологических исследований, подтверждает необходимость внедрения вместе с устоявшимися кадровыми механизмами рекрутинга потребность внедрения инновационных тех-

нологий, которые направлены на эффективное управление.

К устоявшимся, стандартным кадровым механизмам и технологиям принято относить их совокупность в системе управления кадрами органов государственного управления. Условно такие механизмы и технологии подразделяются на три основные группы.

Первая группа включает в себя получение объективной, полной и достоверной информации о соискателе.

Вторая группа кадровых механизмов и технологий - проводится анализ качеств и профессиональных компетенций, которые обеспечивают требуемые для какого-либо ведомства выполнение как текущих, так и перспективные характеристики состава кадров. К ним относятся технологии отбора кандидатов на должность, формирование кадрового резерва, кадровое планирование и профессиональное развитие.

Третья группа состоит из анализа результатов деятельности специалиста [2]. Важен тот факт, что кадровые технологии распространяются не только на кандидатов на должность в управленческие структуры, но и на уже действующий персонал.

Рассмотренные группы кадровых механизмов заключаются в следующих методах: аттестация, тестирование и сдача квалифицированных экзаменов, действие института стажерства и другие.

Важность системы оценивания кадровой деятельности заключаются в надежности данных, стимулировании и мотивировании персонала российских организаций, позволяет получать актуальную информацию об уровне профессионального развития, а также следить за динамикой изменений оцениваемых показателей и производить сравнительный анализ мобильности по группам должностей, структурным подразделениям [14].

Следует выделить еще одну важную технологию – стимулирование, которое используется для повышения эффективности и роста результативности производительности труда. Это может быть как материальный, так и не материальный аспект.

Стимулирование работников, выраженное материальным путем предполагает премирование. Нематериальное стимулирование сотрудников заключается в системе наград и поощрений.

Важно отметить, что материальные и не материальные виды стимулирования персонала сочетаются между собой как единый метод.

Современные кадровые механизмы должны соответствовать определенным требованиям, указанным в рисунке 1.

Рисунок 1 - Требования к современным механизмам кадровой деятельности

Выделенных критериев может быть значительно больше, т. к. их количество напрямую зависит от конкретных условий и социальных факторов организации управления.

Кадровые механизмы – результат внедрения нововведений в стандартные кадровые

технологии управления, которые направлены на повышение эффективности кадровой работы как аппарата управления и получение экономического, социального или другого эффекта.

Еще одним современным механизмом кадровой деятельности в органах государственного управления является компетентностный подход. Механизм нацелен на оценку компетентности кадров, с его помощью анализируется соотношение знаний и навыков в различных областях деятельности. Позволяет выявлять уровень компетентности сотрудников, не имеющих достаточной квалификации для осуществления их профессиональной деятельности.

В рамках современных механизмов рекрутинга кадров целесообразно внедрять такой метод, как мониторинг социальных сетей. Метод мониторинга позволяет выявлять морально – нравственный характер и особенности социальной жизни сотрудника, так как личные аккаунты могут хранить большое количество сведений и характеристик государственного служащего. Такие социальные страницы предоставляют больший спектр информации о сотруднике, чем официальная анкета, резюме и рекомендательное письмо кандидата. В настоящее время метод мониторинг социальных сетей применяется, но не повсеместно и не в полном объеме. Результативность метода состоит в том, что если государственный служащий сообщает ложные сведения о имеющихся социальных страницах, либо информация, размещенная на таких аккаунтах позволяет сделать вывод об отсутствии социального порядка у чиновника, то это может быть основанием применения жестких санкций либо увольнения государственного служащего. Несомненно, метод мониторинга социальных сетей не должен сводиться к абсурдному применению и не ведет к полному отсутствию свободы жизни вне государственной службы. Данный метод должен направляться на повышение социальной ответственности государственного служащего.

Стоит отметить еще несколько современных механизмов кадровой деятельности - это проведение конкурсов, семинаров, вебинаров. Несомненно, такие методы не ведут к прямому пополнению кадрового состава управленческих структур, но с помощью проведения конкурсов, семинаров и вебинаров происходит перспективное развитие кадров. Данный метод оценивает кадры государственных служащих в общем потоке, что позволяет выявить и проанализировать общий уровень образования и потенциала кандидатов на различные должности. Примером может служить всероссийский конкурс «Лидеры России». В ходе конкурса проводятся тренинги под наставничеством высококвалифицированных и опытных государственных управленцев. По итогам конкурса выявляются кандидаты, которые занимают вакантную должность в структуре государственного аппарата. Для участвующих конкурс является мощной развивающей платформой. На практике применение и развитие такого метода механизма кадровой деятельности позволяет наполнять кадровый состав государственных служащих молодыми, перспективными и образованными кадрами. Это позволит увеличить эффективность кадровой деятельности и государственной службы в целом.

Таким образом, современные кадровые механизмы обеспечивают эффективный и качественный рост управленческого состава.

В рамках повышения эффективности управленческой деятельности считаем необходимым проанализировать технологию HR-менеджмента.

HR-менеджмент (с англ. human resources, переводится как управление персоналом) – это концепция управления человеческими ресурсами, которая возникла в 80-е гг. XX в. Широкое распространение HR-менеджмент получил в 90-е гг. Концепция возникла в результате развития и усовершенствования методов управления персоналом, а также усложнения и ужесточения конкурентной среды, в которой действуют современные организации. Главная задача HR – менеджмента заключается в повышении эффективности и конкурентоспособности организации. Определение HR – менеджмента дает Алавердов А.Р. - это управление персоналом как стратегическая альтернатива традиционным технологиям работы с кадрами. Технология направлена на обеспечение преданности сотрудников корпоративным правилам и нормам, корпоративной культуре организации и развитию их потенциала [1].

Управление кадрами и кадровой деятельностью рассматривается как человеческий

ресурс, который проходит на масштабных уровнях (региональном, национальном, международном) [9].

В государственном управлении выделяют несколько аспектов применения технологии, цель которых не только следовать контракту государственной службы, но и стремиться к достижению эффективной управленческой деятельности.

Технология HR – менеджмента хорошо сочетается с таким стандартным методом кадрового механизма управления как стимулирование.

Важным элементом является творческая составляющая и инициативы работников. Здесь творческая деятельность рассматривается не в контексте художественной деятельности, а с той точки зрения, что в органах государственного управления сотрудники должны осуществлять свою деятельность без ущерба ее качеству, уменьшая шаблонность и формализм в работе. Также принимая какие-либо решения, служащие при этом должны минимизировать потерю времени без ущерба для качества принятых решений. Сокращение временных промежутков выполнения управленческих задач позволит избавиться от важного негативного явления как «волокита». Творческая деятельность сотрудников должна быть нацелена на повышение эффективности управления.

Следующими важными элементами работы является: взаимозависимость между оплатой труда и результативностью деятельности; функциональная специализация и кооперация, внедрение командных методов работы (при этом командная работа не должна сводиться к увеличению кадрового состава).

В органах управления важным элементом является кооперация деятельности отделов и структур. Нередко деятельность одного структурного подразделения влияет или зависит от другого кадрового подразделения, а иногда и нескольких подразделений. И, наконец, важно создавать благоприятную морально-психологическую обстановку, снижать уровень стрессов и обеспечивать высокий уровень культуры организации.

Для эффективного осуществления управления организационной структурой, работы с кадровым резервом, ведение кадрового учета и т.д. целесообразно использовать информационные технологии. Примером тому служит открытие в 2008 году сайта «Федеральный портал управленческих кадров», который регулярно публикует актуальную информацию о системе государственной службы РФ, сообщает о тенденциях развития кадрового состава государственных служащих. Также на данном сайте можно ознакомиться со статистическими данными кадрового движения. Например, по состоянию на 17 февраля 2020 года количество лиц, включенных в кадровые резервы федеральных государственных органов, составляет 96 635 человек [15].

Следовательно, проанализировав стандартные и современные механизмы и технологии кадровой деятельности органов управления можно сделать вывод, что необходимо внедрять и использовать вместе с устоявшимися и общепризнанными механизмами и технологиями - инновационные, которые способствуют повышению качества работы всей системы управления. Так как на данном этапе Россия проходит этап модернизации своей экономики и государственности.

Несомненно, в этом процессе определяющую роль занимают органы государственного управления и кадровая деятельность. В зависимости от этого качественные характеристики органов управления определяют успешность российской модернизации. Вследствие этого, реализация и формирование государственной кадровой деятельности, и ее осуществление в органах управления на федеральном и региональном уровнях требуют рационализации и глубокого институционального совершенствования. Механизмы и технологии кадровой деятельности призваны отражать эти процессы и постоянно учитывать растущие потребности в квалифицированном управленческом труде.

Список литературы

1. Алавердов А. Р. Управление человеческими ресурсами организации: учебник, 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Университет «Синергия», 2017 – 681с.
2. Астахов Ю. В. Современные кадровые технологии: монография / Ю.В. Астахов. — Белгород, 2010. — 150 с.
3. Асцатуров Г.Е. Государственная служба как социальный институт.- М.: Изд-во «Проспект», 2007. С.172.
4. Бабосов Е.М., Вайнилович Э.Г., Бабосова Е.С. Управление персоналом. Минск: «ТетраСистемс», 2012.- 288с.
5. Базаров Т.Ю. Управление персоналом: Учебник. 12-е изд. перераб. и доп. — М.: Инфра – М, 2014. — 488 с.
6. Байков Н.М. Кадровый потенциал органов власти: опыт социологического анализа / Н. М. Байков. — Хабаровск: Изд-во ДВАГС, 2005. - 254 с.
7. Гостенина В.И. Социология управления // Учебное пособие. Изд-во «Питер», 2013. С. 368.
8. Елфимов Г.М. проблемы модернизации образования и задачи профессионального развития управленцев // управленческое консультирование. 2011. № 4. С. 36–47
9. Инновационные технологии в управлении человеческими ресурсами. Учебное пособие. — Ростов н/Д.: Редакционно-издательский центр ЮРИФ РАНХиГС, 2012. С. 61
10. Лунев И.А. HR – инжиниринг. Как построить современную модель организации деятельности персонала: Учебное пособие. – М.: Новигатор, 2017. – 246 с.
11. Макарова Г.В. Управление профессиональной мобильностью государственных гражданских служащих в субъекте Российской Федерации/Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук.: Орел. 2010. – 27 с.
12. Мужуренко, К. А. Современные кадровые технологии в системе государственной и муниципальной службы / К. А. Мужуренко. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2019. — № 8 (246).
13. Турчинов А.И., Кононенко Т.А., Магомедов К.О. Современная кадровая политика и управление персоналом в Российских организациях. Социологический анализ. М.: МаксПресс. 2013. 302с.
14. Управление инновациями в кадровой работе. — М.: Проспект, 2012. С. 39.
15. Федеральный портал управленческих кадров [Электронный ресурс]//Режим доступа: <https://gosszluzhba.gov.ru/rezerv> (Дата обращения 14.06.2020)
16. ФЗ-№ 79 от 27.07.2004 «О государственной гражданской службе в Российской Федерации»

Сведения об авторах

Гостенина Валентина Ивановна - доктор социологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», заведующая кафедрой социологии и социальной работы. E-mail: v.gostenina@yandex.ru. Телефон: +79803092170, рабочий: +74832580520

Казорина Жанна Александровна – магистрант по направлению подготовки «Социология управления» ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского». E-mail: zhanna.kazorina@mail.ru. Телефон: 89208444089, рабочий: +74832580520

Гузеев Андрей Николаевич – директор МУП «Водоканал» г. Фокино. E-mail: 370343@list.ru. Телефон: +79102935062

UDK 316.4

MODERN MECHANISMS AND TECHNOLOGIES OF HR MANAGEMENT IN RUSSIAN ORGANIZATIONS

V.I. Gostenina, Zh.A. Kazorina, A.N. Guzeev

Bryansk State Academician I.G. Petrovski University

The article analyzes standard and modern mechanisms and technologies of personnel activity in various levels of government. The main features of mechanisms and technologies for recruiting managerial personnel are described. The efficiency of each method of personnel activity is considered. Specific examples of using modern recruitment mechanisms are given. Current issues of professional mobility are analyzed: insufficient qualifications of civil servants and selection, management and appointment to the position of the personnel reserve. The paper substantiates the proposal on the need to form a unified methodological approach to the development and implementation of HR management technologies in management bodies in Russian organizations.

Keywords: personnel management mechanisms, HR activities, HR management, personnel, recruitment, personnel reserve.

References

1. Alaverdov A. R. *Upravlenie chelovecheskimi resursami organizacii: uchebnik, 3-e izd., pererab. i dop.* – M.: Universitet «Sinergiya», 2017 – 681s.
2. Astahov YU. V. *Sovremennye kadrovye tekhnologii: monografiya / YU.V. Astahov.* — Belgorod, 2010. — 150 s.
3. Ascaturov G.E. *Gosudarstvennaya sluzhba kak social'nyj institut.* - M.: Izd-vo «Prospekt», 2007. S.172.
4. Babosov E.M., Vajnilovich E.G., Babosova E.S. *Upravlenie personalom.* Minsk: «Tetra-Sistems», 2012.- 288s.
5. Bazarov T.YU. *Upravlenie personalom: Uchebnik. 12-e izd. pererab. i dop.* — M.: Infra – M, 2014. — 488 s.
6. Bajkov N.M. *Kadrovyy potencial organov vlasti: opyt sociologicheskogo analiza / N. M. Bajkov.* — Habarovsk: Izd-vo DVAGS, 2005. - 254 s.
7. Gostenina V.I. *Sociologiya upravleniya // Uchebnoe posobie. Izd-vo «Piter», 2013. S. 368.*
8. Elfimov G.M. *problemy modernizacii obrazovaniya i zadachi professional'nogo razvitiya upravlenцев // upravlencheskoe konsul'tirovanie. 2011. № 4. S. 36–47*
9. *Innovacionnye tekhnologii v upravlenii chelovecheskimi resursami. Uchebnoe posobie.* — Rostov n/D.: Redakcionno-izdatel'skij centr YURIF RANHiGS, 2012. S. 61
10. Lunev I.A. *HR – inzhiniring. Kak postroit' sovremennuyu model' organizacii deyatelnosti personala: Uchebnoe posobie.* – M.: Novigator, 2017. – 246 s.
11. Makarova G.V. *Upravlenie professional'noj mobil'nost'yu gosudarstvennyh grazhdanskikh sluzhashchih v sub"ekte Rossijskoj Federacii/Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata sociologicheskikh nauk.: Orel. 2010. – 27 s.*
12. Muzhurenko, K. A. *Sovremennye kadrovye tekhnologii v sisteme gosudarstvennoj i municipal'noj sluzhby / K. A. Muzhurenko.* — Tekst: neposredstvennyj // Molodoj uchenyj. — 2019. — № 8 (246).
13. Turchinov A.I., Kononenko T.A., Magomedov K.O. *Sovremennaya kadrovaya politika i upravlenie personalom v Rossijskikh organizacijah. Sociologicheskij analiz.* M.: MaksPress. 2013. 302s.
14. *Upravlenie innovacijami v kadrovoj rabote.* — M.: Prospekt, 2012. S. 39.
15. *Federal'nyj portal upravlencheskikh kadrov [Elektronnyj resurs]//Rezhim dostupa: <https://gossluzhba.gov.ru/rezerv> (Data obrashcheniya 14.06.2020)*
16. FZ-№ 79 ot 27.07.2004 «O gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhbe v Rossijskoj Fed-

eracii»

Author`s information

Gostenina V.I. - doctor of social Sciences , Professor, FSBEI HE Bryansk State Academician I.G. Petrovski University, head of the Department of sociology and social work. E-mail: v.gostenina@yandex.ru

Kazorina Zh.A. - master of the 1st year in the field of training 39.04.01 «Management Sociology», FSBEI HE Bryansk State Academician I.G. Petrovski University, E-mail: zhanna.kazorina@mail.ru

Guzeev A. N. - Director of municipal unitary enterprise «Vodokanal» Fokino. E-mail: 370343@list.ru

УДК 316.012

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ РАЗВИТИЯ МЕТОДА ЭКСПЕРТНЫХ ОЦЕНОК В СОЦИОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ

Ж.А. Казорина

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского

В статье дан анализ эволюции метода экспертных оценок в мире. Раскрываются основные этапы формирования и становления метода. Экскурс истории охватывает период с первых попыток применения метода при проведении прикладных исследований в различных странах до современного периода социологических исследований. Обосновывается уникальность метода в эмпирическом направлении социологии. Применение экспертных методов в социологии управления обеспечивает активное и целенаправленное участие специалистов на всех этапах принятия решений, что позволяет существенно повысить качество и эффективность управления. Использование экспертных оценок помогает формализовать процедуры сбора социологических данных, обобщать и анализировать мнения специалистов с целью преобразования их в форму, наиболее удобную для принятия обоснованного управленческого решения.

Ключевые слова: экспертная оценка, прогнозирование, экспертное знание, информация, общество, повседневность, изменяющаяся социальная реальность.

Современное общество наполнено информационными технологиями, которые насыщают процесс управления. Все чаще возникают управленческие ситуации, при которых имеющееся знание является недостаточным для решения существующих и возникающих проблем. В сложившихся ситуациях трудно предсказывать развитие того или иного события, так как интуиция и имеющееся знания не в силах однозначно описать, оценить и прогнозировать социальную обстановку. В таких условиях нередко возникают проблемы при разработке современного управления общественным производством и, особенно, при прогнозировании и долгосрочном планировании. Данные проблемы в социологии управления решаются с помощью метода экспертных оценок.

Экспертный опрос - разновидность социологического опроса, в ходе которого респондентами выступает особый тип людей — эксперты. Это компетентные лица, имеющие глубокие знания о предмете или объекте исследования [7]. Экспертные методы применяют для оценивания качества в тех ситуациях, где измерить показатели качества физическими методами сложно или невозможно [12].

Представим основные приемы метода экспертных оценок. Методы экспертных оценок делятся на коллективную работу экспертной группы и на индивидуальное мнение экспертов. К коллективной работе экспертов относятся следующие методы: мозговая атака, совещание, деловая игра, сценарии, метод суда, дерево целей. К индивидуальному мнению экспертов относятся: метод Дельфи, интервью, анкетный опрос.

Метод «мозговой атаки» представляет собой творческую группу экспертов, которые генерируют идеи с их последующим практическим анализом. Данный метод был разработан и описан в 1938 г. американским психологом и журналистом А.Ф. Осборном [16].

Метод «совещаний» - это тщательное обсуждение экспертами какой-либо проблемы с выработкой единого коллективного мнения.

Метод «деловой игры» основан на активной деятельности экспертной группы с закреплением определенных обязанностей для каждого эксперта. Ход игры направлен на достижение поставленных целей в системе управления и иных процессах и операциях.

Метод «сценариев» излагается экспертами в письменной форме в виде предложений по решению имеющихся проблем. Сценарий включает в себя анализ проблем и пути их решения. Впервые термин «сценарий» был введен в научный оборот в 1960 г. известным футурологом Г. Каном [20].

Метод «суда» является разновидностью метода «совещаний», но реализуется по аналогии с судебным процессом. «Подсудимые» - выбираемые варианты решения проблемы,

«судьи» - лица, принимающие решения, «прокурор» и «адвокат» - члены экспертных групп, «свидетели» - условия выбора и аргументы экспертов.

Метод «дерева целей» - иерархическая структура, полученная путем деления общей цели на подцели, которая строится сверху вниз. Разработан в 1950-х годах Ч. Черчменом и Р. Акоффом [19] как инструмент для повышения эффективности американских корпораций.

Метод «Дельфи» характеризуется обратной управляемой связью и анонимностью экспертов. Анонимность сохраняется путем разделения членов комиссии, этот факт не позволяет экспертам обсуждать между собой ответы на поставленные вопросы.

Метод «интервью» представляет собой беседу исследователя с экспертом по данной проблеме.

Метод «анкетного опроса» основан на разработке исследователем анкеты по интересующей теме, затем анкеты предлагаются экспертам с целью получения информации.

Для того чтобы наиболее полно понять, что представляет собой экспертное знание необходимо ввести в оборот категорию «экспертная оценка». Мировой интерес к технологиям обостряет внимание экспертной оценке. Ряд исследователей утверждают, что началом распространения экспертного опроса в научную сферу является тот момент, когда впервые зафиксировали и официально описали проведенные исследования путем экспертного оценивания.

В докладе сотрудников РЭНД Корпорейшн (США) О. Хелмера и Д. Гордона (в 40-е гг. XX в. был подробно исследован метод Дельфы) описывалось исследование метода экспертных оценок и результаты его использования, при этом метод рассматривался как научный инструмент для решения задач направленных на долгосрочное прогнозирование. Затем поток работ в последующие годы по формированию метода экспертного оценивания стал резко возрастать. На основе метода экспертной оценки в США проводилось в 1963 г. прогнозирование обширного круга социальных проблем на 50 лет вперед, осуществлялось такое прогнозирование с помощью метода Дельфы. Прогнозирование, которое проводили 82 квалифицированных специалиста, проходило в четыре этапа. В результате был спроектирован прогноз научных достижений общества на период до 2000 года. В.А. Журавлёва в своей статье пишет: «Экспертные оценки применялись и в методике Паттерна, разработанной фирмой Honeywell (США) в 1964 г. Целью методики было обоснование направления деятельности фирмы в перспективе. Эта методика в дальнейшем использовалась для перспективного планирования и управления научными исследованиями и разработками крупных программ в общегосударственном масштабе [9].

Затем в США в 1965 году реализовался очередной вид экспертного проекта под названием «Форекаст». Он предполагал создание долгосрочного прогноза модернизации систем и средств вооруженной борьбы, а также проектирование оперативной военной деятельности. К реализации данного проекта было задействовано большое число экспертов (инженеры и ученые), 70 корпораций, 26 университетов и колледжей, а также 10 некоммерческих организаций. Такое огромное количество экспертов и организаций объясняется тем, что экспертные оценки проводились в 7 этапов. А именно:

1. Оценивание состояния техники и науки с последующим прогнозом развития на 10 лет;
2. Оценивание целей политики США, которые влияют на разработку проекта;
3. Оценка научно-технического потенциала у вероятных противников и его развитие на 10 лет;
4. Определение возможностей использования достижений в науке и технике, которые будут признаны реальными в будущем;
5. Оценивание и анализ предыдущих этапов;
6. Анализирование вариантов применения прогнозируемых научно-технических разработок;
7. Отбор перспективных версий систем оружия с точки зрения тактических и стратегических критериев.

Экспертные оценки в СССР начали применяться с первых лет Советской власти, для решения проблем, касающихся управления народным хозяйством. При Высшем совете народного хозяйства СССР в 1918 г. был образован Совет экспертов. Главной задачей Совета экспертов являлось решение сложных проблем модификации народного хозяйства страны. При организации пятилетних планов развития народного хозяйства страны регулярно прибегали к экспертной оценке. Не смотря на это, экспертные оценки более широко начали применяться в исследованиях социума лишь в 60-е гг. XX в. благодаря работам Ю.В. Ершова, Г.М. Доброва [9], В.М. Глушкова [4] и др.

В других странах процесс становления метода экспертного оценивания затянулся на еще более длительное время, чем в СССР. Например, в Германии экспертное оценивание нашло своё применение лишь в 90-е гг. это произошло из-за интереса к исследованиям, которые проводились с помощью метода Дельфы в Институте системных и инновационных технологий Фрауенхофа.

При проведении экспертного опроса происходит оценка вероятностей допустимого критического риска. В социологии ситуация критического риска предполагает оценка наиболее вероятных потерь [11]. Исходя из этого, каждый эксперт доказательную часть собственной точки зрения связывает с экспертной оценкой, ранжируя риски решения. В социологии принято использовать следующую технологию ранжировки рисков [2].

0 – несущественный риск;

25 – рисковая ситуация вероятнее всего не наступит;

50 – о риске нельзя сказать ничего определенного;

75 – рисковая ситуация вероятнее всего наступит;

100 – рисковая ситуация наступит наверняка.

Оценки экспертов подвергаются анализу на их противоречивость по следующим правилам:

1. Разница между оценками двух экспертов не должна превышать 50.

$\max|a_i - b_i| \leq 50$, где a, b – векторы оценок каждого из двух экспертов.

2. Необходимо согласовать мнение всех экспертов по всему набору рисков. Если мнения сильно расходятся, то расхождения суммируются по модулю и результат делится на число проектных рисков.

Также при поиске решений задач эксперты пользуются тремя методами:

1. Метод ассоциаций, который основан на схожести одних объектов с другими.

2. Метод парных (бинарных) сравнений, основанный на выборе наиболее предпочтительных вариантов из сопоставленных альтернатив.

3. Метод векторов предпочтений заключается в том, что эксперт анализирует все альтернативные варианты и выбирает наиболее предпочтительные.

Период постмодерна внес в мир экспертов беспокойство и потребность пересмотра своего положения в исследовательских процессах. Ряд ученых (Ж.Ф. Лиотар [13], З. Бауман [1], Н. Луман [14]) считает, что на современном этапе развития экспертное знание и экспертная оценка утратили свое значение. Всё чаще экспертная оценка сводится к роли обыденной интерпретации эмпирических данных. Об этом пишет М. Кастельс: «Появление новой технологической парадигмы на основе более мощных и гибких информационных технологий сделало возможным превращение информации как таковой в продукт производственного процесса. Трансформируя процесс обработки информации, новые информационные технологии оказывают влияние на все сферы человеческой деятельности и делают возможным установление бесчисленных связей между различными областями» [10]. Из этого следует, что познание информационных технологий и умение их применять в практике социологических исследований позволяют рассматривать экспертное оценивание как специальное знание.

Экспертная оценка понятие довольно плюралистичное, но, не смотря на это, ученые выделяют из всего многообразия свойств одну главную черту. Она заключается в применении экспертной оценки в ситуации неопределенности характера объекта, а именно носителя социальной проблемы. Известный советский и российский социолог Ф.Э. Шереги пишет:

«Чаще всего такие ситуации связаны с попыткой прогнозировать изменение того или иного социального явления, процесса; с необходимостью представить состояние интересующего исследователя предмета через один, два, пять и более лет или дать объективную оценку таким сторонам деятельности и качествам людей, по которым их самооценка может оказаться искаженной» [5]. Такая информация может быть получена с помощью экспертного опроса.

Исходя из этого Э. Тоффлер пишет: «... не вызывает сомнений тот факт, что растущая волна новых знаний обрекает нас на еще более узкую специализацию и требует ускоренных темпов пересмотра нашего внутреннего образа реальности. И это имеет отношение не только к чисто научной информации о физических частицах или генетической структуре. В равной степени это относится ко всем категориям знания, оказывающего влияние на повседневную жизнь миллионов людей» [17]. Подобная ситуация складывается во всех областях знания. «В образовании, политике, теории экономики, медицине, международных отношениях новые образы - волна за волной - разрушают нашу оборону и мысленную модель реальности. Результат этой постоянной бомбардировки новыми образами - ускоренное вытеснение старых образов, увеличение умственной «пропускной способности» и новое глубокое ощущение непостоянства, недолговечности самого знания» [17]. Из-за этого человеку все сложнее проектировать и прогнозировать какое-либо событие. Нужно сказать, что индивида не интересует экспертное знание, так как он строит взаимодействия на уровне повседневной жизни и получает информацию о различных событиях из средств массовой информации.

Об изменяющейся социальной реальности П. Штомпка пишет так: «динамика, поток изменений различной скорости, интенсивности, ритма и темпа» [18]. Похожее мнение высказывал Н. Луман: «информация устаревает очень быстро. Информацию нельзя повторить: если сообщение повторяется, то сохраняется его смысл, но информационная ценность теряется. Информацию совсем не обязательно получать от первоначального отправителя: после того как она получена, следующим получателем может быть тот, кто получит ее от первого получателя» [15]. Поэтому признанные модели поведения и социальный опыт в целом утрачивают свое значение в обществе по причине того, что связи между действиями, которые ведут к результату, становятся более случайными и меняются без каких-либо предупреждений. Возникающая нестабильность пронизывает и методологию, и систему знаний. Наблюдается разрушение устойчивых механизмов общества, что ведет к неосуществимости предсказания и прогнозирования. Ввиду этого, происходит расширение неопределенности знания в различных сферах, которую возможно изучить только с помощью экспертного оценивания, другими методами исследование таких неопределенностей осуществить невозможно. Именно результаты экспертного оценивания помогают исследователям прогнозировать развитие той или иной ситуации.

Из вышесказанного можно сделать вывод.

Экспертное знание приобретает особую значимость, поскольку для предоставления «онтологической безопасности» [3] и уменьшения возможных последствий рисков необходимо рутинизировать повседневную социальную жизнь с включением в неё рефлексии. Одним из источников информации верифицирования и преобразования полученной информации и ее мультиплицирования в обществе является экспертное знание.

Несмотря на то, что экспертное оценивание довольно долго применяется в истории исследований в различных странах, недоверие к этому методу всё еще существует. Это объясняется тем, что прогнозирование предстоящих событий и тенденций труднейшее поле для научной деятельности. Сложно прогнозировать будущие события с высокой надежностью.

Метод экспертной оценки получил свое становление в социологии управления не так давно, по сравнению с другими социологическими методами, но, несмотря на это, современное экспертное оценивание представляет собой эффективный интеллектуальный инструмент для решения прикладных задач и нахождения уникальных, эмпирических данных во многих предметных областях. Кроме того данный метод является источником дальнейших научных социологических исследований. Также метод экспертной оценки является инструментом, который позволяет разрабатывать обоснованные управленческие решения при отсутствии не-

обходимого объема результатов наблюдений.

Список литературы

1. Бауман З., Текущая модерность: взгляд из 2011 года [Электронный ресурс]//Режим доступа: <https://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/> (Дата обращения 13.06.2020)
2. Вишняков, Я. Д., Радаев, Н.Н. Общая теория рисков: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. - М.: Издательский центр «Академия», 2008. - 368 с.
3. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации [Электронный ресурс]//Режим доступа: <http://socioline.ru/book/entoni-giddens-ustroenie-obshchestva> (Дата обращения 14.06.2020)
4. Глушков В.М. О прогнозировании на основе экспертных оценок [Электронный ресурс]//Режим доступа: <https://alterozoom.com/en/documents/19178.html> (Дата обращения 12.06.2020)
5. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Прикладная социология [Электронный ресурс]//Режим доступа: <https://docviewer.yandex.ru/view/0/> (Дата обращения 13.06.2020)
6. Гостенина В.И. Социология управления // Учебное пособие. Изд-во «Питер», 2013. С. 368.
7. Добренков В.И., Кравченко А.И. Методы социологического исследования: учебник. М.: 2004. 768 с. Гл. 4. 488 с.
8. Добров Г.М., Ершов Ю.В., Левин Е.И., Смирнов Л.П. Экспертные оценки в научно-техническом прогнозировании [Электронный ресурс]//Режим доступа: <https://search.rsl.ru/ru/record/01007046738> (Дата обращения 12.06.2020)
9. Журавлёва В.А. Метод экспертного оценивания: историческая экспликация и современная модель. Журнал: Вестник РУДН. Серия: Социология, 2012. №2, с. 29.
10. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура [Электронный ресурс]//Режим доступа: <https://www.twirpx.com/file/63184/> (Дата обращения 12.06.2020)
11. Кравченко С.А. Социология риска и безопасности: учебник и практикум для академического бакалавриата / С. А. Кравченко. — М.: Издательство Юрайт, 2017. — 302 с. — Серия: Бакалавр и магистр. Академический курс.
12. Лисенков А.Н., Ярковская Т.В. Экспертное оценивание в задачах менеджмента. М.: МИИТ, 2009. 24с.
13. Лиотар Ж.-Ф. Состояние посмодерна. Пер. с франц. / Н. А. Шматко. Институт экспериментальной социологии. М: Издательство «АЛЕТЕЙЯ». Санкт-Петербург. 1998
14. Луман Н. Понятие общества // Проблемы теоретической социологии [Электронный ресурс]//Режим доступа: http://sbiblio.com/biblio/archive/boronev_niklas_sociality_termin/ (Дата обращения 13.06.2020)
15. Луман Н. Общество как социальная система. Пер. с нем./ А. Антоновский. М: Издательство «Логос». 2004 - 232 с.
16. Осборн Алекс [Электронный ресурс]//Режим доступа: <https://vikent.ru/author/983/> (Дата обращения 13.06.2020)
17. Тоффлер Э. Шок будущего [Электронный ресурс]//Режим доступа: <http://textarchive.ru/c-2663802.html> (Дата обращения 13.06.2020)
18. Штомпка П. Социология социальных изменений [Электронный ресурс]//Режим доступа: <https://gigabaza.ru/doc/69795.html> (Дата обращения 13.06.2020)
19. C. West Churchman, Russell L. Ackoff, Methods of Inquiry: Introduction to Philosophy and Scientific Method, Educational Publications, St. Louis, Missouri, Missouri., 1950.
20. Kahn H. The Year 2000: A framework for speculation on the next thirty-three year. NY: Macmillan Publishing Company, 1967. 432 p.

Сведения об авторе

Казорина Жанна Александровна – магистрант по направлению подготовки «Социология управления» ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского» zhanna.kazorina@mail.ru, телефон: 89208444089

UDK 316.012

HISTORY AND THEORY OF DEVELOPMENT OF THE METHOD OF EXPERT ASSESSMENTS IN THE SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

Kazorina Zh.A.

Bryansk State Academician I.G. Petrovski University

The article analyzes the evolution of the method of expert assessments in the world. The main stages of formation and formation of the method are revealed. The history tour covers the period from the first attempts to apply the method in conducting applied research in various countries to the modern period of sociological research. The uniqueness of the method in the empirical direction of sociology is proved. The use of expert methods in the sociology of management ensures the active and purposeful participation of specialists at all stages of decision-making, which can significantly improve the quality and effectiveness of management. The use of expert assessments helps to formalize the procedures for collecting sociological data, generalize and analyze the opinions of specialists in order to transform them into the form that is most convenient for making an informed management decision.

Keywords: expert assessment, forecasting, expert knowledge, information, society, everyday life, changing social reality.

References

1. Bauman Z., Tekuchaya modernost': vzglyad iz 2011 goda [Elektronnyj resurs]//Rezhim dostupa: <https://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/> (Data obrashcheniya 13.06.2020)
2. Vishnyakov, YA. D., Radaev, N.N. Obshchaya teoriya riskov: ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenij. - M.: Izdatel'skij centr «Akademiya», 2008. - 368 s.
3. Giddens E. Ustroenie obshchestva: Ocherk teorii strukturacii [Elektronnyj resurs]//Rezhim dostupa: <http://socioline.ru/book/entoni-giddens-ustroenie-obshchestva> (Data obrashcheniya 14.06.2020)
4. Glushkov V.M. O prognozirovanii na osnove ekspertnyh ocenok [Elektronnyj resurs]//Rezhim dostupa: <https://alterozoom.com/en/documents/19178.html> (Data obrashcheniya 12.06.2020)
5. Gorshkov M.K., SHeregi F.E. Prikladnaya sociologiya [Elektronnyj resurs]//Rezhim dostupa: <https://docviewer.yandex.ru/view/0/> (Data obrashcheniya 13.06.2020)
6. Gostenina V.I. Sociologiya upravleniya // Uchebnoe posobie. Izd-vo «Piter», 2013. S. 368.
7. Dobren'kov V.I., Kravchenko A.I. Metody sociologicheskogo issledovaniya: uchebnik. M.: 2004. 768 s. Gl. 4. 488 s.
8. Dobrov G.M., Ershov YU.V., Levin E.I., Smirnov L.P. Ekspertnye ocenki v nauchno-tekhnicheskom prognozirovanii [Elektronnyj resurs]//Rezhim dostupa: <https://search.rsl.ru/ru/record/01007046738> (Data obrashcheniya 12.06.2020)
9. ZHuravlyova V.A. Metod ekspertnogo ocenivaniya: istoricheskaya eksplikaciya i sovremennaya model'. ZHurnal: Vestnik RUDN. Seriya: Sociologiya, 2012. №2, s. 29.
10. Kastel's M. Informacionnaya epoha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura [Elektronnyj resurs]//Rezhim dostupa: <https://www.twirpx.com/file/63184/> (Data obrashcheniya 12.06.2020)
11. Kravchenko S.A. Sociologiya riska i bezopasnosti: uchebnik i praktikum dlya akad-

emicheskogo bakalavriata / S. A. Kravchenko. — M.: Izdatel'stvo YUrajt, 2017. — 302 s. — Seriya: Bakalavr i magistr. Akademicheskij kurs.

12. Lisenkov A.N., YArkovskaya T.V. Ekspertnoe ocenivanie v zadachah menedzhmenta. M.: MIIT, 2009. 24s.

13. Liotar ZH.-F. Sostoyanie posmoderna. Per. s franc. / N. A. SHmatko. Institut eksperimental'noj sociologii. M: Izdatel'stvo «ALETEJYA». Sankt-Peterburg. 1998

14. Luman N. Ponyatie obshchestva // Problemy teoreticheskoy sociologii [Elektronnyj resurs]//Rezhim dostupa:http://sbiblio.com/biblio/archive/boronoev_niklas_sociality_termin/(Data obrashcheniya 13.06.2020)

15. Luman N. Obshchestvo kak social'naya sistema. Per. s nem./ A. Antonovskij. M: Izdatel'stvo «Logos». 2004 - 232 s.

16. Osborn Aleks [Elektronnyj resurs]//Rezhim dostupa: <https://vikent.ru/author/983/> (Data obrashcheniya 13.06.2020)

17. Toffler E. SHok budushchego [Elektronnyj resurs]//Rezhim dostupa: <http://textarchive.ru/c-2663802.html> (Data obrashcheniya 13.06.2020)

18. SHtompka P. Sociologiya social'nyh izmenenij [Elektronnyj resurs]//Rezhim dostupa: <https://gigabaza.ru/doc/69795.html> (Data obrashcheniya 13.06.2020)

19. C. West Churchman, Russell L. Ackoff, Methods of Inquiry: Introduction to Philosophy and Scientific Method, Educational Publications, St. Louis, Missouri, Missouri., 1950.

20. Kahn H. The Year 2000: A framework for speculation on the next thirty-three year. NY: Macmillan Publishing Company, 1967. 432 p.

Author`s information

Kazorina Zh.A. - master's degree in «management Sociology», FSBEI HE Bryansk State Academician I.G. Petrovski University. zhanna.kazorina@mail.ru

УДК 316.4.06.

ЭЛЕКТОРАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ МОЛОДЕЖИ: УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Н.А. Моисеенко

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского

В статье рассматриваются вопросы электорального поведения как общественного поведения, которое проявляется в процессе формирования политических предпочтений, итогового решения и самого процесса принятия решения об участии в голосовании, а также в предвыборных кампаниях, акциях, непосредственном голосовании за политическую партию, кандидата, голосовании на референдуме, в уклонении от участия в голосовании на политических выборах. Особое внимание уделено такой форме электорального поведения, как абсентеизм, который заключается в уклонении от участия в голосовании на выборах. На основе проведенного исследования автор делает вывод о том, что в молодежной среде наблюдается высокий уровень абсентеизма. Делается вывод о необходимости создания таких управленческих механизмов, которые повлияют на активизацию политического поведения молодежи.

Ключевые слова: абсентеизм, социологическое исследование, электорат, управление, молодежь

Актуальность социологических исследований электорального поведения молодежи несомненна: именно молодые люди – та движущая сила политических процессов в обществе [10; 23], от которой зависит развитие нашей страны в будущем [16; 17; 18]. Сегодня ярко наблюдается тенденция к тому, что молодым избирателям трудно ориентироваться в политическом пространстве [20; 24]. Электорат в лице молодежи, безусловно, испытывает на себе воздействие ряда факторов при формировании своих политических взглядов [13; 21; 19].

Обратимся к определению понятий «электорат» и «электоральное поведение». Электорат – граждане (избиратели), которые отдают свое предпочтение определенным партиям или кандидатам. Безусловно, электоратом можно назвать население (страны либо региона в зависимости от уровня и характера выборов), имеющее право принимать участие в голосовании на политических выборах.

Электоральное поведение представляет собой процесс, в ходе которого граждане принимают решение относительно своего участия в голосовании на выборах и конкретно голосования за те или иные политические партии, либо за политических кандидатов [11; 22; 7]. Это своего рода механизм деятельности граждан во время предвыборных кампаний и самих выборов либо референдумов. Электоральное поведение является общественным поведением, которое проявляется в следующих формах: процесс формирования политических предпочтений, итоговое решение и сам процесс принятия решения об участии в голосовании и предвыборных кампаниях, акциях, непосредственно голосование за политическую партию, кандидата, голосование на референдуме, уклонение от участия в голосовании на политических выборах. Форма электорального поведения, заключающаяся в уклонении от участия в голосовании на выборах, представляет собой такое явление, как абсентеизм. В молодежной среде наблюдается высокий уровень абсентеизма.

Под электоральным поведением подразумевается сложная структура, включающая в себя восприятие информации политического характера, распространяемой по каналам средств массовой информации [1; 4; 5], коммуникацию электората и политических структур на этапах предвыборных кампаний и после ее реализации и коммуникацию между избирателями.

Молодежь – самая активная часть населения страны. Испытывая влияние различного рода социальных факторов [12; 15; 6], молодые люди осознают свое положение в обществе и консолидацию своих групповых интересов, что приводит к тому, что молодежь становится наиболее активной движущей силой в электоральном пространстве [14; 25; 26].

Ниже представлен анализ электоральных взглядов молодежи города Брянска. Социологический опрос был проведен с помощью метода интернет-опроса в феврале 2020 года.

Анкета создавалась в электронном сервисе Googl Forms. Выборка исследования квотная. В исследовании было представлено распределение респондентов по полу, возрасту и семейному положению. Так, например, в опросе приняли участие мужчины и женщины в возрастной группе 18-35 лет, женатые и замужние молодые люди, а также не состоящие в браке. Всего было опрошено 250 респондентов.

На уровень политической активности электората оказывает влияние непосредственно каждый из участников политического процесса. Это может быть, как политическая партия, так и политический лидер, либо лицо, отдающее свой голос на выборах. Важно отметить, что на политическую активность также влияют различные факторы, например, мнение окружение электората, различного рода СМИ [2; 3; 9]. Для комплексной оценки электорального поведения, политической активности, мотивов политического выбора, электоральных предпочтений, необходимо рассматривать в совокупности все социальные группы, относящиеся к электорату. В данном социологическом исследовании задачей является изучение электоральных настроений такой социальной группы, как молодежь.

В ходе проведения социологического исследования были получены следующие результаты. Обратимся к диаграмме, которая представляет собой анализ ответов на вопрос «Интересуетесь ли Вы политической жизнью страны?» (рисунок 1).

Рисунок 1 - Степень заинтересованности молодежи политической жизнью страны

Каждый второй молодой человек интересуется политической жизнью страны, каждый третий из опрошенных интерес к политической ситуации не проявляет, а у 17% опрошенных вопрос вызвал трудности, и они не смогли определиться с ответом.

Выборы должны способствовать демократизации общества, а в свою очередь система выборов должна быть посторена по демократическим принципам. Выборы, свобода, многопартийность – это часть характеристик демократизации. В нашей стране, безусловно, сформирована демократическая система выборов. А как же считают молодые люди города Брянска. Ответы на это вопрос наглядно представлены ниже (рисунок 2). Из него видно, что подавляющее большинство опрошенных (70%) считают, что в России не сформирована устойчивая демократическая система выборов.

Было важно узнать у молодежи, почему она не ходит на выборы. Получены следующие результаты: чаще всего молодые люди не принимают участия в голосовании на выборах, потому что выборы, по их мнению, ничего не решают. Так ответили 39% опрошенных, следующим по популярности стал ответ «молодежи навязывается мнение за кого голосовать», так ответил каждый четвертый респондент. Так же молодежь считает, что для нее избирательный процесс не интересен. В процентном соотношении их 19%. Молодые люди в 8% считают, что политика грязное дело. Не могут выбрать свободное время для посещения избирательного участка 7% молодых людей. Все результаты представлены ниже (рисунок 3).

Рисунок 2 - Наличие в России устойчивой демократической системы выборов

Рисунок 3 - Почему молодежь не посещает избирательные участки

Повышение политической активности электората является важной задачей государства. Для решения данной поставленной задачи активно проводятся различные мероприятия всех уровней. Мероприятия проводятся как для всего электората в целом, так и для отдельных социальных групп, например, для электората в лице молодежи. Результаты ответов представлены ниже (рисунок 4).

Было установлено, что молодые что следующие мероприятия будут способствовать повышению электоральной активности, снижению уровня абсентеизма: так каждый второй молодой человек (50%) посчитал, что моральная поддержка молодежи вне зависимости от партии, которой отдается предпочтение (партия власти или оппозиционная партия), 10% посчитали, что необходимо проводить большее число встреч с политическими деятелями. Также наблюдается необходимость в организации экскурсий в здания органов власти федерального и регионального уровней (10%), в формировании избирательных комиссий с привлечением молодежи (20%).

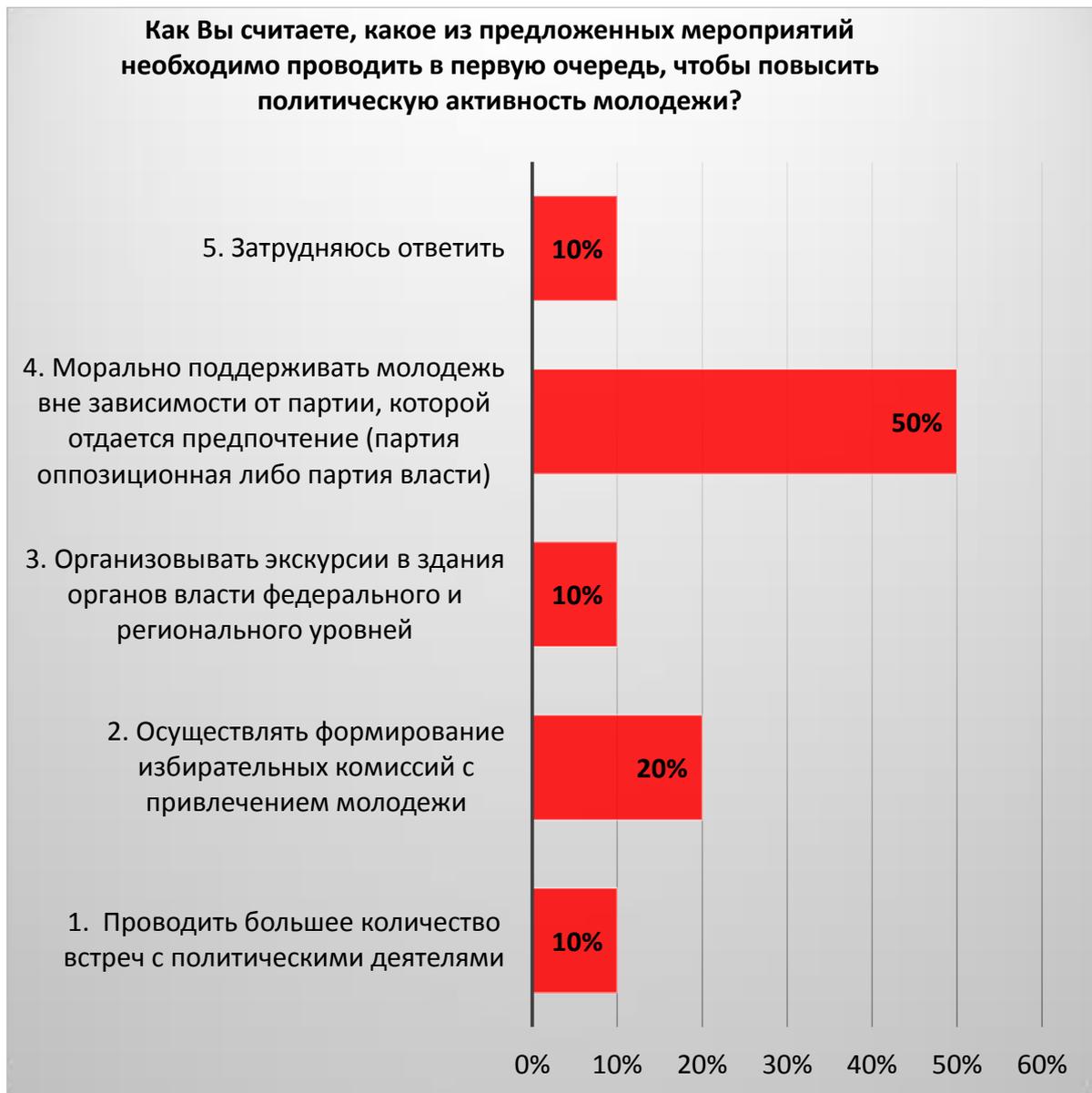

Рисунок 4 - Мероприятия, проводимые с целью повышения политической активности молодежи

Диаграмма, изображенная ниже (рисунок 5), указывает наглядно то, чем выборы являются для каждого лично.

Так, подавляющее большинство опрошенных посчитали, что выборы являются обязательной, но малоэффективной процедурой (35%). Молодые люди в процентном соотношении 15% дали следующий ответ на вопрос: выборы - это право избирать и быть избранным, выборы. Также 15% опрошенных указали, что это форма выражения своего собственного мнения, а для 10% молодых людей выборы являются возможностью повлиять на власть. Респонденты в 5% случаев ответили, что выборы - это возможность заработать в ходе избирательной кампании. Ни для кого из опрошенных выборы не являются возможностью изменения экономической ситуации в стране.

К сожалению, электорат зачастую испытывает недостаток информации для голосования на выборах. Было рассмотрено, испытывает ли молодежь города Брянска данный недостаток информации. Испытывают недостаток в информации 20% опрошенных, скорее испытывают, чем нет 23%, не испытывают недостаток в политической информации 40%, что является большинством. Скорее не испытывают недостаток 11% молодых людей, а затруднились ответить на данный вопрос всего 6%. Ответы представлены ниже (рисунок 6).

Рисунок 5 - Выборы лично для каждого

Рисунок 6 - Полнота информации для голосования на выборах

В результате анализа исследования были разработаны следующие рекомендации:

1. Введение в образовательный процесс дисциплины «Молодой избиратель в сложном электоральном мире», где студенты будут подробно знакомиться с политическим пространством.
2. Необходимо проводить мероприятия, чтобы популярная сегодня модель экспрессивного голосования утратила свои активные позиции.
3. Учебные заведения должны регулярно информировать студентов о проведении выборов и референдумов, оказывать студентам содействие в получении информации о работе избирательных комиссий, о местах голосования [8].
4. Организовывать по возможности экскурсии в зданиях органов власти.
5. Необходимо всесторонне поощрять политическое самообразование и электоральное

саморазвитие студентов, а также их стремление участвовать в общественно-политической жизни страны.

6. Выдвигать наиболее активных представителей студенческой молодежи, интересующихся политической жизнью страны в органы молодежного самоуправления

7. Морально поддерживать студентов, которые участвуют в выборах, не просто как электорат, а как полноценные кандидаты в Представительные органы власти различного уровня, вне зависимости от политической партии, которой отдается предпочтение.

8. Поддерживать студенческую молодежь, но не навязывать ей участие в мероприятиях, которые так или иначе связаны с политикой.

Данные рекомендации поспособствуют повышению электоральной активности и повышению уровня политической культуры, что в свою очередь приведет к снижению абсентеизма в молодежной среде.

Список литературы

1. Васильев А.В. Культура коммуникаций в условиях информационной глобализации / А.В. Васильев, Э.Д. Коркия, А.К. Мамедов. Москва, 2019. 160 с.

2. Гостенина В.И. Социальные технологии управленческого дискурса в системе отношений государства и общества / В.И. Гостенина, С.А. Шилина // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 1. С. 78-88.

3. Киричек П.Н. Экспертиза медиатекста: матрица качества / П.Н. Киричек // В сборнике: Высшее образование для XXI века: доклады и материалы XIII Международной научной конференции. Круглый стол «Профессиональная подготовка в сфере массмедиа». М., 2016. С. 59-65.

4. Киселев А.Г. Информация и коммуникация в государственном управлении / А.Г. Киселев, П.Н. Киричек. Москва, 2019. Сер. Научная мысль. 268 с.

5. Киселев А.Г. Тренды политической коммуникации в контексте социальной модернизации / А.Г. Киселев, П.Н. Киричек // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2019 № 19 (2). С. 322-336.

6. Ковалева Е.Л. Факторы риска здоровья (на примере социологического исследования качества жизни в Брянской области) / Е.Л. Ковалева, С.А. Шилина // Научный журнал «Дискурс». 2019. № 11 (37). С. 102-111.

7. Комаров С.А. Методология социально-правового познания / С.А. Комаров, А.К. Мамедов // Юридическая мысль. 2019. № 1 (11). С. 25-41.

8. Лифанова Т.Е. Модернизация высшего профессионального образования: сущностные аспекты / Т.Е. Лифанова // В сборнике: Современные проблемы гуманитарных и естественных наук. Материалы XXII международной научно-практической конференции. 2015. С. 279-283.

9. Лифанова Т.Е. Мониторинг качества обслуживания как основа развития социальной сферы / Т.Е. Лифанова, О.В. Голенкова // Современные исследования социальных проблем. 2014. № 4 (20). С. 227-239.

10. Лифанова Т.Е. Проблемные вопросы работы с семьями, воспитывающими детей-инвалидов: социологический аспект / Т.Е. Лифанова, А.А. Пимахова, Е.В. Харлашина, А.М. Шилин // Научный журнал Дискурс. 2018. № 7 (21). С. 155-167.

11. Лупенкова Е.Ю. Динамика ценностных ориентаций субъектов российского электорального процесса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2013. № 2. С. 89-96.

12. Лупенкова Е.Ю. Управление мотивацией электорального выбора в системе социального взаимодействия субъектов // Среднерусский вестник общественных наук. 2011. № 4. С. 37-43.

13. Лупенкова Е.Ю. Ценностные ориентации студенчества в моделях электорального выбора / Е.Ю. Лупенкова // Образование и общество. Всероссийская социологическая

конференция к 20-летию Российского общества социологов. 20-22 октября. М.: ИС РАН, РОС, 2009. С. 226.

14. Мамедов А.К. Научное знание: классическое наследие и мода / А.К. Мамедов // Экономика. Социология. Право. 2018. № 1 (9). С. 91-100.

15. Мамедов А.К. Проблема оснований социального знания (полемиические заметки) / А.К. Мамедов // Экономика. Социология. Право. 2016. № 3. С. 68-80.

16. Мамедов А.К. Реальность будущего или кризис социальных теорий? / А.К. Мамедов // Социология образования. 2011. № 2. С. 17-25.

17. Моисеенко Н.А. Роль СМИ в реализации управленческих социально-политических процессов / Н.А. Моисеенко // В сборнике: Журналистыка-2019: стан, проблемы і перспективы. 2019. С. 68-71.

18. Моисеенко Н.А. Социальные технологии практического дискурса пропаганды и рекламы в современном мире: их влияние на электоральное поведение / Н.А. Моисеенко, С.А. Шилина // В сборнике: Практический дискурс высшей школы. Сборник докладов Международной научно-практической конференции, 2016. С. 132-136.

19. Сычева Е.Ю. Электоральные ценности российской молодежи в условиях современного медийного пространства / Е.Ю. Сычева // Экономика. Социология. Право. 2019. № 3 (15). С. 80-85.

20. Траханов А.В. Отражение жизненных ценностей в рекламном дискурсе / А.В. Траханов // В книге: Социальная динамика населения и устойчивое развитие. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. 2019. С. 318-322.

21. Шилина С.А. Дискурс коммуникационной культуры в свете ценностных ориентаций молодёжи / С.А. Шилина // Научный журнал «Дискурс». 2018. № 11 (25). С. 216-226.

22. Шилина С.А. Знать, чтобы предвидеть... Социологические этюды / А.Н. Данилов [и др.]: под общ.ред. А.Н. Данилова. Минск: БГУ, 2015. 359 с. / С.А. Шилина // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2017. № 1. С. 140-142.

23. Khizbullin F. Hydrocarbon resources as an object of geopolitical confrontation between Russia and the West / F. Khizbullin, G. Akhmedina, A. Rostova, S. Shilina // Central Asia and the Caucasus. V. 18. Issue 2. 2017. P. 34-41.

24. Korkiya E.D. Virtual personality: a search for new identity / E.D. Korkiya, M.E. Lipatova, A.K. Mamedov // Indian Journal of Science and Technology. 2016. T. 9. № 36. С. 102020.

25. Liadova A.V. The burnout among emergency physicians: evidence from Russia (sociological study). / A.V. Liadova, E.D. Korkiya, A.K. Mamedov, N.A. Panich // Man in India. 2017. T. 97. № 15. С. 495-507.

26. Maslova I.B. The diversification as the trends of reforming additional professional education of social workers / I.B. Maslova, T.E. Lifanova, O.V. Golenkova, E.S. Mikheeva, N.V. Lebedeva // Research Journal of Pharmaceutical, Biological and Chemical Sciences. Volume 9. Issue 2. 2018. (March - April). P. 1117-1127.

Сведения об авторе

Моисеенко Наталья Анатольевна – аспирант 1 курса по направлению подготовки «Социология управления» ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», moiseenko-natali2010@yandex.ru. Телефон: 89206076612, рабочий: 8(4832)643031

UDK 316.4.06

ELECTORAL BEHAVIOR OF YOUNG PEOPLE: MANAGERIAL ASPECT

N.A. Moiseenko

Bryansk State Academician I.G. Petrovski University

The article deals with the issues of electoral behavior as a public behavior that manifests itself in the process of forming political preferences, the final decision and the process of making a decision to participate in voting, as well as in election campaigns, actions, direct voting for a political party, a candidate, voting in a referendum, and avoiding voting in political elections. Special attention is paid to such a form of electoral behavior as absenteeism, which consists in avoiding participation in voting in elections. Based on the research, the author concludes that a high level of absenteeism is observed in the youth environment. It is concluded that it is necessary to create such management mechanisms that will influence the activation of political behavior of young people.

Keywords: absenteeism, sociological research, electorate, management, youth

References

1. Vasil'ev A.V. Kul'tura kommunikacij v usloviyah informacionnoj globalizacii / A.V. Vasil'ev, E.D. Korkiya, A.K. Mamedov. Moskva, 2019. 160 s.
2. Gostenina V.I. Social'nye tekhnologii upravlencheskogo diskursa v sisteme otnoshenij gosudarstva i obshchestva / V.I. Gostenina, S.A. SHilina // Social'no-gumanitarnye znaniya. 2012. № 1. S. 78-88.
3. Kirichek P.N. Ekspertiza mediateksta: matrica kachestva / P.N. Kirichek // V sbornike: Vysshee obrazovanie dlya XXI veka: doklady i materialy XIII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Kruglyj stol «Professional'naya podgotovka v sfere massmedia». M., 2016. S. 59-65.
4. Kiselev A.G. Informaciya i kommunikaciya v gosudarstvennom upravlenii / A.G. Kiselev, P.N. Kirichek. Moskva, 2019. Ser. Nauchnaya mysl'. 268 s.
5. Kiselev A.G. Trendy politicheskoy kommunikacii v kontekste social'noj modernizacii / A.G. Kiselev, P.N. Kirichek // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sociologiya. 2019 № 19 (2). S. 322-336.
6. Kovaleva E.L. Faktory riska zdorov'ya (na primere sociologicheskogo issledovaniya kachestva zhizni v Bryanskoj oblasti) / E.L. Kovaleva, S.A. SHilina // Nauchnyj zhurnal «Diskurs». 2019. № 11 (37). S. 102-111.
7. Komarov S.A. Metodologiya social'no-pravovogo poznaniya / S.A. Komarov, A.K. Mamedov // YUridicheskaya mysl'. 2019. № 1 (11). S. 25-41.
8. Lifanova T.E. Modernizaciya vysshego professional'nogo obrazovaniya: sushchnostnye aspekty / T.E. Lifanova // V sbornike: Sovremennye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk. Materialy XXII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. 2015. S. 279-283.
9. Lifanova T.E. Monitoring kachestva obsluzhivaniya kak osnova razvitiya social'noj sfery / T.E. Lifanova, O.V. Golenkova // Sovremennye issledovaniya social'nyh problem. 2014. № 4 (20). S. 227-239.
10. Lifanova T.E. Problemnye voprosy raboty s sem'yami, vospityvayushchimi detej-invalidov: sociologicheskij aspekt / T.E. Lifanova, A.A. Pimahova, E.V. Harlashina, A.M. SHilin // Nauchnyj zhurnal Diskurs. 2018. № 7 (21). S. 155-167.
11. Lupenkova E.YU. Dinamika cennostnyh orientacij sub"ektov rossijskogo elektoral'nogo processa // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sociologiya. 2013. № 2. S. 89-96.
12. Lupenkova E.YU. Upravlenie motivaciej elektoral'nogo vybora v sisteme social'nogo vzaimodejstviya sub"ektov // Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk. 2011. № 4. S. 37-43.
13. Lupenkova E.YU. Cennostnye orientacii studenchestva v modelyah elektoral'nogo vybora / E.YU. Lupenkova // Obrazovanie i obshchestvo. Vserossijskaya sociologicheskaya konfer-

- enciya k 20-letiyu Rossijskogo obshchestva sociologov. 20-22 oktyabrya. M.: IS RAN, ROS, 2009. S. 226.
14. Mamedov A.K. Nauchnoe znanie: klassicheskoe nasledie i moda / A.K. Mamedov // *Ekonomika. Sociologiya. Pravo*. 2018. № 1 (9). S. 91-100.
 15. Mamedov A.K. Problema osnovanij social'nogo znaniya (polemicheskie zametki) / A.K. Mamedov // *Ekonomika. Sociologiya. Pravo*. 2016. № 3. S. 68-80.
 16. Mamedov A.K. Real'nost' budushchego ili krizis social'nyh teorij? / A.K. Mamedov // *Sociologiya obrazovaniya*. 2011. № 2. S. 17-25.
 17. Moiseenko N.A. Rol' SMI v realizacii upravlencheskih social'no-politicheskikh processov/ N.A. Moiseenko // *V sbornike: ZHurnalistyka-2019: stan, prablemy i perspektyvy*. 2019. S. 68-71.
 18. Moiseenko N.A. Social'nye tekhnologii prakticheskogo diskursa propagandy i reklamy v sovremennom mire: ih vliyanie na elektoral'noe povedenie / N.A. Moiseenko, S.A. SHilina // *V sbornike: Prakticheskij diskurs vysshej shkoly. Sbornik dokladov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*, 2016. S. 132-136.
 19. Sycheva E.YU. Elektoral'nye cennosti rossijskoj molodezhi v usloviyah sovremenogo medijnogo prostranstva / E.YU. Sycheva // *Ekonomika. Sociologiya. Pravo*. 2019. № 3 (15). S. 80-85.
 20. Trahanov A.V. Otrazhenie zhiznennyh cennostej v reklamnom diskurse / A.V. Trahanov // *V knige: Social'naya dinamika naseleniya i ustojchivoe razvitie. Moskovskij gosudarstvennyj universitet im. M.V. Lomonosova*. 2019. S. 318-322.
 21. SHilina S.A. Diskurs kommunikacionnoj kul'tury v svete cennostnyh orientacij molodyozhi /S.A. SHilina // *Nauchnyj zhurnal «Diskurs»*. 2018. № 11 (25). S. 216-226.
 22. SHilina S.A. Znat', chtoby predvidet'... Sociologicheskie etyudy / A.N. Danilov [i dr.]: pod obshch.red. A.N. Danilova. Minsk: BGU, 2015. 359 s. / S.A. SHilina // *ZHurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Sociologiya*. 2017. № 1. S. 140-142.
 23. Khizbullin F. Hydrocarbon resources as an object of geopolitical confrontation between Russia and the West / F. Khizbullin, G. Akhmedina, A. Rostova, S. Shilina // *Central Asia and the Caucasus*. V. 18. Issue 2. 2017. P. 34-41.
 24. Korkiya E.D. Virtual personality: a search for new identity / E.D. Korkiya, M.E. Lipatova, A.K. Mamedov // *Indian Journal of Science and Technology*. 2016. T. 9. № 36. C. 102020.
 25. Liadova A.V. The burnout among emergency physicians: evidence from Russia (sociological study). / A.V. Liadova, E.D. Korkiya, A.K. Mamedov, N.A. Panich // *Man in India*. 2017. T. 97. № 15. C. 495-507.
 26. Maslova I.B. The diversification as the trends of reforming additional professional education of social workers / I.B. Maslova, T.E. Lifanova, O.V. Golenkova, E.S. Mikheeva, N.V. Lebedeva // *Research Journal of Pharmaceutical, Biological and Chemical Sciences*. Volume 9. Issue 2. 2018. (March - April). P. 1117-1127.

Author`s information

Moiseenko N.A. - post-graduate student in the field of «Management Sociology», FSBEI HE Bryansk State Academician I.G. Petrovski University.
moiseenko-natali2010@yandex.ru

УДК 316.4.06.

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОТНОШЕНИЯ К ВМЕШАТЕЛЬСТВУ В ПРИРОДУ ЧЕЛОВЕКА

А.Ю. Никитина, С.А. Шилина

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского

В статье рассматриваются результаты социологического исследования о границах вмешательства в человеческую природу с медицинской точки зрения. В связи с появлением инновационных технологий, связанных с генетической модификацией, трансплантацией органов человека и животных, применением психотропных препаратов, изменяющих сознание человека, в целях преодоления функциональных дисбалансов инвалида возникает этический вопрос границ подобного вмешательства в человеческую природу. С одной стороны, каждый человек имеет право на полноценную жизнь, но с другой – нарушается человеческая природа. Авторы приходят к выводу: невозможно трактовать человека лишь с биологической стороны, не учитывая его психологические, социальные качества и саму природу человека.

Ключевые слова: инвалидность, пожилые люди, постчеловек, функциональные изменения, медицинское вмешательство, человеческая природа, либеральная евгеника

Актуальность социологических исследований отношения к вмешательству в природу человека несомненна в нашем бурно развивающемся веке [26].

Генетическая инженерия и модификация генетических пороков порождает интерес к её последствиям. Побочные эффекты, выходящие за пределы лечения простых заболеваний, выражаются в неконтролируемом взаимодействии на уровне не единичного гена, а всей совокупности в последующих поколениях. В практике медицины и науки представлено огромное множество фактов непредсказуемости подобных изменений, например, Ф. Фукуяма в своих трудах описывает эксперимент по повышению интеллекта у лабораторной мыши, проведенный нейробиологом Джо Цзином. В результате эксперимента повысить интеллект не удалось, но удалось сформировать «сверхпамять» у объекта исследования, что, в свою очередь, повлекло за собой увеличение болевой чувствительности. «Цзин не нашел «ген» интеллекта, он даже не нашел «ген» памяти, поскольку память формируется взаимодействием многих различных генов. Сам по себе интеллект вряд ли является одиночным свойством; скорее это набор способностей, связанных с целым рядом когнитивных функций, а память — лишь одна из многих. Но на место встал кусочек мозаики, и за ним пойдут новые», - отмечает Ф. Фукуяма [29].

Генетические изменения формируются постепенно, аккумулируясь и закрепляясь в геноме, поэтому для выяснения полной картины необходимо длительное время. Выходит, что подобное накопление генетических модификаций может привести к глобальным деструктивным последствиям. Обстоятельства индивидуальных решений и право выбора использования биотехнологий на сегодняшний день в обозримой перспективе может привести к необратимым последствиям для следующих поколений. Особенно этот вопрос затрагивает детей-инвалидов, решения которых детерминированы не собственным выбором, а мнением родителей и опекунов [13, с. 117-130; 14, с. 131-143; 16, с. 155-167]. Повлиять на это мнение может не только непосредственная терапевтическая необходимость [2, с. 97-109; 5; 17], но и модные культурные направления [22, с. 318-322; 23, с. 140-142; 25], стереотипы, господствующие в естественно-научной картине мира [18, с. 91-100; 19, с. 68-80; 20, с. 17-25] и другие факторы. Но вследствие этого возникают отношения нового типа характеризующиеся высокой степенью моральной ответственности и низкой регламентацией её правового эквивалента [15, с. 227-239; 12, с. 25-41; 6, с. 52].

Технологии в современном мире все больше имеют утилитарный характер и оцениваются с точки зрения полезности и удовлетворения потребностей и интересов групп заинтересованных. Рыночные механизмы экономики отразились на формировании мировоззрения общества, что привело к смещению понятий свободы, морали, добра и ответственности.

Свобода индивидуальных интересов всех членов общества формируется на основе их согласования на законодательном уровне. Ф. Фукуяма считает: «Согласно экономической теории, вред для общества в целом может сказаться лишь тогда, когда индивидуальный выбор многих людей приведет к тому, что у экономистов называется «отрицательными экстернальностями» — то есть к ущербу третьей стороны, не принимающей участия в трансакции» [29].

С одной стороны, автономность выбора и свобода в принятии решения — неотъемлемая часть демократической системы, а право на медицинскую помощь — основная гарантия социального государства, но с другой — злоупотребления этической свободой другой личности и манипуляции генетическим потенциалом вполне вероятные последствия бездумного вмешательства в природу человека [1, с. 44-54; 7, с. 46-50; 27]. «Однако с позиции социологии и в будущем — пока технизацию человеческой природы можно обосновывать медицински упованием на здоровую и долгую жизнь — общественное признание науки вряд ли сойдет на нет» — считает Хабермас [30].

Еще одной медицинской практикой дуальной по своей сущности является эвтаназия. Являясь сомнительной практикой констатации смерти, в современном обществе она может стать не только средством избавления человека от физических мук, а еще и легитимным способом убийства. Зависимое положение пожилых людей и инвалидов в тяжелом состоянии делает эти категории уязвимыми, а социальные последствия этой процедуры сложно регламентировать на законодательном уровне [8; 9, с. 322-336].

Естественно, что развитие медицины и фармакологии существенно увеличило продолжительность жизни и ее качество [3, с. 96-104; 28; 10; 11, с. 102-111]. Но наряду с этим существует демографическая тенденция к снижению рождаемости, что приводит к старению населения. Для пожилого возраста характерно угасание функций организма и ослабленный иммунитет, что увеличивает риск множества заболеваний: болезни Альцгеймера, атеросклероза, сахарного диабета и других заболеваний. Ф. Фукуяма описывает это явление так: «Быстрый рост числа больных болезнью Альцгеймера в развитых странах есть прямой результат повышения ожидаемой продолжительности жизни, продления телесного здоровья без продления сопротивляемости этой страшной неврологической болезни» [29].

Двойко и применение нейромедиаторов в преодолении заболеваний и их последствий в практике помощи пожилым и инвалидам. От соотношения данных веществ в организме, их избытка или дефицита зависит психическое состояние человека. Такие препараты изменяют свойства личности и влияют на восприятие реальности, самооценку, ощущения и эмоции человека. Вместе с тем, влияя на структуру личности, препарат становится не только необходимостью для преодоления недуга, но и средством манипуляции, особенно недееспособных членов общества и пожилых с низкой степенью мобильности. Кроме того, в общественных системах с высокой степенью толерантности в последнее время довольно часто используются психотропные средства для уменьшения половых различий среди детей.

Инвалидность иногда мешает человеку воспринимать себя полноценным членом общества. Такая депривация становится особенно замена в процессе социализации и процесс реализации личности. Пребывание среди людей превращает человека в личность путем интеракции и взаимодействия со средой. Функциональные изменения, мешающие становлению личности, безусловно, требуют коррекции. Противопоставление понятия «терапии» и понятия «улучшение», близкого к евгенике, приводил Б.Г. Юдин, отмечая необходимость терапии: «Совсем другое дело — улучшающие воздействия, направленные именно на преобразование природы человека» [31].

«Значительную часть общего числа недугов человека составляют наследственные заболевания. Развитие медико-генетических методов диагностики и лечения может способствовать предотвращению таких болезней и облегчению страданий многих людей. Однако важно помнить, что генетические нарушения нередко становятся следствием забвения нравственных начал, итогом порочного образа жизни, в результате коего страдают и потомки» — считает Ф. Фукуяма [29].

В условиях тесной взаимосвязи позитивных и негативных тенденций технологий современной медицины, важным аспектом является отношение общества к морально-этическим вопросам данной проблемы [21, с. 68-71; 24, с. 45-56; 4, с. 78-88].

Нами на базе социальных сетей был проведен опрос среди молодежи (16-29 лет), который показал преимущественно индифферентное отношение к эвтаназии (50%), негативное отношение к эвтаназии (33,3%) преобладает над позитивным (16,7%).

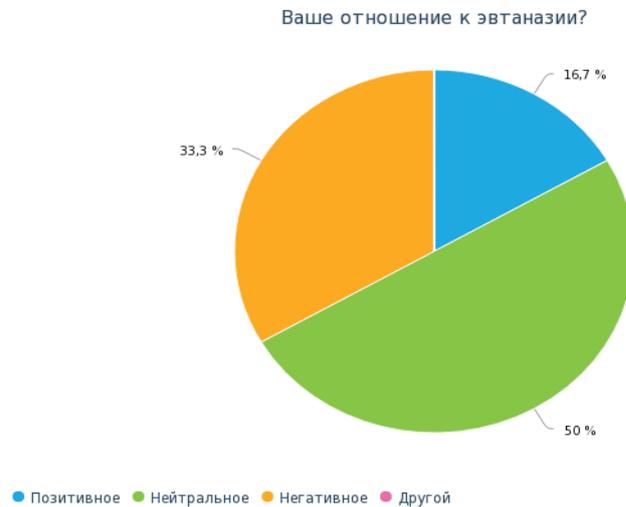

Рисунок 1 - Отношение к эвтаназии

Необходимость регламентации эвтаназии в случае ее легализации на государственном уровне признают 66,7% респондентов, а 33,3%, что является достаточно высоким показателем, не считают это необходимостью.

Должно ли государство регламентировать эвтаназию законодательно?

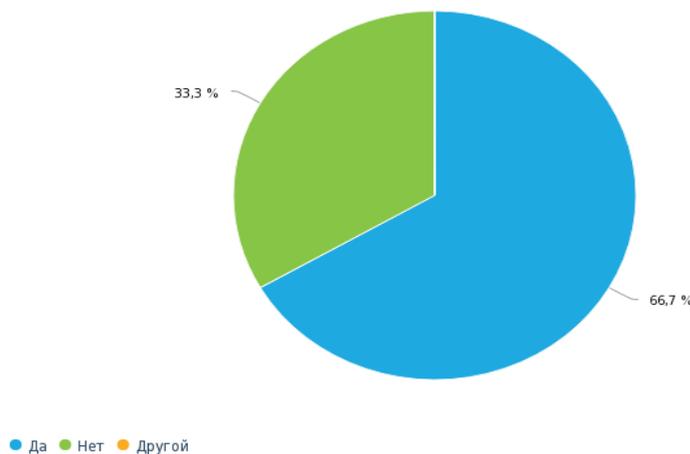

Рисунок 2 - Регламентация эвтаназии

Вместе с тем, отношение к трансплантации органов нейтральное в большей мере (50%), имеет достаточно высокий процент (41,7%) позитивного отношения и низкий процент (8,3%) негативного.

Рисунок 3 - Отношение к трансплантации органов

Очень неоднозначными оказались ответы на вопрос о селекции качеств человека, большинство респондентов (41,7%) одобряют селекцию в какой-то мере, полностью одобрили селекцию (25%) респондентов, (33,3%) респондентов не одобряют подобные меры.

Рисунок 4 - Отношение к генной инженерии

Таким образом, отношение молодежи к биотехнологиям неоднозначно. Оно характеризуется высокой степенью безразличия к проблемам природы человека, что вероятно вызвано высоким уровнем технологизации всех общественных систем и элементов. Утилитарность воззрений молодежи можно проследить в отношении к трансплантации органов, поскольку большинство оправдывает такое вмешательство в человеческую природу, объясняя это пользой для продолжения жизни. Преобладание респондентов в той или иной мере признающее потенциал генной инженерии возвращает нас к вопросу о либеральной евгенике и морально-этической дозволенности таких процедур. В условиях высокой степени безразличия к подобным вмешательствам и их последствиям, отсутствия понимания человеческой природы жесткая регламентация на всех уровнях становится не только желательна, но и необходима. Так, помощь нуждающимся в ней является индивидуальной необходимостью и должна предоставляться, но в границах, которые не влияют на окружающий мир.

Список литературы

1. Волнистая М.Г. Актуализация экологических проблем в общественном мнении россиян / М.Г. Волнистая, Э.Д. Коркия, А.К. Мамедов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2018. - № 9. – С. 44-54.
2. Воронов К.А. Модель работы с детьми-инвалидами: социологические параметры / К.А. Воронов, А.А. Пимахова, С.А. Шилина // Научный журнал «Дискурс». — 2018. —№ 7 (21). — С. 97-109
3. Гостенина В.И. Качество жизни: отражение социальной практики управления в российском обществе / В.И. Гостенина, Г.Г. Волкова, С.А. Кузина, Е.Ю. Лупенкова, С.А. Шилина // Ежегодник НИИ фундаментальных и прикладных исследований за 2009 год. Брянск: РИО Брянского государственного университета, 2010. 182 с. С. 96-104.
4. Гостенина В.И. Социальные технологии управленческого дискурса в системе отношений государства и общества / В.И. Гостенина, С.А. Шилина // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 1. С. 78-88.
5. Гостенина В.И. Социальный работник в системе социального обслуживания населения // В.И. Гостенина, Т.Е. Лифанова, А.К. Мамедов, Г.В. Макарова, С.Л. Мельников // Учебно-методическое пособие по направлению подготовки «Социальная работа» (39.03.02), «Социология управления» (39.04.01) и для переподготовки кадров социальных работников. – Брянск, 2019. – 308 с.
6. Киричек П.Н. Правовое поле социальной политики: вектор изменений / Система ценностей современного общества. 2014. № 33. С. 52.
7. Киричек П.Н. Социальная политика региональной общности в публичной сфере / П.Н. Киричек, Г.Д. Золина // Культурная жизнь Юга России. 2014. № 3 (54). С. 46-50.
8. Киселев А.Г. Информация и коммуникация в государственном управлении / А.Г. Киселев, П.Н. Киричек. Москва, 2019. Сер. Научная мысль. 268 с.
9. Киселев А.Г. Тренды политической коммуникации в контексте социальной модернизации / А.Г. Киселев, П.Н. Киричек// Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2019 № 19 (2). С. 322-336.
10. Ковалева Е.Л. Вопросы качества жизни и здоровья в радиационно загрязненных районах / Е.Л. Ковалева, В.Н. Касацкая, А.В. Ковалева // В сб.: Социальная динамика населения и устойчивое развитие. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (10 октября 2019 года, г. Москва). – М., 2019.
11. Ковалева Е.Л. Факторы риска здоровья (на примере социологического исследования качества жизни в Брянской области) / Е.Л. Ковалева, С.А. Шилина // Научный журнал «Дискурс». 2019. № 11 (37). С. 102-111.
12. Комаров С.А. Методология социально-правового познания / С.А. Комаров, А.К. Мамедов // Юридическая мысль. 2019. № 1 (11). С. 25-41.
13. Кузеванова В.В. Арт-терапия как один из способов социализации детей-инвалидов: социологический аспект (часть I) / В.В. Кузеванова, Т.Е. Лифанова, А.А. Пимахова, А.М. Шилин // Научный журнал Дискурс. 2018. № 7 (21). С. 117-130.
14. Кузеванова В.В. Социологический аспект арт-терапии как способа социализации детей-инвалидов: (часть II) / В.В. Кузеванова, Т.Е. Лифанова, А.А. Пимахова, А.М. Шилин // Научный журнал Дискурс. 2018. № 7 (21). С. 131-143.
15. Лифанова Т.Е. Мониторинг качества обслуживания как основа развития социальной сферы / Т.Е. Лифанова, О.В. Голенкова // Современные исследования социальных проблем. 2014. № 4 (20). С. 227-239.
16. Лифанова Т.Е. Проблемные вопросы работы с семьями, воспитывающими детей-инвалидов: социологический аспект / Т.Е. Лифанова, А.А. Пимахова, Е.В. Харлашина, А.М. Шилин // Научный журнал Дискурс. 2018. № 7 (21). С. 155-167.
17. Лифанова Т.Е. Социологическое исследование отношения молодежи к лицам с

- ограниченными возможностями / Т.Е. Лифанова, Е.Ю. Сычева // Научный журнал Дискурс. 2019. № 12 (38). С. 134-145.
18. Мамедов А.К. Научное знание: классическое наследие и мода / А.К. Мамедов // Экономика. Социология. Право. 2018. № 1 (9). С. 91-100.
19. Мамедов А.К. Проблема оснований социального знания (полемиические заметки) / А.К. Мамедов // Экономика. Социология. Право. 2016. № 3. С. 68-80.
20. Мамедов А.К. Реальность будущего или кризис социальных теорий? / А.К. Мамедов // Социология образования. 2011. № 2. С. 17-25.
21. Моисеенко Н.А. Роль СМИ в реализации управленческих социально-политических процессов/ Н.А. Моисеенко // В сборнике: Журналистыка-2019: стан, праблемы і перспектывы. 2019. С. 68-71.
22. Траханов А.В. Отражение жизненных ценностей в рекламном дискурсе / А.В. Траханов // В книге: Социальная динамика населения и устойчивое развитие. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. 2019. С. 318-322.
23. Шилина С.А. Знать, чтобы предвидеть... Социологические этюды / А.Н. Данилов [и др.]: под общ.ред. А.Н. Данилова. Минск: БГУ, 2015. 359 с. / С.А. Шилина // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2017. № 1. С. 140-142.
24. Шилина С.А. Инклюзивное образование в России как одна из форм социализации лиц с ограниченными возможностями / С.А. Шилина, К.И. Федорова// Научный журнал «Дискурс». – 2019. – № 10 (36). – С. 45-56.
25. Korkiya E.D. Virtual personality: a search for new identity / E.D. Korkiya, M.E. Lipatova, A.K. Mamedov // Indian Journal of Science and Technology. 2016. T. 9. № 36. С. 102020.
26. Liadova A.V. The burnout among emergency physicians: evidence from Russia (sociological study). / A.V. Liadova, E.D. Korkiya, A.K. Mamedov, N.A. Panich // Man in India. 2017. T. 97. № 15. С. 495-507.
27. Maslova I.B. The diversification as the trends of reforming additional professional education of social workers / I.B. Maslova, T.E. Lifanova, O.V. Golenkova, E.S. Mikheeva, N.V. Lebedeva // Research Journal of Pharmaceutical, Biological and Chemical Sciences. Volume 9. Issue 2. 2018. (March - April). P. 1117-1127.
28. Vakorina L. Psychological-medical-pedagogical commission as a mechanism for increasing the effectiveness of inclusive education in Russia / L. Vakorina, M. Simonova, Z. Puzanova, T. Larina // EDULEARN18 Proceedings, 2018, pp. 2115-2122.
29. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции/ Ф. Фукуяма, М.: АСТ-Люкс, 2004 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=122114&p=1> [Дата обращения: 28.04.20]
30. Хабермас Ю. Будущее человеческой природы/ Ю. Хабермас, М.: Издательство «Весь Мир», 2002 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=223271&p=1> [Дата обращения: 29.04.20]
31. Юдин Б.Г. О человеке, его природе и его будущем/ Б.Г. Юдин, М.: Вопр. Философии. 2004. № 2. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.antropolog.ru/doc.php?id=156> [Дата обращения: 29.04.20]

Сведения об авторах

Никитина Анна Юрьевна – магистрант по направлению подготовки «Социология управления» ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», nikitinanna2010@yandex.ru. Телефон: 89992205173, рабочий: 8(4832)643031

Шилина Светлана Александровна – доктор социологических наук, доцент кафедры социологии и социальной работы ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», supershili2012@yandex.ru. Телефон: 89206076612, рабочий: 8(4832)643031

UDK 316.4.06

SOCIOLOGICAL RESEARCH OF THE ATTITUDE TO INTERFERENCE IN HUMAN NATURE

A.Y. Nikitina, S.A. Shilina

Bryansk State Academician I.G. Petrovski University

The article discusses the results of a sociological study on the limits of intervention in human nature from a medical point of view. In connection with the emergence of innovative technologies related to genetic modification, transplantation of human and animal organs, the use of psychotropic drugs that change human consciousness in order to overcome functional imbalances of the disabled, an ethical question arises about the limits of such interference in human nature. On the one hand, everyone has the right to a full life, but on the other hand, human nature is violated. The authors conclude that it is impossible to interpret a person only from the biological side, without taking into account his psychological, social qualities and the very nature of man.

Keywords: disability, elderly people, Posthuman, functional changes, medical intervention, human nature, liberal eugenics

References

1. Volnistaya M.G. Aktualizaciya èkologicheskix problem v obshhestvennom mnenii rossiyan / M.G. Volnistaya, È.D. Korkiya, A.K. Mamedov // Gumanitarny`e, social`no-èkonomicheskie i obshhestvenny`e nauki. – 2018. - № 9. – S. 44-54.
2. Voronov K.A. Model` raboty` s det`mi-invalidami: sociologicheskie parametry` / K.A. Voronov, A.A. Pimaxova, S.A. Shilina // Nauchny`j zhurnal «Diskurs». — 2018. —№ 7 (21). — S. 97-109
3. Gostenina V.I. Kachestvo zhizni: otrazhenie social`noj praktiki upravleniya v rossijskom obshhestve / V.I. Gostenina, G.G. Volkova, S.A. Kuzina, E.Yu. Lupenkova, S.A. Shilina // Ezhegodnik NII fundamental`ny`x i prikladny`x issledovanij za 2009 god. Bryansk: RIO Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta, 2010. 182 s. S. 96-104.
4. Gostenina V.I. Social`ny`e texnologii upravlencheskogo diskursa v sisteme otnoshenij gosudarstva i obshhestva / V.I. Gostenina, S.A. Shilina // Social`no-gumanitarny`e znaniya. 2012. № 1. S. 78-88.
5. Gostenina V.I. Social`ny`j rabotnik v sisteme social`nogo obsluzhivaniya naseleniya // V.I. Gostenina, T.E. Lifanova, A.K. Mamedov, G.V. Makarova, S.L. Meľnikov // Uchebno-metodicheskoe posobie po napravleniyu podgotovki «Social`naya rabota» (39.03.02), «Sociologiya upravleniya» (39.04.01) i dlya perepodgotovki kadrov social`ny`x rabotnikov. – Bryansk, 2019. – 308 s.
6. Kirichek P.N. Pravovoe pole social`noj politiki: vektor izmenenij / Sistema cennostej sovremennogo obshhestva. 2014. № 33. S. 52.
7. Kirichek P.N. Social`naya politika regional`noj obshhnosti v publichnoj sfere / P.N. Kirichek, G.D. Zolina // Kul`turnaya zhizn` Yuga Rossii. 2014. № 3 (54). S. 46-50.
8. Kiselev A.G. Informaciya i kommunikaciya v gosudarstvennom upravlenii / A.G. Kiselev, P.N. Kirichek. Moskva, 2019. Ser. Nauchnaya my`sl`. 268 s.
9. Kiselev A.G. Trendy` politicheskoy kommunikacii v kontekste social`noj modernizacii / A.G. Kiselev, P.N. Kirichek// Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby` narodov. Seriya: Sociologiya. 2019 № 19 (2). S. 322-336.
10. Kovaleva E.L. Voprosy` kachestva zhizni i zdorov`ya v radiacionno zagryaznenny`x rajonax / E.L. Kovaleva, V.N. Kasaczkaya, A.V. Kovaleva // V sb.: Social`naya dinamika naseleniya i ustojchivoe razvitie. Materialy` II Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodny`m uchastiem (10 oktyabrya 2019 goda, g. Moskva). – M., 2019.

11. Kovaleva E.L. Faktory` riska zdorov`ya (na primere sociologicheskogo issledovaniya kachestva zhizni v Bryanskoj oblasti) / E.L. Kovaleva, S.A. Shilina // Nauchny`j zhurnal «Diskurs». 2019. № 11 (37). S. 102-111.
12. Komarov S.A. Metodologiya social`no-pravovogo poznaniya / S.A. Komarov, A.K. Mamedov // Yuridicheskaya my`sl`. 2019. № 1 (11). S. 25-41.
13. Kuzevanova V.V. Art-terapiya kak odin iz sposobov socializacii detej-invalidov: sociologicheskij aspekt (chast` I) / V.V. Kuzevanova, T.E. Lifanova, A.A. Pimaxova, A.M. Shilin // Nauchny`j zhurnal Diskurs. 2018. № 7 (21). S. 117-130.
14. Kuzevanova V.V. Sociologicheskij aspekt art-terapii kak sposoba socializacii detej-invalidov: (chast` I I) / V.V. Kuzevanova, T.E. Lifanova, A.A. Pimaxova, A.M. Shilin // Nauchny`j zhurnal Diskurs. 2018. № 7 (21). S. 131-143.
15. Lifanova T.E. Monitoring kachestva obsluzhivaniya kak osnova razvitiya social`noj sfery` / T.E. Lifanova, O.V. Golenkova // Sovremennye issledovaniya social`ny`x problem. 2014. № 4 (20). S. 227-239.
16. Lifanova T.E. Problemny`e voprosy` raboty` s sem`yami, vospity`vayushhimi detej-invalidov: sociologicheskij aspekt / T.E. Lifanova, A.A. Pimaxova, E.V. Xarlashina, A.M. Shilin // Nauchny`j zhurnal Diskurs. 2018. № 7 (21). S. 155-167.
17. Lifanova T.E. Sociologicheskoe issledovanie otnosheniya molodezhi k liczam s ogranichenny`mi vozmozhnostyami / T.E. Lifanova, E.Yu. Sy`cheva // Nauchny`j zhurnal Diskurs. 2019. № 12 (38). S. 134-145.
18. Mamedov A.K. Nauchnoe znanie: klassicheskoe nasledie i moda / A.K. Mamedov // E`konomika. Sociologiya. Pravo. 2018. № 1 (9). S. 91-100.
19. Mamedov A.K. Problema osnovanij social`nogo znaniya (polemicheskie zametki) / A.K. Mamedov // E`konomika. Sociologiya. Pravo. 2016. № 3. S. 68-80.
20. Mamedov A.K. Real`nost` budushhego ili krizis social`ny`x teorij? / A.K. Mamedov // Sociologiya obrazovaniya. 2011. № 2. S. 17-25.
21. Moiseenko N.A. Rol` SMI v realizacii upravlencheskix social`no-politicheskix processov/ N.A. Moiseenko // V sbornike: Zhurnalisty`ka-2019: stan, prablemy` i perspekty`vy`. 2019. S. 68-71.
22. Traxanov A.V. Otrazhenie zhiznenny`x cennostej v reklamnom diskurse / A.V. Traxanov // V knige: Social`naya dinamika naseleniya i ustojchivoe razvitie. Moskovskij gosudarstvenny`j universitet im. M.V. Lomonosova. 2019. S. 318-322.
23. Shilina S.A. Znat`, chtoby` predvidet`... Sociologicheskie e`tyudy` / A.N. Danilov [i dr.]: pod obshh.red. A.N. Danilova. Minsk: BGU, 2015. 359 s. / S.A. Shilina // Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Sociologiya. 2017. № 1. S. 140-142.
24. Shilina S.A. Inklyuzivnoe obrazovanie v Rossii kak odna iz form socializacii licz s ogranichenny`mi vozmozhnostyami / S.A. Shilina, K.I. Fedorova// Nauchny`j zhurnal «Diskurs». – 2019. – № 10 (36). – S. 45-56.
25. Korkiya E.D. Virtual personality: a search for new identity / E.D. Korkiya, M.E. Lipatova, A.K. Mamedov // Indian Journal of Science and Technology. 2016. T. 9. № 36. C. 102020.
26. Liadova A.V. The burnout among emergency physicians: evidence from Russia (sociological study). / A.V. Liadova, E.D. Korkiya, A.K. Mamedov, N.A. Panich // Man in India. 2017. T. 97. № 15. C. 495-507.
27. Maslova I.B. The diversification as the trends of reforming additional professional education of social workers / I.B. Maslova, T.E. Lifanova, O.V. Golenkova, E.S. Mikheeva, N.V. Lebedeva // Research Journal of Pharmaceutical, Biological and Chemical Sciences. Volume 9. Issue 2. 2018. (March - April). P. 1117-1127.
28. Vakorina L. Psychological-medical-pedagogical commission as a mechanism for increasing the effectiveness of inclusive education in Russia / L. Vakorina, M. Simonova, Z. Puzanova, T. Larina // EDULEARN18 Proceedings, 2018, pp. 2115-2122.
29. Fukuyama F. Nashe postchelovecheskoe budushhee: posledstviya biotexnologicheskoy revolyucii/ F. Fukuyama, M.: AST-Lyuks, 2004 [E`lektronny`j resurs] Rezhim dostupa:

<https://www.litmir.me/br/?b=122114&p=1> [Data obrashheniya: 28.04.20]

30. Xabermas Yu. Budushhee chelovecheskoj prirody / Yu. Xabermas, M.: Izdatel'stvo «Ves` Mir», 2002 [E`lektronny`j resurs] Rezhim dostupa: <https://www.litmir.me/br/?b=223271&p=1> [Data obrashheniya: 29.04.20]

31. Yudin B.G. O cheloveke, ego prirode i ego budushhem / B.G. Yudin, M.: Vopr. Filosofii. 2004. № 2. [E`lektronny`j resurs] Rezhim dostupa: <http://www.anthropolog.ru/doc.php?id=156> [Data obrashheniya: 29.04.20]

Author`s information

Nikitina A.Y. - master's degree in «management Sociology», FSBEI HE Bryansk State Academician I.G. Petrovski University. nikitinanna2010@yandex.ru

Shilina S.F. - doctor of social Sciences, associate Professor of the Department of sociology and social work FSBEI HE Bryansk State Academician I.G. Petrovski University. super-shili2012@yandex.ru

УДК 316.4.06.

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ ГРАЖДАН ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА В БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ

С.А. Шилина, А.Ю. Никитина

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского

Авторы статьи обращаются к анализу социального положения граждан посттрудового возраста на территории Брянской области. В условиях стремительных изменений в обществе пожилые люди попадают в группу риска и нуждаются в особой системе помощи. Потребности и проблемы пожилых людей играют определяющую роль при выборе стратегии помощи и являются предпосылкой для начала терапевтического воздействия на клиента социальной службы данной возрастной категории. Социальные учреждения используют разнообразные технологии медицинской, бытовой, социально-средовой, психологической и иных направлений для их удовлетворения, но для решения всей совокупности проблем, отягощающих жизнь данной возрастной категории, обязателен комплексный подход.

Ключевые слова: пожилой возраст, пожилые, III возраст, старость, социальное положение пожилых, социальные проблемы пожилых.

Актуальность рассмотрения вопросов социального положения граждан пожилого возраста несомненна: во время пандемии коронавируса на государственном уровне объявлена особая забота о тех, кому 65 лет и больше. Социальная политика государства [4; 7] направлена на поддержку пожилых людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации из-за экономических [22; 24; 23], экологических [2], правовых [6; 12] неурядиц. Поэтому важным является проведение социологических исследований [14; 18; 21] социального положения граждан пожилого возраста, качества их жизни [3; 10; 11], помощи со стороны социальных работников [5; 13; 25; 26] в частности и государства в целом [8; 9].

По мнению такого автора, как П.Д. Павленок, «процесс старения определяется образом жизни, семейными связями, положением в обществе, уровнем благосостояния, включенностью в трудовые отношения» [19].

В настоящее время на территории Брянской области проживает 340913 человек старше трудоспособного возраста. В динамике с 2015 года прирост массы пожилого населения, несмотря на пенсионную реформу, которая увеличила пенсионный возраст, составил 16645 человек (рисунок 1).

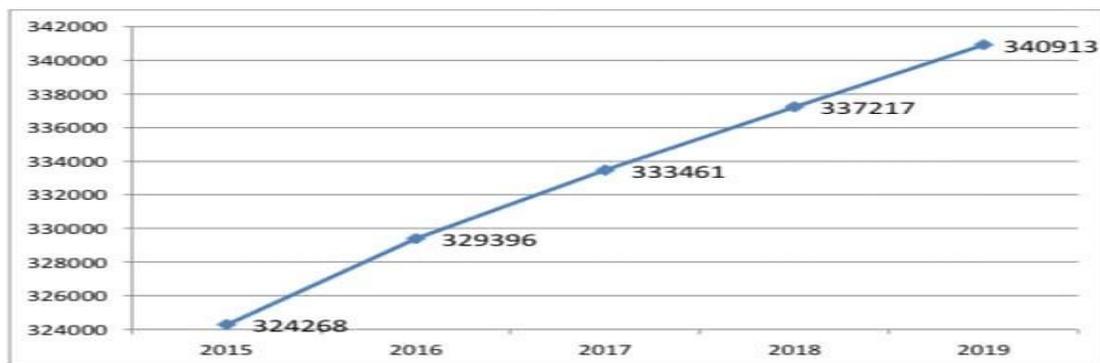

Рисунок 1 - Динамика численности пожилых граждан в Брянской области

Одной из правовых форм социального обеспечения является пенсия. «Пенсионное право – система правовых норм, регулирующих материальные и процедурные пенсионные отношения, а также иные, тесно связанные с ними, отношения по аккумулированию, распределению и управлению средствами фондов пенсионного обеспечения» - дает определение Д.В. Агашев [1].

«В зависимости от степени участия гражданина в общественно-полезной деятельности:

- а) трудовые пенсии;
- б) социальные пенсии» - отмечает Г.Г. Пашкова [20].

Трудовая и социальная пенсия отличается основанием для их получения. Социальная пенсия является основной минимальной гарантией на социальное обеспечение со стороны государства, её размер зависит от региона проживания и определяется величиной прожиточного минимума и региональными надбавками. Законом Брянской области «Об установлении величины прожиточного минимума пенсионера в Брянской области на 2020 год» был определен размер прожиточного минимума для пенсионера, который составил 9120 рублей [27].

Расчет трудовой пенсии зависит от множества факторов:

- продолжительности трудового и страхового стажа;
- размера заработной платы;
- возраст выхода на пенсию;
- индивидуальный коэффициент.

Материальное благосостояние пожилых людей в регионе определяется низким уровнем пенсионных выплат и недостаточной социальной поддержки пожилых людей. По данным Брянскстата, пожилые люди оценивают свое матположение таким образом (рисунок 2).

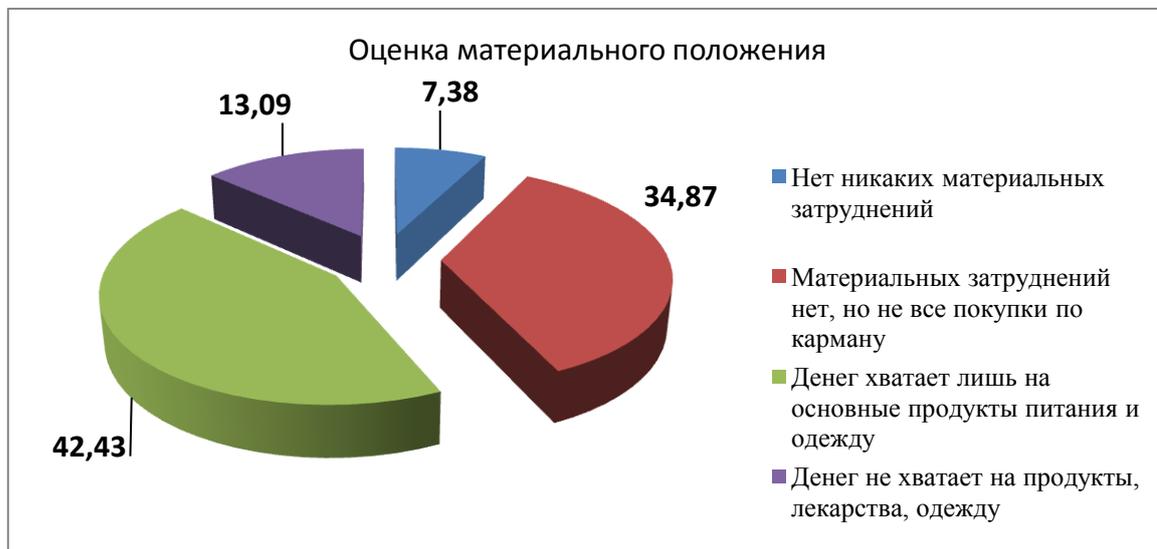

Рисунок 2 - Самооценка пожилыми людьми своего материального благосостояния [28]

Заболееваемость пожилых людей напрямую зависит от уровня жизни, материальной обеспеченности, пищевых привычек и приобщённости к здоровому образу жизни и спорту. Пищевые предпочтения пожилых людей в регионе заключаются в преобладании мясных изделий, картофеля и свежих овощей, что в целом соответствует правилам правильного питания (см. таблица 1)

По данным Брянскстата, на территории Брянской области наиболее распространены заболеваниями являются ишемическая болезнь сердца, остеохондроз и артриты разной степени. В рамках заботы о сохранении здоровья пожилых людей в учреждениях социальной защиты проводится ряд оздоравливающих мероприятий, например, глазная и дыхательная гимнастика, организация посильной физической нагрузки, но, стоит отметить, недостаточный уровень внедрения инновационных технологий и достижений науки в области физического сопровождения пожилых людей. П.Д. Павленок отмечает: «Физическая культура может использоваться в качестве терапии неврозов, что очень важно в пожилом возрасте, это позволяет произвести определенную разрядку от суеты и темпа современного общества, а так же позволяет почувствовать ощущение бодрости и собственной силы. Иногда физиче-

ская культура может стать предметом самовыражения, раскрыть новые горизонты и возможности человека, привнеся в его жизнь чувство удовлетворенности» [19].

Таблица 1 - Основные продукты, входящие в ежедневный рацион питания населения пенсионеров в регионе [28]

Продукты питания	50-59 лет	Старше 60 лет
Мясо и сопутствующие продукты	87,6	78,2
Рыба и рыбосодержащие продукты	66,9	66,6
Свежие фрукты и овощи	83,2	80,4
Молоко и кисломолочные продукты	76,3	82,6
Консервы	33,5	29,2
Крупяные изделия, макароны	82,0	83,0
Картофель	85,8	85,1
Хлеб и хлебобулочные изделия	82,2	84,0
Кондитерские изделия	49,2	41,2

Занятия физической культурой являются неотъемлемой частью здорового образа жизни, стоит отметить, что в регионе среди исследуемой возрастной категории наблюдается низкий уровень занятия спортом (рисунок 3).

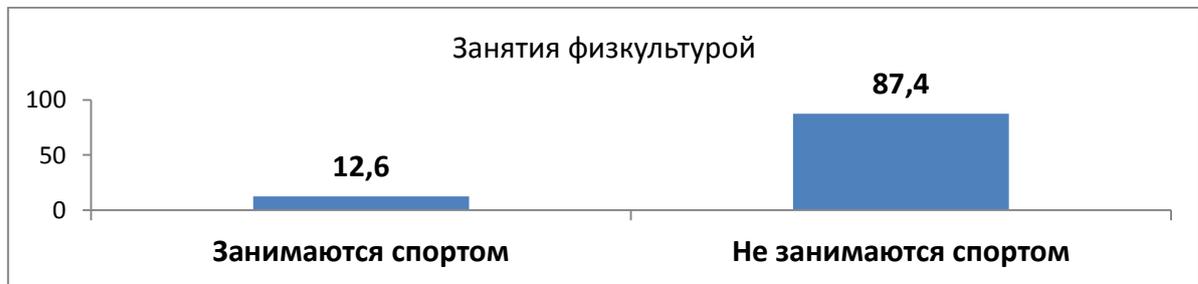

Рисунок 3 - Охват занятиями физкультурой

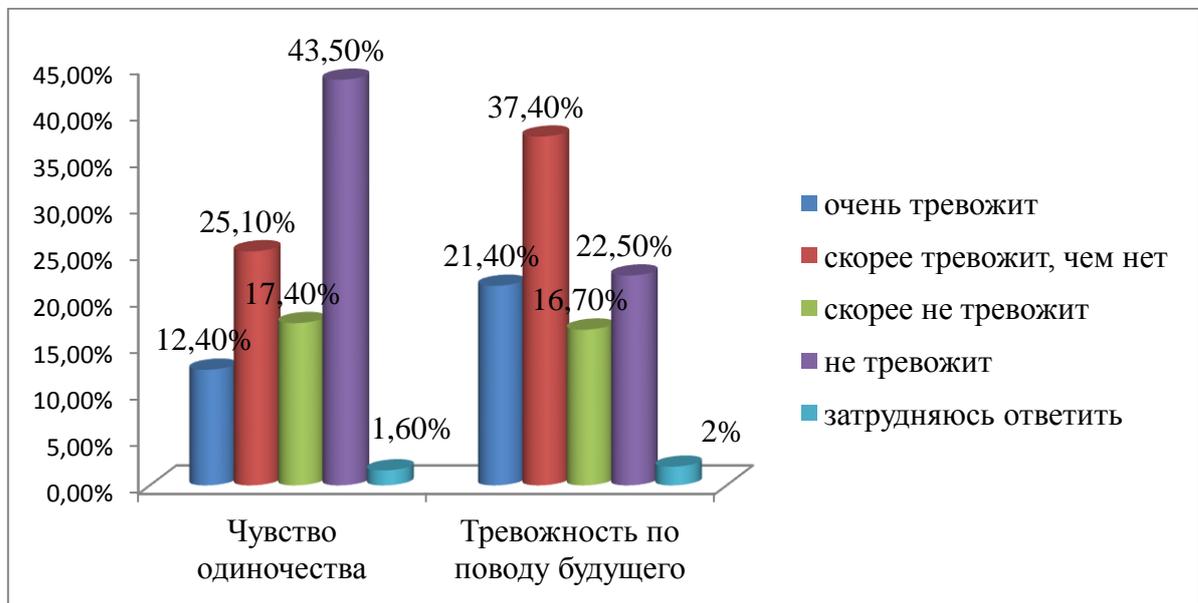

Рисунок 4 - Уровень одиночества и тревожности в Брянской области

Чувство одиночества и высокая степень тревожности в пожилом возрасте приводит эмоциональной депривации и психическим нарушениям. Речь и общение не только гарант психологической гармонии, но и своеобразная профилактика деменции (рисунок 4).

Нужны планомерные исследования всех аспектов, связанных с поставленными в статье проблемами, опираясь на теоретическую базу социологии [15; 16; 17].

Таким образом, в настоящее время в РФ социальное положение пожилых людей характеризуется:

- недостаточностью пенсионного обеспечения и ресурсно-финансового обеспечения социальной сферы, что приводит к низкому качеству предоставляемых услуг;
- достаточно высоким уровнем тревожности о будущем;
- минимальной включенностью изучаемой категории населения в физкультурно-оздоровительные мероприятия региона;
- эксклюзией в области интеграции пожилых людей в системы общества.

Отсюда вытекает насущная проблема проведения социальной государственной политики в отношении пожилых людей.

Список литературы

1. Агашев Д.В. Право социального обеспечения России / Д.В. Агашев, В.С. Аракчеев. Томск, 2015.
2. Волнистая М.Г. Актуализация экологических проблем в общественном мнении россиян / М.Г. Волнистая, Э.Д. Коркия, А.К. Мамедов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 9. С. 44-54.
3. Гостенина В.И. Качество жизни: отражение социальной практики управления в российском обществе / В.И. Гостенина, Г.Г. Волкова, С.А. Кузина, Е.Ю. Лупенкова, С.А. Шилина // Ежегодник НИИ фундаментальных и прикладных исследований за 2009 год. Брянск: РИО Брянского государственного университета, 2010. 182 с. С. 96-104.
4. Гостенина В.И. Социальные технологии управленческого дискурса в системе отношений государства и общества / В.И. Гостенина, С.А. Шилина // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 1. С. 78-88.
5. Гостенина В.И. Социальный работник в системе социального обслуживания населения // В.И. Гостенина, Т.Е. Лифанова, А.К. Мамедов, Г.В. Макарова, С.Л. Мельников // Учебно-методическое пособие по направлению подготовки «Социальная работа» (39.03.02), «Социология управления» (39.04.01) и для переподготовки кадров социальных работников. Брянск, 2019. 308 с.
6. Киричек П.Н. Правовое поле социальной политики: вектор изменений / Система ценностей современного общества. 2014. № 33. С. 52.
7. Киричек П.Н. Социальная политика региональной общности в публичной сфере / П.Н. Киричек, Г.Д. Золина // Культурная жизнь Юга России. 2014. № 3 (54). С. 46-50.
8. Киселев А.Г. Информация и коммуникация в государственном управлении / А.Г. Киселев, П.Н. Киричек. Москва, 2019. Сер. Научная мысль. 268 с.
9. Киселев А.Г. Тренды политической коммуникации в контексте социальной модернизации / А.Г. Киселев, П.Н. Киричек // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2019 № 19 (2). С. 322-336.
10. Ковалева Е.Л. Вопросы качества жизни и здоровья в радиационно загрязненных районах / Е.Л. Ковалева, В.Н. Касацкая, А.В. Ковалева // В сб.: Социальная динамика населения и устойчивое развитие. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (10 октября 2019 года, г. Москва). М., 2019.
11. Ковалева Е.Л. Факторы риска здоровья (на примере социологического исследования качества жизни в Брянской области) / Е.Л. Ковалева, С.А. Шилина // Научный журнал «Дискурс». 2019. № 11 (37). С. 102-111.
12. Комаров С.А. Методология социально-правового познания / С.А. Комаров, А.К. Мамедов // Юридическая мысль. 2019. № 1 (11). С. 25-41.
13. Лифанова Т.Е. Мониторинг качества обслуживания как основа развития социальной сферы / Т.Е. Лифанова, О.В. Голенкова // Современные исследования социальных проблем. 2014. № 4 (20). С. 227-239.
14. Лифанова Т.Е. Социологическое исследование отношения молодежи к лицам с

- ограниченными возможностями / Т.Е. Лифанова, Е.Ю. Сычева // Научный журнал Дискурс. 2019. № 12 (38). С. 134-145.
15. Мамедов А.К. Научное знание: классическое наследие и мода / А.К. Мамедов // Экономика. Социология. Право. 2018. № 1 (9). С. 91-100.
16. Мамедов А.К. Проблема оснований социального знания (полемиические заметки) / А.К. Мамедов // Экономика. Социология. Право. 2016. № 3. С. 68-80.
17. Мамедов А.К. Реальность будущего или кризис социальных теорий? / А.К. Мамедов // Социология образования. 2011. № 2. С. 17-25.
18. Моисеенко Н.А. Роль СМИ в реализации управленческих социально-политических процессов/ Н.А. Моисеенко // В сборнике: Журналистыка-2019: стан, праблемы і перспектывы. 2019. С. 68-71.
19. Павленок П.Д. Основы социальной работы/ П.Д. Павленок, А.А. Акмалова, В.М. Капицын. М.: ИНФРА-М, 2015.
20. Пашкова Г.Г. Право социального обеспечения / Г.Г. Пашкова. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2018.
21. Траханов А.В. Отражение жизненных ценностей в рекламном дискурсе / А.В. Траханов // В книге: Социальная динамика населения и устойчивое развитие. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. 2019. С. 318-322.
22. Шилина С.А. Знать, чтобы предвидеть... Социологические этюды / А.Н. Данилов [и др.]: под общ.ред. А.Н. Данилова. Минск: БГУ, 2015. 359 с. / С.А. Шилина // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2017. № 1. С. 140-142.
23. Korkiya E.D. Virtual personality: a search for new identity / E.D. Korkiya, M.E. Lipatova, A.K. Mamedov // Indian Journal of Science and Technology. 2016. Т. 9. № 36. С. 102020.
24. Liadova A.V. The burnout among emergency physicians: evidence from Russia (sociological study). / A.V. Liadova, E.D. Korkiya, A.K. Mamedov, N.A. Panich // Man in India. 2017. Т. 97. № 15. С. 495-507.
25. Maslova I.B. The diversification as the trends of reforming additional professional education of social workers / I.B. Maslova, T.E. Lifanova, O.V. Golenkova, E.S. Mikheeva, N.V. Lebedeva // Research Journal of Pharmaceutical, Biological and Chemical Sciences. Volume 9. Issue 2. 2018. (March - April). P. 1117-1127.
26. Vakorina L. Psychological-medical-pedagogical commission as a mechanism for increasing the effectiveness of inclusive education in Russia / L. Vakorina, M. Simonova, Z. Puzanova, T. Larina // EDULEARN18 Proceedings, 2018, pp. 2115-2122.
27. Закон Брянской области «Об установлении величины прожиточного минимума пенсионера в Брянской области на 2020 год» [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://old.bryanskobl.ru/region/law/view.php?id=19341&type=0> [Дата обращения: 16.05.20]
28. БрянскСтат, [Электронный ресурс] Режим доступа: http://bryansk.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/bryansk/resources/428e02004c48e12ebafefbfa94df4cce0/tab11.html [Дата обращения: 17.05.20]

Сведения об авторах

Шилина Светлана Александровна – доктор социологических наук, доцент кафедры социологии и социальной работы ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», supershili2012@yandex.ru. Телефон: 89206076612, рабочий: 8(4832)643031

Никитина Анна Юрьевна – магистрант по направлению подготовки «Социология управления» ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», nikitinanna2010@yandex.ru. Телефон: 89992205173, рабочий: 8(4832)643031

UDK 316.4.06

SOCIOLOGICAL RESEARCH OF SOCIAL STATUS OF ELDERLY CITIZENS IN BRYANSK REGION

S.A. Shilina, A.Y. Nikitina

Bryansk State Academician I.G. Petrovski University

The authors of the article turn to the analysis of the social situation of post-labor age citizens in the territory of the Bryansk region. In the context of rapid changes in society, older people are at risk and need a special system of assistance. The needs and problems of older people play a decisive role in the choice of assistance strategy and are a prerequisite for the beginning of therapeutic impact on the client of the social service of this age category. Social institutions use a variety of technologies for medical, household, socio-environmental, psychological and other areas to meet them, but to solve the entire set of problems that burden the life of this age category, a comprehensive approach is required.

Keywords: old age, III age, old, social status of the elderly, social problems of the elderly.

References

1. Agashev D.V. Pravo social'nogo obespecheniya Rossii / D.V. Agashev, V.S. Arakcheev. Tomsk, 2015.
2. Volnistaya M.G. Aktualizaciya e`kologicheskix problem v obshhestvennom mnenii rossiyan / M.G. Volnistaya, E`D. Korkiya, A.K. Mamedov // Gumanitarny`e, social`no-e`konomicheskie i obshhestvenny`e nauki. 2018. № 9. S. 44-54.
3. Gostenina V.I. Kachestvo zhizni: otrazhenie social`noj praktiki upravleniya v rossijskom obshhestve / V.I. Gostenina, G.G. Volkova, S.A. Kuzina, E.Yu. Lupenkova, S.A. Shilina // Ezhegodnik NII fundamental`ny`x i prikladny`x issledovanij za 2009 god. Bryansk: RIO Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta, 2010. 182 s. S. 96-104.
4. Gostenina V.I. Social`ny`e tehnologii upravlencheskogo diskursa v sisteme otnoshenij gosudarstva i obshhestva / V.I. Gostenina, S.A. Shilina // Social`no-gumanitarny`e znaniya. 2012. № 1. S. 78-88.
5. Gostenina V.I. Social`ny`j rabotnik v sisteme social`nogo obsluzhivaniya naseleniya // V.I. Gostenina, T.E. Lifanova, A.K. Mamedov, G.V. Makarova, S.L. Mel`nikov // Uchebno-metodicheskoe posobie po napravleniyu podgotovki «Social`naya rabota» (39.03.02), «Sociologiya upravleniya» (39.04.01) i dlya perepodgotovki kadrov social`ny`x rabotnikov. Bryansk, 2019. 308 s.
6. Kirichek P.N. Pravovoe pole social`noj politiki: vektor izmenenij / Sistema cennostej sovremennogo obshhestva. 2014. № 33. S. 52.
7. Kirichek P.N. Social`naya politika regional`noj obshhnosti v publichnoj sfere / P.N. Kirichek, G.D. Zolina // Kul`turnaya zhizn` Yuga Rossii. 2014. № 3 (54). S. 46-50.
8. Kiselev A.G. Informaciya i kommunikaciya v gosudarstvennom upravlenii / A.G. Kiselev, P.N. Kirichek. Moskva, 2019. Ser. Nauchnaya my`sl`. 268 s.
9. Kiselev A.G. Trendy` politicheskoy kommunikacii v kontekste social`noj modernizacii / A.G. Kiselev, P.N. Kirichek // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby` narodov. Seriya: Sociologiya. 2019 № 19 (2). S. 322-336.
10. Kovaleva E.L. Voprosy` kachestva zhizni i zdorov`ya v radiacionno zagryaznenny`x rajonax / E.L. Kovaleva, V.N. Kasaczkaya, A.V. Kovaleva // V sb.: Social`naya dinamika naseleniya i ustojchivoe razvitie. Materialy` II Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodny`m uchastiem (10 oktyabrya 2019 goda, g. Moskva). M., 2019.
11. Kovaleva E.L. Faktory` riska zdorov`ya (na primere sociologicheskogo issledovaniya kachestva zhizni v Bryanskoj oblasti) / E.L. Kovaleva, S.A. Shilina // Nauchny`j zhurnal «Diskurs». 2019. № 11 (37). S. 102-111.
12. Komarov S.A. Metodologiya social`no-pravovogo poznaniya / S.A. Komarov, A.K. Mamedov // Yuridicheskaya my`sl`. 2019. № 1 (11). S. 25-41.

13. Lifanova T.E. Monitoring kachestva obsluzhivaniya kak osnova razvitiya social'noj sfery / T.E. Lifanova, O.V. Golenkova // *Sovremennyye issledovaniya social'nykh problem*. 2014. № 4 (20). S. 227-239.
14. Lifanova T.E. Sociologicheskoe issledovanie otноsheniya molodezhi k liczam s ogranichennyimi vozmozhnostyami / T.E. Lifanova, E.Yu. Sycheva // *Nauchnyj zhurnal Diskurs*. 2019. № 12 (38). S. 134-145.
15. Mamedov A.K. Nauchnoe znanie: klassicheskoe nasledie i moda / A.K. Mamedov // *Ekonomika. Sociologiya. Pravo*. 2018. № 1 (9). S. 91-100.
16. Mamedov A.K. Problema osnovanij social'nogo znaniya (polemicheskie zametki) / A.K. Mamedov // *Ekonomika. Sociologiya. Pravo*. 2016. № 3. S. 68-80.
17. Mamedov A.K. Real'nost' budushhego ili krizis social'nykh teorij? / A.K. Mamedov // *Sociologiya obrazovaniya*. 2011. № 2. S. 17-25.
18. Moiseenko N.A. Rol' SMI v realizacii upravlencheskix social'no-politicheskix processov / N.A. Moiseenko // *V sbornike: Zhurnalistyka-2019: stan, prablemy i perspektyvy*. 2019. S. 68-71.
19. Pavlenok P.D. Osnovy social'noj raboty / P.D. Pavlenok, A.A. Akmalova, V.M. Kapicyn. M.: INFRA-M, 2015.
20. Pashkova G.G. Pravo social'nogo obespecheniya / G.G. Pashkova. Tomsk: Izdatel'skij Dom Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2018.
21. Traxanov A.V. Otrazhenie zhiznennykh cennostej v reklamnom diskurse / A.V. Traxanov // *V knige: Social'naya dinamika naseleniya i ustojchivoe razvitie. Moskovskij gosudarstvennyj universitet im. M.V. Lomonosova*. 2019. S. 318-322.
22. Shilina S.A. Znat', chtoby predvidet... Sociologicheskie e'tyudy / A.N. Danilov [i dr.]: pod obshh.red. A.N. Danilova. Minsk: BGU, 2015. 359 s. / S.A. Shilina // *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Sociologiya*. 2017. № 1. S. 140-142.
23. Korkiya E.D. Virtual personality: a search for new identity / E.D. Korkiya, M.E. Lipatova, A.K. Mamedov // *Indian Journal of Science and Technology*. 2016. T. 9. № 36. C. 102020.
24. Liadova A.V. The burnout among emergency physicians: evidence from Russia (sociological study). / A.V. Liadova, E.D. Korkiya, A.K. Mamedov, N.A. Panich // *Man in India*. 2017. T. 97. № 15. C. 495-507.
25. Maslova I.B. The diversification as the trends of reforming additional professional education of social workers / I.B. Maslova, T.E. Lifanova, O.V. Golenkova, E.S. Mikheeva, N.V. Lebedeva // *Research Journal of Pharmaceutical, Biological and Chemical Sciences*. Volume 9. Issue 2. 2018. (March - April). P. 1117-1127.
26. Vakorina L. Psychological-medical-pedagogical commission as a mechanism for increasing the effectiveness of inclusive education in Russia / L. Vakorina, M. Simonova, Z. Puzanova, T. Larina // *EDULEARN18 Proceedings*, 2018, pp. 2115-2122.
27. Zakon Bryanskoj oblasti «Ob ustanovlenii velichiny prozhitochnogo minimuma pensionera v Bryanskoj oblasti na 2020 god» [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: <http://old.bryanskobl.ru/region/law/view.php?id=19341&type=0> [Data obrashheniya: 16.05.20]
28. BryanskStat, [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: http://bryansk.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/bryansk/resources/428e02004c48e12ebafefbfa94df4cce0/tab11.html [Data obrashheniya: 17.05.20]

Author's information

Shilina S.F. - doctor of social Sciences, associate Professor of the Department of sociology and social work FSBEI HE Bryansk State Academician I.G. Petrovski University.

supershili2012@yandex.ru

Nikitina A.Y. - master's degree in «management Sociology», FSBEI HE Bryansk State Academician I.G. Petrovski University. nikitinanna2010@yandex.ru

УДК 316.74:94

ЗНАНИЕВЫЕ ЦЕПОЧКИ КАК ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНОЙ СЕМИОТИКИ И СОЦИОЛОГИИ ЗНАНИЯ (ЧАСТЬ I)

В.К. Щербин

Центр системного анализа и стратегических исследований
Национальной академии наук Беларуси,

В статье рассматриваются различные виды знаниевых цепочек (дисциплинарные цепочки, инновационные цепочки, кадровые цепочки, производственные цепочки, собственно знаниевые цепочки, технологические цепочки). Выявляются общие черты, характеризующие каждую из указанных выше групп цепочек. Описывается феномен «пересечения цепей», характеризующий многочисленные случаи объединения цепочек, относящихся к различным группам таких цепочек. Обосновывается возможность формирования организационного механизма объединения знаниевых цепочек путем создания интегрированных корпоративных структур (на примере научно-технологических и научно-образовательных консорциумов).

Ключевые слова: технологические цепочки познания, знаниевые цепочки, феномен «пересечения цепей», интегрированные корпоративные структуры, научно-технологические консорциумы, научно-образовательные консорциумы.

Общеизвестно, что наиболее сильной стороной науки, как социального института и сферы общественного сознания, является непрерывное создание ею все новых и новых средств познания, в качестве которых обычно выступают научные методы, категории, понятия, классификационные схемы, проведение экспериментов, накопление научных фактов, постановка научных проблем, формулирование научных гипотез, построение научных теорий и др. В последние годы к числу познавательных средств науки стали относить и создаваемые ею технологии. Ср.: «Метод становится технологией тогда, когда перестает зависеть от качеств пользователя» [1, с. 5]. Более того, такие создаваемые наукой технологии нередко представляют собой целые совокупности методов. По мнению авторов учебника «Социальные технологии межсекторного взаимодействия в современной России» (М., 2003), «технология представляет собой совокупность методов. В связи с этим можно предположить, что методологизм в дальнейшем может перерасти в технологизм, что предполагает упорядочивание и систематизацию категорий, выстраивание на базе объединения нескольких методов технологических цепочек познания и т.п.» [2, с. 30-31].

В основе формирования таких технологических цепочек познания, по мнению Клауса Шваба, лежит эффект порождения одной технологией других технологий: «...новая технология сама синтезирует все более передовые и эффективные технологии» [3, с. 12]. Поэтому для обозначения таких совокупностей методов и технологий многие российские исследователи вполне обоснованно используют понятие *технологическая цепочка*: «...серьезное внимание DARPA [Defence Advanced Research Projects Agency. – Управление перспективных исследований министерства обороны США. – В.Щ.] уделяет развитию технологий, которые не ограничиваются текущими обстоятельствами, но создают принципиально новые возможности в будущем. Прежде всего, это касается технологий, составляющих основу промышленного производства новых систем и позволяющих совершать качественные скачки в военных возможностях США. Более того, подобные технологии зачастую формируют целые *технологические цепочки*. Так, современные материалы явились основой для новых поколений микроэлектроники, которые, в свою очередь, привели к созданию новых поколений информационных технологий» [4, с. 101-102].

Сегодня при решении сложнейших задач современного производства, наряду с технологическими цепочками, выделяются и анализируются также знаниевые, стоимостные и иные цепочки. Еще Джон Гэлбрейт в своей книге «Новое индустриальное общество» (1967 г.) убедительно показал, что в основе решения указанных задач лежит разработка и использование не только технологических, но и других видов дисциплинарных знаний: «Наиболее

важное следствие применения современной техники, по крайней мере, с точки зрения экономической науки, заключается в том, что она заставляет разделить любую такую задачу на ее составные части. Таким и только таким образом можно добиться воздействия систематизированных знаний на производство» [5, с. 47]. Поскольку технологические цепочки познания уже анализировались нами ранее [6], в рамках данной статьи будут рассмотрены различные виды знаниевых цепочек.

При этом нас, в первую очередь, будут интересовать следующие качества таких цепочек:

а) их знаковый характер, благодаря которому они нередко становятся (в одном ряду с такими новейшими семиотическими средствами, как гены, мемы, классификационные и аргументативные схемы) объектом изучения такого широкого направления социологической мысли, как социальная семиотика;

б) их принадлежность к различным научным дисциплинам и областям профессиональных знаний, в силу чего они представляют определенный интерес для специалистов, работающих в области социологии знания.

Проведенное нами изучение научной литературы, посвященной рассмотрению *знаниевых цепочек* (далее ЗЦ), позволило установить, что к числу последних можно отнести целый ряд весьма отличающихся групп цепочек. В их числе: 1) *группа дисциплинарных цепочек* (биологические, логические, математические, психологические, семиотические, социальные, экономические, языковые (лингвистические) и другие цепочки); 2) *группа инновационных цепочек* (совокупностей процессов и событий инновационного характера); 3) *группа кадровых цепочек* (совокупностей специалистов и их компетенций); 4) *группа производственных цепочек* (совокупностей машин и механизмов, а также выполняемых ими операций); 5) *группа собственно знаниевых цепочек* (совокупностей различных типов знаний и организаций, их нарабатывающих); 6) *группа технологических цепочек* (совокупностей технологий, карт технологических дорог и др.) и т.д.

Так, наиболее разнообразной по составу объединяемых в ней разновидностей цепочек является *группа дисциплинарных цепочек*. В частности, именно к данной группе относятся следующие разновидности цепочек (их названия приводятся в алфавитном порядке):

а) биологические цепочки. В их числе: *нуклеиновые цепочки* [7, с. 24]; *пищевые цепочки* [8, с. 15]; *цепочки ДНК* [9, с. 452]; *цепочки протейнов* [10, с. 62] и др.;

б) логические цепочки: *логическая цепочка взаимосвязанных тематических модулей авторского курса* [11, с. 2]; *логическая цепочка инновационного процесса* [12, с. 12]; *причинно-следственные цепи* [13, с. 147]; *процедурная цепочка “запросов-ответов”* [14, с. 111]; *хронологические цепочки достижения долгосрочных целей* [15, с. 77]; *цепи причинных зависимостей* [16, с. 149]; *цепочки принятия решений* [17, с. 255]; *цепочки действий, цепочки событий* [18, с. 407]; *«цепочка Циолковского»* [19, с. 139]; *цепь мыслей и поступков* [20, с. 384]; *цепь последствий и причин* [21, с. 199]; *цепь силлогизмов* [22, с. 586]; *цепь хронем* [23, с. 386] и др.;

в) математические цепочки: *буквенно-цифровые цепочки* [24, с. 41]; *цепочки математических символов* [25, с. 23]; *цепочки цифр* [24, с. 40] и др.;

г) психологические цепочки: *мемы как мыслительные цепи* [26, с. 140]; *поведенческий текст как законченная цепь осмысленных поступков, заключенная между намерением и результатом* [27, с. 38]; *повторяющиеся схемы как основа «человеческой интуиции»* [28, с. 41] и др.;

д) семиотические цепочки: *знаковые цепочки* [29, с. 174]; *«колесо самсары - нескончаемая цепь перевоплощений»* [20, с. 82]; *«научная традиция как цепь исследований на сходные темы»* [30, с. 41]; *«разветвления [знака] в виде цепочки: основная форма базисного знака – производные от основной формы знака»* [31, с. 176]; *рефлексивная традиция как цепь* [32, с. 363]; *«формула как связь общих специфических знаков»* [33, с. 203]; *цепочка символов* [34, с. 163]; *«Цепь – в Агни-Йоге – тонкая энергетическая связь между адептами и космическими силами»* [35, с. 919]; *эпистемическая цепочка концептов* [36, с. 33] и др.;

е) социальные цепочки: *идеологический миф как замена цепочки ДНК* [37, с. 180]; *история как сплошная цепь военных и социальных конфликтов* [38, с. 362]; *сложная цепь социокультурной детерминации* [39, с. 106]; *смысловые цепи мировоззрения* [40, с. 11]; *социальная деятельность как механическая цепь событий* [41, с. 21]; *социальная жизнь человека как постоянная цепь ограничений* [42, с. 75]; *цепочка социальных интересов* [43, с. 382]; *цепочка «цветных революций»* [44, с. 11] и др.;

ё) экономические цепочки: *непрерывные цепочки [экономических] действий* [45, с. 33]; *цепочки неэквивалентного трансграничного обмена* [46, с. 31]; *цепочки притворных сделок* [46, с. 19]; *цепочка сменявших друг друга кризисов* [47, с. 13]; *цепочка усилий, нацеленных на работу трудоспособного бизнеса* [48, с. 60]; *экономическая «пищевая цепочка»* [49, с. 128] и др.;

ж) языковые (лингвистические) цепочки: *коммуникативные цепочки* [50, с. 412; 51, с. 11]; *ряды-цепочки формульного языка* [52, с. 230]; *цепочки букв как мемы* [53, с. 7]; *цепочка межкодových переводов информации как мышление* [54, с. 286]; *цепочка понятий* [55, с. 9]; *цепочка [преемственности языковых знаний] из двух десятков поколений англичан* [56, с. 291]; *цепочки слов-состояний* [57, с. 446]; *цепочки словесных ассоциаций* [58, с. 169]; *языковая цепочка знаков* [31, с. 165] и др.

Общей для всех перечисленных выше дисциплинарных цепочек является только линейная последовательность знаков в таких цепочках, но сам состав и понятийное содержание знаков, входящих в структуру приведенных выше дисциплинарных цепочек, существенно отличаются от одной научной дисциплины к другой.

В свою очередь, что касается **группы инновационных цепочек**, представляющих собой совокупности процессов и событий инновационного характера, то их можно охарактеризовать следующим образом:

а) по присущим им недостаткам (например, отмечая разорванность таких цепочек. Ср.: «Центральной проблемой белорусской НИС остается недостаточный уровень ее развития. Он обусловлен тем, что не сформированы устойчивые *инновационные цепочки* между ее основными элементами, разорванность которых снижает возможности производства подлинно инновационной продукции (прежде всего – новой для мирового рынка)» [59, с. 61]. В то же время, по мнению российского философа А.И. Столетова, «прирост качественно нового вряд ли может быть объяснен однозначной причинно-следственной связью. Скорее, наоборот, разрыв причинно-следственной цепочки на определенном этапе и обуславливает в каком-то смысле появление поистине нового...» [60, с. 15]);

б) по свойственным им положительным характеристикам: 1) последовательном характере объединяемых ими этапов; 2) непрерывности смены этих этапов и др. (Ср.: «...под инновационным процессом следует понимать последовательную *цепь событий*, в ходе которых инновация вызревает от идеи до конкретного продукта, технологии или услуги и распространяется в хозяйственной практике. В отличие от НТП инновационный процесс не заканчивается так называемым *внедрением* – первым появлением на рынке нового продукта, услуги или доведением до проектной мощности новой технологии. Этот процесс не прерывается и после внедрения, ибо по мере распространения (диффузии) новшество совершенствуется, делается более эффективным, приобретает новые потребительские свойства. Это открывает для него новые области применения, новые рынки, а следовательно, и новых потребителей, которые воспринимают данный продукт, технологию или услугу как новые именно для себя» [61, с. 7]).

Свой набор переменных, а также характерных для них особенностей имеет и такая разновидность ЗЦ, как **группа технологических цепочек**, представляющих собой совокупности технологий либо карты технологических дорог. В частности, в настоящее время существуют следующие понимания указанного феномена:

а) ряд российских исследователей понимает под ним совокупность взаимосвязанных технологий [4, с. 101-102];

б) другие российские авторы (например, Г.Р. Иваницкий) относят к числу технологи-

ческих цепочек наукоемкие технологии с замкнутым циклом [62, с. 212];

в) следующая группа российских исследователей называет такие технологические цепочки «картами технологических дорог» [63, с. 239];

г) академик РАН Евгений Каблов описывает такую разновидность технологических цепочек, как цепочка «материал-технология-конструкция» [64, с. 8];

д) американский философ Иен Богост выделяет такую разновидность технологической цепочки, как «гирляндная цепь» (компьютерные программы, соединенные в серию. – В.Щ.) [65, с. 99];

е) группа российских экономистов пишет о таком необходимом звене развития рынка биотоплива и генерации энергии из биологических источников энергии, как «цепочка овладения всем арсеналом современных технологий» [66, с. 129];

ё) группа украинских экономистов даже выделяет в составе технологической цепочки наименее «выгодные» ее звенья (сборочные цеха, трудоемкие производства и производства с низкой заработной платой), функции которых обычно навязываются мировыми транснациональными корпорациями для исполнения слаборазвитым странам [67, с. 512].

Общей характеристикой для всех технологических цепочек является подчеркнутая алгоритмичность, строгая последовательность этапов их реализации.

Не менее разнообразна по своему составу *группа собственно знаниевых цепочек*, представляющих собой совокупности различных типов знаний и организаций, их нарабатывающих. К числу собственно знаниевых цепочек относятся следующие логические последовательности знаков:

а) *научно-организационные цепочки* (Ср.: «...цепочка превращения знаний в продукт, которая была действенной раньше: Академия наук и вузы – научные центры – конструкторские бюро» [64, с. 8];

б) *«цепочка Циолковского»* (Ср.: «...давайте начатый Вами ряд от новых идей продолжим в обратную сторону: новые идеи, качественная реализация старых идей, новая постановка старых вопросов – и так доведем его до сказки. Лучше смотреть со стороны сказки. Это «цепочка Циолковского»...» [68, с. 139]);

в) *цепочки символов* (Ср.: «...у сложных систем всегда куча проблем по сравнению с простыми, хоть они вроде бы и делают то же самое. Программу, которая два умножит на два, написать легко, а вот если надо два возвести в тысячную степень? Это придется попотеть, поскольку компьютер не умеет такие длинные целые числа хранить. Значит, надо работать с цепочкой символов. Это же принципиально другая сложность» [34, с. 162]);

е) *цепочки мыслей и поступков, представляющих собой целостные культурные архетипы* (Ср.: «Творчество вообще есть не однократный индивидуальный акт, а цепь мыслей и поступков, которые осознаются некоторым сообществом в качестве целостного культурного архетипа. Только тот, кто, ухитрившись побывать в ином мире, вернулся в мир обычной реальности с карманами, набитыми сокровищами, и сделал их достоянием людей, только тот осуществил творческий процесс во всем его объеме» [20, с. 384]);

ё) *цепочки взаимосвязанных мыслей и их материальных воплощений*. (Ср.: «Свойством давать людям все новые и новые знания обладают не только книги, но и произведения искусства, инженерные сооружения и т.д. В истории человечества существуют непрерывные цепочки взаимосвязанных мыслей и их материальных воплощений. Чем дольше развивается человечество, тем шире его кругозор, т.е. тем полнее охватывается материальный мир материально воплощенным мышлением» [69, с. 43]);

ж) *цепочка «общество-художник-общество»*, являющаяся воплощением традиции (Ср.: «Мировоззрение личности базируется на творческом принципе отношения с окружающей действительностью и предполагает постоянную работу по освоению культурного опыта человечества, выработанных им ценностей, постоянную «навигацию» в мире искусства.

Возникает своеобразная цепочка «общество-художник-общество». Условно эту цепочку можно соотнести с традицией. Общественные идеи, социальное влияние, художественная традиция, наконец, архетипы, дают питательную среду для раскрытия творческих

способностей личности. Они представляют собой то наследие, из которого личность художника выбирает материал для дальнейшего роста, тот опыт, который невозможно приобрести самостоятельно в течение жизни.

Художественно переработав это наследие в акте творчества, субъект «возвращает» обогащенный индивидуально-личностным содержанием опыт, становящийся, в зависимости от величины дарования, большой или малой частью традиции, начиная новую или продолжая и углубляя старую» [60, с. 26]).

Завершая краткий обзор различных видов *собственно знаниевых цепочек*, следует особо отметить следующие присущие им общие черты:

а) их метасемиотический характер, обусловленный тем, что собственно знаниевая цепочка в процессе своего использования нередко соотносится с другими семиотическими средствами (культурными архетипами, символами, схемами, традициями и др.);

б) подчеркнутый причинно-следственный характер взаимосвязей, сложившихся между отдельными звеньями таких цепочек: «...до новых идей нельзя дойти, пропустив некоторые звенья цепочки» [19, с. 139]. За тем, чтобы перечисленные выше собственно знаниевые цепочки исправно работали, в СССР следили обществоведы, выполнявшие функции «службы контроля за «технологией мысли». На конференциях, совещаниях и в личных беседах разговор шел в ключе рациональности. Люди были связаны интеллектуальной дисциплиной – можно было определить проблему, договориться о понятиях, цели и средствах, о мере и критериях, о постулатах, гипотезах и логике. Всё это со скрипом, но работало. Теперь этого нет в принципе. Нет площадок и жанра разговора, в которых можно было бы поставить и обсудить проблему. Люди пугаются самого предложения совершить такую операцию, как будто их вовлекают в подготовку террористического заговора» [70, с. 2].

В современном народном хозяйстве широко используются также цепочки, которые можно отнести к *группе производственных цепочек*, представляющих собой сложные совокупности машин и механизмов, а также выполняемых ими операций. Почему такие цепочки тоже можно с определенными оговорками считать разновидностью ЗЦ? Ответ на этот риторический вопрос мы находим в статье известного российского экономиста, академика РАН Н.И. Ивановой: «...в современных условиях участие в глобальных производственных цепочках определяется не только возможностью обеспечить низкие производственные издержки, но и международные стандарты качества транспортных и информационных систем, корпоративного управления. Более того, уже сейчас наибольшие преимущества имеют страны, предлагающие научно-технические новинки в форме новых стандартов, патентов, лицензий и других интеллектуальных активов. Возможность перехода к такой форме участия в глобальных производственных цепочках является одним из центральных вопросов формирования инновационного будущего...» [71, с. 21].

К числу производственных цепочек сегодня относятся следующие логические последовательности знаков:

а) *цепочки взаимосвязанных производственных процессов*. (Ср.: «Индустрия 4.0 – 1) система, состоящая из цепочки взаимосвязанных производственных процессов, неотъемлемым элементом которой является обмен данными в цифровой форме между звеньями системы с помощью цифровых технологий (людьми, машинами, облаком (дата-центрами); 2) совокупность отношений, складывающихся в процессах производства, связанных с проникновением цифровых технологий (технологий Индустрии 4.0), направленных на повышение конкурентоспособности бизнеса и страны» [11, с. 354];

б) *цепочки действий* (Ср.: «Немецкие фирмы планируют своё будущее, методично выстраивая прочный фундамент. Они не озабочены немедленными результатами. Большинство немецких компаний не является общественной собственностью, и поэтому им не нужно ежеквартально представлять свои отчеты о росте и прибылях. Для немцев важно выстроить непрерывную цепочку действий. Поэтому, когда от них требуют ежеквартальные финансовые отчеты, им это кажется неудобным и разрушающим планы. Для некоторых отраслей немецкой промышленности планирование на 5 лет не предел, а многие компании по заве-

денному порядку составляют план на 10-20 лет вперед» [72, с. 33];

в) *производственные нанотехнологические цепочки* (Ср.: «По оценке компании LUX Research, специализирующейся на анализе новых рынков, глобальный объем затрат на НИОКР в данной области достиг в 2006 г. 12 млрд долл. По этим же оценкам, рынок наноматериалов, нанокomпонентов и наносодержащих продуктов уже составляет 50 млрд долл., а к 2014 г. эти технологии [речь идет о нанотехнологиях. – В.Щ.] создадут производственную цепочку масштаба 2,9 трлн долл.» [71, с. 22];

г) *производственные цепочки поставок* (Ср.: «...цепи поставок в автомобильной промышленности включают сотни предприятий. Обработка полного объема информации чрезмерно дорога; анализ рисков всех компонентов цепи поставок становится невозможным и нецелесообразным, кроме того, бюджет антирисковых программ ограничен. Необходимо выявить те компоненты цепи, которые являются основными источниками стратегических экономических рисков и, следовательно, главными объектами антирисковых программ, направленных на снижение уровня рисков. Такие компоненты мы называем критическими» [73, с. 66];

д) *логистические производственные цепочки* (Ср.: «Даже самый мощный интеллектual останется за бортом, если не сможет с толком использовать свою продуктивность. Чтобы силы не тратились впустую, необходимо максимально четко и ясно определять долгосрочные цели и расставлять ежедневные приоритеты в их достижении. Стремление к поставленным целям должно быть устойчивым, твердым и неизменным. Этот процесс можно максимально упростить, если стараться неукоснительно укладываться в цепочку «десятилетие – год – квартал – месяц – неделя – день». Все ежедневные задачи при этом надо расставлять так, чтобы каждая из них приближала к поставленной цели, а остальное просто отсекал по причине низкой или нулевой приоритетности» [74, с. 77]).

Все перечисленные выше группы знаниевых цепочек (инновационные цепочки, технологические цепочки, собственно знаниевые цепочки, производственные цепочки и др.) не смогли бы успешно работать без наличия *группы кадровых цепочек* (совокупностей специалистов и их компетенций). В частности, можно продемонстрировать это на примере тесной взаимосвязи производственных и кадровых цепочек: «Коллективная работа и специализация, требующиеся для реализации отдельных частей крупных проектов и достижения оптимального результата, является одной из важнейших составляющих успешных экономических систем уже на протяжении не одной тысячи лет – еще со времен, когда об этом заговорили Платон и Ксенофонт. Однако с тех пор кое-что изменилось. <...> Соответствующим образом расширилось разделение труда: навыки и умения становятся все более специализированными, и это значит, что грубый просчет одного-единственного человека может нарушить огромную и дорогостоящую производственную цепочку. Нанимать недостаточно квалифицированного и надежного работника, работа которого не контролируется компетентным начальником, просто глупо – независимо от того, насколько мало такому работнику можно платить. Именно поэтому стать частью производственного коллектива удается далеко не каждому. Именно за эффективное налаживание этого процесса и платят менеджерам. Важность этого процесса все возрастает и возрастает. И, наконец, именно поэтому менеджерам и платят больше» [75, с. 42].

В частности, к *группе кадровых цепочек* сегодня можно отнести такие логические последовательности знаков:

а) *«цепочка Мертона»* (Ср.: «Концепция Мертона выстраивается в цепочку: амбивалентная мотивация – вклады – оценки – признание – научная карьера» [76, с. 7];

б) *инновационная цепочка специалистов* (Ср.: «Логика научно-инновационного цикла (от фундаментальных НИР до коммерциализации изделий), последовательность его блоков (новая идея, открытие, изобретение, НИОКР, опытный образец изделия, опытное, затем серийное производство, реализация на рынке и т.д.) воплощаются в инновационной цепи специалистов (новатор, изобретатель, ученый-исследователь, конструктор, технолог, инженер-изготовитель нового изделия и др.), чьи профессиональные и личные (человеческие и гражданские) качества, интересы, вкус к новшествам в конечном счете определяют успех иннова-

ций» [77, с. 79];

в) *цепочка преемственности знаний* (Ср.: По свидетельству российского экономиста А. Варшавского, «сейчас в год на российскую науку тратят 6 миллиардов долларов, а каждые две недели золотовалютные резервы России – ее Стабилизационный фонд – возростали на заметно большую сумму. Может, зарубежные эксперты порекомендуют Правительству России просто больше уделять внимания науке в целом? У нас вот-вот нарушится цепочка преемственности знаний – сорокалетних нет в лабораториях, институтах, - и тогда нечего будет коммерциализировать» [78, с. 12]);

г) *цепочка субъектов инновационного процесса* (Ср.: «Можно выделить шесть основных групп участников инновационного процесса: авторы разработок; руководители научно-технических организаций; менеджеры, формирующие бизнес-предложение и управляющие проектами; чиновники, принимающие решения о государственной поддержке; стратегические партнеры, включающие инновации в свою стратегию, и инвесторы, рискующие реальными средствами» [79, с. 41];

д) *цепочка людей, конструирующих научные факты* (Ср.: «Конструирование фактов, как и игра в регби, - процесс коллективный. Каждый элемент в этой цепочке людей, которые нужны, чтобы передавать друг другу черные ящики, может действовать разнообразными способами: ящик могут «уронить», оставить таким, как он есть, или изменить связанные с ним модальности, или изменить утверждение целиком, или приспособить его для своих нужд и поместить в совершенно другой контекст. Вместо того, чтобы быть проводниками или полупроводниками, они становятся мультипроводниками, и их проводимость совершенно непредсказуема. Чтобы понять сложность задачи, стоящей перед тем, кто хочет установить какой-то факт, представьте себе последовательность из тысяч людей, необходимых для того, чтобы утверждение превратилось в черный ящик, причем каждый из них может непредсказуемым образом передавать или не передавать дальше это утверждение, модифицировать его, изменять или превращать в артефакт. Как же можно гарантировать судьбу утверждения, если она зависит от поведения столь ненадежных союзников?

Ответить на этот вопрос на самом деле еще сложнее, поскольку все вовлеченные акторы по-разному воздействуют на этот черный ящик. Даже в лучших случаях они не просто передают его, они постоянно привносят что-то свое, изменяя передаваемый аргумент, усиливая его и инкорпорируя его в новые контексты. Так что метафора с игрой регби уже не годится, потому что в ходе игры мяч остается неизменным, если не считать небольших потертостей, тогда как в этих научных играх, которые мы наблюдаем, объект по мере того, как он переходит из рук в руки, модифицируется. Это не просто коллективный акт передачи от одного актора к следующему, это процесс коллективного *созидания*» [7, с. 172].

Как можно видеть, структура приведенных выше кадровых цепочек достаточно сильно варьирует в зависимости от 1) ролевых функций, выполняемых различными участниками таких цепочек; 2) инновационной, научной, образовательной, технологической и иной компетенций их участников; 3) возрастных характеристик последних. Однако при всех отличиях в структуре кадровых цепочек их общим звеном неизменно остается человеческая, персональная составляющая.

(Окончание в следующем номере журнала)

Список литературы

1. Корчинский Дм. Предисловие // Почепцов Г. Революция com. Основы протестной инженерии. М.: Изд-во «Европа», 2005. С. 3-6.
2. Социальные технологии межсекторного взаимодействия в современной России: Учебник / под общ. ред. А.С. Автономова. М.: Фонд НАН, 2003.
3. Шваб К. Четвертая промышленная революция / пер. с англ. М.: Эксмо, 2018.
4. Рогозин Д.О., Шеремет И.А., Гарбук С.В., Губинский А.М. Высокие технологии в США: Опыт министерства обороны и других ведомств. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2013.

5. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество /Пер. с англ. М.: Изд-во «Прогресс-Традиция», 1969.
6. Щербин В.К. О категориальном анализе технологических цепочек познания // Наука та наукознавство. 2019. № 4. С. 24-36.
7. Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества / пер. с англ. К. Федоровой. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013.
8. Пещерный рацион. Настоящая палеодиета содержала токсичные металлы. Об этом сообщает Quaternary International // Поиск. 23 февраля 2020 г. (N 9). С. 15.
9. Уэльбек М. Элементарные частицы: Роман / пер. с франц. И. Васюченко, Г. Зингера. М.: Изд-во «Иностранка», 2007.
10. Штумпф Р. Тренды и инновации: лучшие идеи // Deutschland. 2008. № 1. С. 60-65.
11. Лапидус Л.В. Цифровая экономика: управление электронным бизнесом и электронной коммерцией: монография. М.: ИНФРА-М, 2019.
12. Жуков С.В. Продвижение технологий. Ч. 1. Теоретические аспекты. Саарбрюкен: LAP Lambert Academic Publishing, 2015.
13. Бибахин В.В. Язык философии. М.: Прогресс, 1993.
14. Стригалева А. Пираты XXI века // Беларуская думка. 2002. № 11-12. С. 109-116.
15. Трепольский Дм. 19 трендов технологий и продвижения бренда в 2019 году // Business Excellence. 2019. № 4. С. 76-79.
16. Назаретян А.П. Интеллект во Вселенной: истоки, становление, перспективы (Очерки междисциплинарной теории прогресса). М.: Недра, 1991.
17. Гринфилд А. Радикальные технологии: устройство повседневной жизни / пер. с англ. И. Кушнарева. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019.
18. Жукова И.Н., Лебедев М.Г., Прошина З.Г., Юзефович Н.Г. Словарь терминов межкультурной коммуникации / под ред. М.Г. Лебедева, З.Г. Прошиной. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013.
19. Батурин Ю.М. История науки и техники: импровизация в стиле jazz. Сб. науч. докл., статей, выступлений и интервью директора ИИЕТ РАН. 2010-2015. М.: Изд-во «РТСофт» - «Космоскоп», 2016.
20. Касавин И.Т. Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания. СПб.: РХГИ, 1998.
21. Эко У. Полный назад! «Горячие войны» и популизм в СМИ / пер. с итал. Е. Костюкович. М.: Эксмо, 2007.
22. Кондаков Н.И. Логический словарь. М.: Наука, 1971.
23. Клейн Л.С. Археологическая типология. Л.: АН СССР, 1991.
24. Плотников Б.А. Семиотика текста: Параграфемика: Учебное пособие. Мн.: Вышэйшая школа, 1992.
25. Стивенсон Н. Криптонимикон: фантастический роман / пер. с англ. Е. Доброхотовой-Майковой. М.: АСТ, 2014.
26. Беккер К. Словарь тактической реальности: культурная интеллигенция и социальный контроль / пер. с англ. О. Киреева. М.: Ультра. Культура, 2004.
27. Лотман Ю.М. Декабрист в повседневной жизни (Бытовое поведение как историко-психологическая категория) // Литературное наследие декабристов / Ред.: В.Г. Базанов; В.Э. Вацура. Ленинград: Наука, 1975. С. 25-74.
28. Харари Ю.Н. 21 урок для XXI века / пер. с англ. Ю. Гольдберга. М.: Синдбад, 2019.
29. Соломоник А. Философия знаковых систем и язык. 2-е изд. Мн.: МЕТ, 2002.
30. Роджерс Э.М. Діфузія інновацій / пер. з англ. В. Старка. К.: «Видавничий дім Києво-Могилянська академія», 2009.
31. Соломоник А. Позитивная семиотика (о знаках, знаковых системах и семиотической деятельности) / под ред. Г. Крейдлина. Мн.: МЕТ, 2004.
32. Рикёр П. Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике / пер. с фр. М.: Меди-

ум, 1995.

33. Кассирер Э. Философия символических форм // Антология культурологической мысли / Авт.-сост. С.П. Мамонтов, А.С. Мамонтов. М.: Изд-во РОУ, 1996. С. 203-204.
34. Губайловский В.А. Учитель цинизма: роман. М.: Эксмо, 2014.
35. Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия / Гл. ред. С.Ю. Солодовников. Мн.: МФЦП, 2002.
36. Комарова З.И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике: учебное пособие. 3-е изд. М.: ФЛИНТА, 2014.
37. Харари Ю.Н. Homo Deus. Краткая история будущего / пер. с англ. А. Андреева. М.: Синдбад, 2019.
38. Столяров А.М. Освобожденный Эдем. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ; СПб: Terra Fantastica, 2008.
39. Рыбакова В.В. Современная американская социология науки // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 2. С. 103-108.
40. Икеда Дайсаку, Садовничий В.А. Рубежи веков: диалоги об образовании и воспитании // Парадигмы социологии знания: хрестоматия / под общей ред. В.Л. Шульца. М.: Наука, 2007. С. 9-69.
41. Гидденс Э. Социология // Социология: Хрестоматия / Сост. Ю.Г. Волков, И.В. Мостовая. М.: Гардарики, 2003. С. 13-27.
42. Винник В., Седегов Р. Протекционизм вчера, сегодня, завтра // Беларуская думка. 1998. № 1. С. 75-79.
43. Суименко Е.И. Интерес как социальное явление и его новейшие модификации // Социологический альманах. Вып. 5. Мн.: Беларуская навука, 2014. С. 377-383.
44. Глазьев С.Ю. Последняя геополитическая партия: США начинают и проигрывают // Международная жизнь. 2015. № 8. С. 2-24.
45. Точное планирование, медленный темп [глава из книги американских исследователей Э. Холла и М. Холл «Понимание культурных различий: путь к успеху в Германии, Франции, Соединенных Штатах»] // Беларуская думка. 1995. № 1. С. 32-34.
46. Глазьев С.Ю. Рынок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. М.: Книжный мир, 2018.
47. Заславская Т.И. О социальном механизме посткоммунистических преобразований в России // Социс. 2002. № 8. С. 3-16.
48. Вялічка У., Марціновіч А. Там, дзе пачыналася Бярэсце // Беларуская думка. 2004. № 8. С. 56-60.
49. Переслегин С., Переслегина Е. «Дикие карты» будущего. Форс-мажор для человечества. М.: Алгоритм, 2015.
50. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998.
51. Зенкин С.Н. Ролан Барт и семиологический проект // Барт Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры / пер. с фр. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. С. 5-28.
52. Карпов В.А. Аксиоматика формульного языка // Сборник научных статей профессора В.А. Карпова. Мн.: ИВЦ Минфина, 2018. С. 229-240.
53. Powell G. Memes // Encyclopedia of Language and Linguistics. 2nd ed. Vol. 8 /Ed. by K. Brown. Oxford: Elsevier Ltd., 2006. P. 6-8.
54. Мечковская Н.Б. Философия языка и коммуникации: Учебное пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2017.
55. Голованова Е.И. Особенности интерпретации объектов в профессиональном стандарте (когнитивный аспект) // Актуальные проблемы лингвистики, педагогики и методики преподавания иностранных языков – 2015: сб. науч. трудов. Калининград: Изд-во ФГБОУ ВО «КГТУ», 2016. С. 4-15.
56. Докинз Р. Эгоистичный ген / пер. с англ. Н. Фоминой. М.: АСТ: CORPUS, 2016.
57. Пинкер Ст. Язык как инстинкт / пер. с англ. М.: Едиториал УРСС, 2004.

58. Норман Б.Ю. Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков): курс лекций. Мн.: БГУ, 2009.
59. Гончаров В.В. Концептуальные подходы к созданию эффективной системы «наука-технологии-инновации» в Беларуси // Система «наука-технологии-инновации»: методология, опыт, перспективы. Материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 1 декабря 2016 г.). Мн.: ЦСАиСИ НАНБ, 2016. С. 59-73.
60. Столетов А.И. Онтология художественного творчества. Спец. 09.00.91 – онтология и теория познания. Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Уфа: Башкир.гос.пед.ун-т, 2009.
61. Инновационный менеджмент: Справочное пособие / под ред. П.Н. Завлина, А.К. Казанцева, Л.Э. Миндели. СПб.: Наука, 1997.
62. Иваницкий Г.Р. Новый старт или последний финиш? // Вестник Российской академии наук. 2000. Т. 70. № 3. С. 203-213.
63. Оболенская Л.В., Зудина А.Б. Технологическая функция российской науки: проблема проектирования карты технологических дорог // Наука в условиях глобализации: сб. статей / под ред. А.Г. Аллахвердяна, Н.Н. Семеновой, А.В. Юревича. М.: Логос, 2009. С. 221-240.
64. Каблов Евгений: «Необходимо активно пропагандировать моду на интеллект» (беседа с Дмитрием Самарцев / Научно-издательский центр «ИНФРА-М») // Электронный ресурс: infra-m.ru/opinions/evganiy-kablov-neobkhodimo-aktivno-propagandirovat-modu-na-intellekt. Дата доступа: 26.02.2018. С. 1-9.
65. Богост Иен. Чужая феноменология, или Каково быть вещью? / пер. с англ. Г.Г. Коломийца. Пермь: Гиле Пресс, 2019. 200 с.
66. Кудрявцева О.В., Митенкова Е.Н., Маликова О.И., Головин М.С. Развитие альтернативной энергетики в России в контексте формирования модели низкоуглеродной экономики // Вестник Моск. ун-та. Сер. Экономика. 2019. № 4. С. 122-139.
67. Глобалізація і безпека розвитку: Колективна монографія / наук. ред. О.Г. Білорус. К.: КНЕУ, 2001. 733 с.
68. Батурин Ю.М. История науки и техники: импровизация в стиле jazz. Сб. науч. докл., статей, выступлений и интервью директора ИИЕТ РАН. 2010-2015. М.: Изд-во «РТСофт» - «Космоскоп», 2016.
69. Гражданников Е.Д. Метод систематизации философских категорий / Отв.ред. Е.В.Семенов. Новосибирск: Наука, СО АН СССР, 1985.
70. Кара-Мурза С.Г. Без компаса скептического разума // Литературная газета. 10-16.10.2007 г. № 841. С. 2.
71. Иванова Н.И. Инновационная динамика мировой экономики // Инновационное развитие: международный опыт и стратегия России: сб. статей. М.: МГИМО-Университет, 2009. С. 9-29.
72. Холл Э., Холл М. Точное планирование, медленный темп [Глава из книги «Понимание культурных различий: путь к успеху в Германии, Франции, Соединенных Штатах». – В.Щ.] // Беларуская думка. 1995. № 1. С. 32-34.
73. Птускин А.С., Левнер Е.В. Идентификация критических объектов цепей поставок для снижения уровня стратегического экологического риска // Экономическая наука современной России. 2017. № 4. С. 63-78.
74. Трепольский Дм. 19 трендов технологий и продвижения бренда в 2019 году // Business Excellence. 2019. № 4. С. 76-79.
75. Коуэн Т. Среднего больше не дано. Как выйти из эпохи Великой стагнации / пер. с англ. А. Матвеевко. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2015.
76. Шарабчиев Ю.Т. Коммуникации в науке: социометрический аспект. Мн.: Право и экономика, 1995.
77. Шимов В.Н., Крюков Л.М. Инновационное развитие экономики Беларуси: движущие силы и национальные приоритеты: монография. Мн.: БГЭУ, 2014.
78. Понарина Е. Приоритет 01: В сфере инноваций государству пора переходить от

политических концепций к конкретным действиям // Поиск. 23.12.2005. № 51. С. 11-12.

79. Зинов В.Г. Субъекты инновационного процесса // Науковедение. 2003. № 4. С. 41-44.

Сведения об авторе

Вячеслав Константинович Щербин – кандидат филологических наук, заведующий сектором исследования макроэкономических рисков, Центр системного анализа и стратегических исследований Национальной академии наук Беларуси. Республика Беларусь, 220072, г. Минск, ул. Академическая, д. 1. E-mail: slavalex@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6217-1265>

UDK 316. 74:94

THE KNOWLEDGE CHAINS AS AN OBJECT OF SOCIAL SEMIOTICS AND SOCIOLOGY OF KNOWLEDGE (PART I)

V.K. Shcherbin

Center for Systemic Analysis and Strategic Research under the
National Academy of Sciences

The article considers various types of knowledge chains (disciplinary chains, innovative chains, personnel chains, production chains, knowledge chains proper, technological chains). The common features characterizing each of the above groups of chains are revealed. The “overlapping chains” phenomenon is described, characterizing multiple instances of the chains from different categories being merged. The possibility of forming an organizational mechanism for combining knowledge chains by creating integrated corporate structures (exemplified by the scientific-technological and scientific-educational consortia) is substantiated.

Key words: technological chains of cognition, knowledge chains, the «overlapping chains» phenomenon, integrative corporate structures, scientific-technological consortia, scientific-educational consortia.

References

1. Korchinskij Dm. Predislovie // Pohepczov G. Revolyuciya com. Osnovy` protestnoj inzhenerii. M.: Izd-vo «Evropa», 2005. S. 3-6.
2. Social`ny`e texnologii mezhsektornogo vzaimodejstviya v sovremennoj Rossii: Uchebnik / pod obshh. red. A.S. Avtonomova. M.: Fond NAN, 2003.
3. Shvab K. Chetvertaya promy`shlennaya revolyuciya / per. s angl. M.: E`ksmo, 2018.
4. Rogozin D.O., Sheremet I.A., Garbuk S.V., Gubinskij A.M. Vy`sokie texnologii v SShA: Opy`t ministerstva oborony` i drugix vedomstv. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2013.
5. Ge`lbrejt Dzh. Novoe industrial`noe obshhestvo /Per. s angl. M.: Izd-vo «Progress-Tradiciya», 1969.
6. Shcherbin V.K. O kategorial`nom analize texnologicheskix cepochek poznaniya // Nauka ta naukoznavstvo. 2019. № 4. S. 24-36.
7. Latur B. Nauka v dejstvii: sleduya za ucheny`mi i inzhenerami vntri obshhestva / per. c angl. K. Fedorovoj. SPb.: Izd-vo Evropejskogo un-ta v Sankt-Peterburge, 2013.
8. Peshherny`j racion. Nastoyashhaya paleodieta sodержala toksichny`e metally`. Ob e`tom soobshhaet Quaternary International // Poisk. 23 fevralya 2020 g. (N 9). С. 15.
9. Ue`l`bek M. E`lementarny`e chasticy: Roman / per. s francz. I. Vasyuchenko, G. Zingera. M.: Izd-vo «Inostranka», 2007.
10. Shtumpf R. Trendy` i innovacii: luchshie idei // Deutschland. 2008. № 1. С. 60-65.

11. Lapidus L.V. Cifrovaya e`konomika: upravlenie e`lektronny`m biznesom i e`lektronnoj kommerciej: monografiya. M.: INFRA-M, 2019.
12. Zhukov S.V. Prodvizhenie texnologij. Ch. 1. Teoreticheskie aspekty`. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2015.
13. Bibixin V.V. Yazy`k filosofii. M.: Progress, 1993.
14. Strigalev A. Piraty` XXI veka // Belaruskaya dumka. 2002. № 11-12. S. 109-116.
15. Trepol`skij Dm. 19 trendov texnologij i prodvizheniya brenda v 2019 godu // Business Excellence. 2019. № 4. S. 76-79.
16. Nazaretyan A.P. Intellect vo Vselennoj: istoki, stanovlenie, perspektivy` (Ocherki mezhdisciplinarnoj teorii progressa). M.: Nedra, 1991.
17. Grinfeld A. Radikal`ny`e texnologii: ustrojstvo povsednevnoj zhizni / per. s angl. I. Kushnarevoj. M.: Izdatel`skij dom «Delo» RANXiGS, 2019.
18. Zhukova I.N., Lebed`ko M.G., Proshina Z.G., Yuzefovich N.G. Slovar` terminov mezhkul`turnoj kommunikacii / pod red. M.G. Lebed`ko, Z.G. Proshinoj. M.: FLINTA: Nauka, 2013.
19. Baturin Yu.M. Istoriya nauki i texniki: improvizaciya v stile jazz. Sb. nauch. dokl., statej, vy`stuplenij i interv`yu direktora IIET RAN. 2010-2015. M.: Izd-vo «RTSoft» - «Kosmoskop», 2016.
20. Kasavin I.T. Migraciya. Kreativnost`. Tekst. Problemy` neklassicheskoj teorii poznaniya. SPb.: RXGI, 1998.
21. E`ko U. Polny`j nazad! «Goryachie vojny`» i populizm v SMI / per. s ital. E. Kostyukovich. M.: E`ksmo, 2007.
22. Kondakov N.I. Logicheskij slovar`. M.: Nauka, 1971.
23. Klejn L.S. Arxeologicheskaya tipologiya. L.: AN SSSR, 1991.
24. Plotnikov B.A. Semiotika teksta: Paragrafemika: Uchebnoe posobie. Mn.: Vy`she`jshaya shkola, 1992.
25. Stivenson N. Kriptonomikon: fantasticheskij roman / per. s angl. E. Dobroxotovoj-Majkovej. M.: AST, 2014.
26. Bekker K. Slovar` takticheskoj real`nosti: kul`turnaya intelligenciya i social`ny`j kontrol` / per. s angl. O. Kireeva. M.: UI`tra. Kul`tura, 2004.
27. Lotman Yu.M. Dekabrist v povsednevnoj zhizni (By`tovoe povedenie kak istorikopsixologicheskaya kategoriya) // Literaturnoe nasledie dekabristov / Red.: V.G. Bazanov; V.E. Vaczuro. Leningrad: Nauka, 1975. S. 25-74.
28. Xarari Yu.N. 21 urok dlya XXI veka / per. s angl. Yu. Gol`dberga. M.: Sindbad, 2019.
29. Solomonik A. Filosofiya znakovy`x sistem i yazy`k. 2-e izd. Mn.: MET, 2002.
30. Rodzhers E`.M. Difuziya innovacij / per. z angl. V. Starka. K.: «Vidavnichij dim Kievo-Mogilyans`ka akademiya», 2009.
31. Solomonik A. Pozitivnaya semiotika (o znakax, znakovy`x sistemax i semioticheskoj deyatel`nosti) / pod red. G. Krejdlina. Mn.: MET, 2004.
32. Rikyor P. Konflikt interpretacij: Ocherki o germenevtike / per. s fr. M.: Medium, 1995.
33. Kassirer E`. Filosofiya simvolicheskix form // Antologiya kul`turologicheskoj my`сли / Avt.-sost. S.P. Mamontov, A.S. Mamontov. M.: Izd-vo ROU, 1996. S. 203-204.
34. Gubajlovskij V.A. Uchitel` cinizma: roman. M.: E`ksmo, 2014.
35. Bol`shoj e`nciklopedicheskij slovar`: filosofiya, sociologiya, religiya, e`zoterizm, polite`konomiya / Gl. red. S.Yu. Solodovnikov. Mn.: MFCzP, 2002.
36. Komarova Z.I. Metodologiya, metod, metodika i texnologiya nauchny`x issledovanij v lingvistike: uchebnoe posobie. 3-e izd. M.: FLINTA, 2014.
37. Xarari Yu.N. Homo Deus. Kratkaya istoriya budushhego / per. s angl. A. Andreeva. M.: Sindbad, 2019.
38. Stolyarov A.M. Osvobozhdenny`j E`dem. M.: AST: AST MOSKVA: XRANITEL`; SPb: Terra Fantastica, 2008.
39. Ry`bakova V.V. Sovremennaya amerikanskaya sociologiya nauki // Vestnik Nizhego-

rodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2014. № 2. S. 103-108.

40. Ikeda Dajsaku, Sadovnichij V.A. Rubezhi vekov: dialogi ob obrazovanii i vospitanii // Paradigmy` sociologii znaniya: xrestomatiya / pod obshej red. V.L. Shul`cza. M.: Nauka, 2007. S. 9-69.

41. Giddens E`. Sociologiya // Sociologiya: Xrestomatiya / Sost. Yu.G. Volkov, I.V. Mostovaya. M.: Gardariki, 2003. S. 13-27.

42. Vinnik V., Sedegov R. Protekcionizm vchera, segodnya, zavtra // Belaruskaya dumka. 1998. № 1. S. 75-79.

43. Suimenko E.I. Interes kak social`noe yavlenie i ego novejschie modifikacii // Sociologicheskiy al`manax. Vy`p. 5. Mn.: Belaruskaya navuka, 2014. S. 377-383.

44. Glaz`ev S.Yu. Poslednyaya geopoliticheskaya partiya: SShA nachinayut i proigry`vayut // Mezhdunarodnaya zhizn`. 2015. № 8. S. 2-24.

45. Tochnoe planirovanie, medlenny`j temp [glava iz knigi amerikanskix issledovatelej E`. Xolla i M. Xoll «Ponimanie kul`turny`x razlichij: put` k uspexu v Germanii, Francii, Soedinenny`x Shtatax] // Belaruskaya dumka. 1995. № 1. S. 32-34.

46. Glaz`ev S.Yu. Ry`vok v budushhee. Rossiya v novy`x texnologicheskom i miroxozhajstvennom ukladax. M.: Knizhny`j mir, 2018.

47. Zaslavskaya T.I. O social`nom mexanizme postkommunisticheskix preobrazovanij v Rossii // Socis. 2002. № 8. S. 3-16.

48. Vyalichka U., Marczinovich A. Tam, dze pachy`nalasya Byare`sce // Belaruskaya dumka. 2004. № 8. S. 56-60.

49. Pereslegin S., Pereslegina E. «Dikie karty`» budushhego. Fors-mazhor dlya chelovechestva. M.: Algoritm, 2015.

50. E`ko U. Otsutstvuyushhaya struktura. Vvedenie v semiologiyu. SPb.: TOO TK «Petropolis», 1998.

51. Zenkin S.N. Rolan Bart i semiologicheskiy proekt // Bart R. Sistema Mody`. Stat`i po semiotike kul`tury` / per. s fr. M.: Izd-vo im. Sabashnikovy`x, 2003. C. 5-28.

52. Karpov V.A. Aksiomatika formul`nogo yazy`ka // Sbornik nauchny`x statej professora V.A. Karpova. Mn.: IVCz Minfina, 2018. C. 229-240.

53. Powell G. Memes // Encyclopedia of Language and Linguistics. 2nd ed. Vol. 8 /Ed. by K. Brown. Oxford: Elsevier Ltd., 2006. P. 6-8.

54. Mechkovskaya N.B. Filosofiya yazy`ka i kommunikacii: Uchebnoe posobie. M.: FLINTA: Nauka, 2017.

55. Golovanova E.I. Osobennosti interpretacii ob`ektov v professional`nom substandarte (kognitivny`j aspekt) // Aktual`ny`e problemy` lingvistiki, pedagogiki i metodiki prepodavaniya inostranny`x yazy`kov – 2015: sb. nauch. trudov. Kaliningrad: Izd-vo FGBOU VO «KGTU», 2016. C. 4-15.

56. Dokinz R. E`goistichny`j gen / per. s angl. N. Fominoj. M.: AST: CORPUS, 2016.

57. Pinker St. Yazy`k kak instinkt / per. s angl. M.: Editorial URSS, 2004.

58. Norman B.Yu. Lingvisticheskaya pragmatika (na materiale russkogo i drugix slavyanskix yazy`kov): kurs lekcij. Mn.: BGU, 2009.

59. Goncharov V.V. Konceptual`ny`e podxody` k sozdaniyu e`ffektivnoj sistemy` «nauka-texnologii-innovacii» v Belarusi // Sistema «nauka-texnologii-innovacii»: metodologiya, opy`t, perspektivy`. Materialy` Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Minsk, 1 dekabrya 2016 g.). Mn.: CzSAiSI NANB, 2016. S. 59-73.

60. Stoletov A.I. Ontologiya xudozhestvennogo tvorchestva. Specz. 09.00.91 – ontologiya i teoriya poznaniya. Avtoref. dis. ... d-ra filos. nauk. Ufa: Bashkir.gos.ped.un-t, 2009.

61. Innovacionny`j menedzhment: Spravochnoe posobie / pod red. P.N. Zavlina, A.K. Kazanceva, L.E`. Mindeli. SPb.: Nauka, 1997.

62. Ivaniczkiy G.R. Novy`j start ili poslednij finish? // Vestnik Rossijskoj akademii nauk. 2000. T. 70. № 3. S. 203-213.

63. Obolenskaya L.V., Zudina A.B. Texnologicheskaya funkciya rossijskoj nauki: problema

proektirovaniya karty` texnologicheskix dorog // Nauka v usloviyax globalizacii: sb. statej / pod red. A.G. Allaxverdyan, N.N. Semenovoj, A.V. Yurevicha. M.: Logos, 2009. S. 221-240.

64. Kablov Evgenij: «Neobxodimo aktivno propagandirovat` modu na intellekt» (besedoval Dmitrij Samarcev / Nauchno-izdatel'skij centr «INFRA-M») // E`lektronny`j resurs: infra-m.ru/opinions/evganiy-kablov-neobkhodimo-aktivno-propagandirovat-modu-na-intellekt]. Data dostupa: 26.02.2018. S. 1-9.

65. Bogost Ien. Chuzhaya fenomenologiya, ili Kakovo by`t` veshh`yu? / per. s angl. G.G. Kolomijca. Perm`: Gile Press, 2019. 200 s.

66. Kudryavceva O.V., Mitenkova E.N., Malikova O.I., Golovin M.S. Razvitie al`ternativnoj e`nergetiki v Rossii v kontekste formirovaniya modeli nizkouglerodnoj e`konomiki // Vestnik Mosk. un-ta. Ser. E`konomika. 2019. № 4. S. 122-139.

67. Globalizaciya i bezpeka rozvitku: Kolektivna monografiya / nauk. red. O.G. Bilorus. K.: KNEU, 2001. 733 s.

68. Baturin Yu.M. Istoriya nauki i texniki: improvizaciya v stile jazz. Sb. nauch. dokl., statej, vy`stuplenij i interv`yu direktora IIET RAN. 2010-2015. M.: Izd-vo «RTSoft» - «Kosmoskop», 2016.

69. Grazhdannikov E.D. Metod sistematizacii filosofskix kategorij / Otv.red. E.V.Semenov. Novosibirsk: Nauka, SO AN SSSR, 1985.

70. Kara-Murza S.G. Bez kompassa skepticheskogo razuma // Literaturnaya gazeta. 10-16.10.2007 g. № 841. S. 2.

71. Ivanova N.I. Innovacionnaya dinamika mirovoj e`konomiki // Innovacionnoe razvitie: mezhdunarodny`j opy`t i strategiya Rossii: sb. statej. M.: MGIMO-Universitet, 2009. S. 9-29.

72. Xoll E., Xoll M. Tochnoe planirovanie, medlenny`j temp [Glava iz knigi «Ponimanie kul`turny`x razlichij: put` k uspexu v Germanii, Francii, Soedinenny`x Shtatax». – V.Shh.] // Belaruskaya dumka. 1995. № 1. S. 32-34.

73. Ptuskin A.S., Levner E.V. Identifikaciya kriticheskix ob`ektov cepej postavok dlya snizheniya urovnya strategicheskogo e`kologicheskogo riska // E`konomicheskaya nauka sovremennoj Rossii. 2017. № 4. S. 63-78.

74. Tropol'skij Dm. 19 trendov texnologij i prodvizheniya brenda v 2019 godu // Business Excellence. 2019. № 4. S. 76-79.

75. Kou`n T. Srednego bol`she ne dano. Kak vy`jti iz e`poxi Velikoj stagnacii / per. s angl. A. Matveenko. M.: Izd-vo In-ta Gajdara, 2015.

76. Sharabchiev Yu.T. Kommunikacii v nauke: sociometricheskiy aspekt. Mn.: Pravo i e`konomika, 1995.

77. Shimov V.N., Kryukov L.M. Innovacionnoe razvitie e`konomiki Belarusi: dvizhushhie sily` i nacional`ny`e priority` : monografiya. Mn.: BGE`U, 2014.

78. Ponarina E. Prioritet 01: V sfere innovacij gosudarstvu pora perexodit` ot politicheskix koncepcij k konkretny`m dejstviyam // Poisk. 23.12.2005. № 51. S. 11-12.

79. Zinov V.G. Sub`ekty` innovacionnogo processa // Naukovedenie. 2003. № 4. S. 41-44.

Author`s information

Vyacheslav K. Shcherbin – Candidate of Sciences (Philology), head of the sector of macroeconomic risks research, Center for Systemic Analysis and Strategic Studies under the National Academy of Sciences of Belarus, 1 Akademicheskaya Str., 220072, Minsk, Republic of Belarus
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6217-1265>

ПРАВО

УДК 342

ИДЕОЛОГИЯ И ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

А.Л. Бредихин

Санкт-Петербургский университет МВД России

В настоящей статье автор рассматривает идеологию как непреходящий атрибут государственности. Автор приходит к выводу, что государственность как таковая зародилась в тесном сотрудничестве с идеологией или религией. Далее он отмечает, что государственная идеология в значении идеологической функции государства присутствует и в современных демократических государствах.

Ключевые слова: идеология, идеологическая функция, государственность, функции государства, государственная идеология.

Вопрос о государственной идеологии по-прежнему является актуальным в современной правовой мысли. В Российской Федерации вопрос идеологических основ государства стоит как нельзя остро, так как помнится еще неудачный советский опыт идеологической регламентации общественной и государственной жизни, что привело в конечном итоге к краху государственности и отсутствию ориентиров дальнейшего развития на постсоветском пространстве. Видимо с этим и связано появление в статье 13 Конституции Российской Федерации [1] положения о том, что в Российской Федерации признается идеологическое многообразие и никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Наряду с этим в статье 14 Конституции Российской Федерации [1] содержится положение о недопустимости установления какой-либо религии в качестве государственной или обязательной. А, как известно, именно православие было не только государственной религией, но и в некотором смысле государственной идеологией Российской Империи.

Таким образом, Конституция Российской Федерации видит идеалом деидеологизированное и светское государство. Означает ли это устранение всякого духовно-идеологического компонента в существовании Российской Федерации? Думается, что нет, так как любая государственность строится, в том числе, на основании конкретной идейной системы и не может существовать без нее.

Исторически сложилось, что государственность не существовала без какой-либо идеологической основы, которая бы устанавливала авторитет власти и объясняла притязания определенных лиц на высшие государственные должности. Следовательно, нет оснований предполагать, что идеологическая деятельность утратит свое значение.

Под идеологией обычно понимают «совокупность мировоззренческих установок, идеалов, ценностей, интересов общественных групп, отражающая так или иначе те социальные условия, в которых они находятся» [5, С. 26]. Следовательно, государственная идеология – это те идеалы и ценности, которых придерживается государство в осуществлении своих задач, та модель общественного и государственного устройства, достижение которой является целью государственной власти.

Идеология является содержанием идеологической функции государства, содержанием которой является процесс построения определенной модели общественно-политических отношений в границах данного государства [2, С. 9]. А.И. Клименко указывает, что «посредством своей идеологической функции государство определяет формирование правового и политического сознания граждан, что способствует укреплению общественной системы ценностей, достижению социально полезных целей» [4, С. 56].

Некоторые авторы указывают, что «более верно говорить не об идеологической (ценностной, аксиологической, воспитательной, социализаторской и т.д. – набор синонимов может быть велик) функции государства, а именно об идеологии как необходимом признаке любого

государства, в том числе и современного российского [8, С. 8]». Отмечается также, что идеология наряду с правовыми нормами и санкциями является необходимым средством реализации государственных целей, политики государства.

Думается, что все же идеология и идеологическая функция государства это разные понятия, так как помимо идеологии (идеологем, идеологических установок) идеологическая функция включает такой элемент как «цель идеологической деятельности». То есть, идеология сама по себе статична и без деятельности государства она не воспроизводится в государственно-правовой действительности. Тем не менее, с определенной долей условности можно объединить эти термины, обозначив просто идеологию, предполагая, что государство по умолчанию выполняет свою функцию по реализации идеологии.

Идеология позволяет обеспечить реальное или иллюзорное единство ценностных ориентаций индивида и государства, интегрировать все множество существующих социальных, конфессиональных, территориальных, этнических и иных групп в нечто целое, самоидентификация с которым является для индивида субъективно значимой.

Идеология порождает политическую власть, становится предпосылкой и условием ее возникновения и существования. Право также можно рассматривать и как материализованную, легитимизированную идеологию правящей элиты, высшей страты или господствующего класса. Государственную идеологию можно рассматривать и как предтечу права, т.к. она может реализоваться в правовые нормы. «Закон – это аспект материализации господствующей идеологии и фундаментальная категория государственного суверенитета. Он сам становится своеобразной идеологией, призванной формировать социальное единство» [3, С. 53].

Всякое государство сознательно акцентирует именно те ценности, которые адекватны объективным интересам всего общества, на базе которых происходит выработка из групповых и составных идеологий, интегративной для всего общества идеологической системы [7, С. 117]. Эти ценности не могут быть искусственно выработаны, а являются условием исторического и социокультурного развития данного государства, его народа.

В современных государствах государственная идеология существует как одна из некоего множества общественных идеологий.

Функции идеологии:

- консолидация общества в некоторую политическую целостность;
- возможность ориентироваться в окружающем мире, самоидентифицироваться. Как и религия идеология наполняет жизнь человека смыслом и содержанием;
- обеспечение и усиление политической субъектности государства, его роли в общественной жизни, способности оказывать воздействие на происходящие процессы.

Полностью детерминированные идеологией системы - это теократические и социалистические. И те и другие уже не существуют в чистом виде, но это не значит, что идеология в значении идеологической функции государства перестала существовать.

Такие государства как Китай и некоторые другие сохранили социалистическую идеологию в качестве базовой, но привнесли механизмы рыночной экономики и отношения частной собственности в свою государственность. Таким образом, их идеология перестала быть целостной и логически завершенной системой, но идеологическая функция государства осуществляется по-прежнему, но уже не с целью насаждения гражданам какой-либо картины мира, а для реализации государственных задач и целей.

Анализ конституционных актов большинства государств показывает важнейшую тенденцию государственного развития — отказ от государственной идеологии как таковой. Определяющими «идеологическими» постулатами являются общепризнанные и доказавшие свою эффективность принципы. В первую очередь это приоритет прав и свобод человека и политический плюрализм, заключающийся в создании возможностей оказывать влияние на политический процесс всем социально-политическим или иным организациям, деятельность которых имеет политический аспект и находится в рамках конституции.[6, С.115]

Современные демократические государства, не имея определенной идеологии, тем не менее, осуществляют идеологическую функцию. Идеология здесь представляется набором

идеологем и идеологических установок, которые государство считает необходимым реализовать во всех сферах общественной жизни.

Государственная и международная политика стала более прагматичной и уже не приемлет замкнутых идеологических систем, которые, как показала практика, тормозят развитие как экономических, так и других сфер общества. Государство уже не ставит себе определенной конечной цели, как это было в Советском союзе (построение коммунизма), а более динамично ставит различные по времени реализации государственные цели и задачи. Эти цели и задачи развития государства получают легитимность именно благодаря реализации идеологической функции.

Для осуществления идеологической функции (идеологии) государство наделяет свои органы власти соответствующими задачами и полномочиями. Говоря о современных демократических государствах, нужно отметить, что:

- основные идеологические положения закреплены в конституционных документах и основываются на демократических принципах;

- основной задачей осуществления идеологической функции государства становится разъяснение населению проводимой государственной политики для повышения легитимации принимаемых решений;

- основными целями и направлениями государственной политики в большей степени, становятся социально-экономические идеалы, а не общественно-политические.

В Российской Федерации сформировалось новое направление, в рамках которого осуществляется идеологическая функция государства - стратегическое планирование. То есть, государством принимаются документы стратегического планирования, определяющие основные направления развития государства, а идеологическая функция проявляется в их обнародовании, информационном сопровождении с целью формирования одобрительного отношения населения.

Таким образом, нужно сказать, что идеология всегда была и остается постоянным спутником государственности как таковой. Государство в своей истории либо тесно сотрудничало с уже сложившейся идеологией религиозных учений, либо само становилось творцом идеологической системы принципов и ценностей. В современных государствах роль и значение государственной идеологии существенно изменилось, но все же идеологическая функция осуществляется.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения – 17.03.2020).
2. Бредихин А.Л. К вопросу об определении сущности идеологической функции государства // История государства и права. – 2017. - № 6.
3. Власть. Очерки современной политической философии Запада. – М.: 1989.
4. Клименко А.И. Взаимосвязь правового и политического сознания в осуществлении идеологической функции государства. Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 - М., 2005.
5. Козырев М.С. Идеология и ее роль в российском государственном управлении. Монография. - М.: НУ ОАОУ, 2013.
6. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России: учеб. - 4-е изд., перераб. и доп. - М.: Проспект, 2009.
7. Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулин А.Г. Государственность как феномен и объект типологии: Теоретико-методологический анализ. Монография. – Спб., 2001.
8. Хабибулин А.Г., Рахимов А.Б. Теория и идеология государства: политико-правовые процессы. – Санкт-Петербург, 1998.

Сведения об авторе

А.Л. Бредихин - кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России, e-mail: axel_b@mail.ru.

UDK 342

IDEOLOGY AND STATEHOOD

A.L. Bredikhin

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

In this article, the author considers ideology as an indispensable attribute of statehood. The author comes to the conclusion that statehood as such arose in close cooperation with ideology or religion. He further notes that state ideology, in the meaning of the ideological function of the state, is present in modern democratic states.

Key words: ideology, ideological function, statehood, state functions, state ideology.

References

1. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii // Spravochno-pravovaya sistema «Konsul'tant Plyus» (data obrashcheniya – 17.03.2020).
2. Bredikhin A.L. K voprosu ob opredelenii sushchnosti ideologicheskoy funktsii gosudarstva // Istoriya gosudarstva i prava. – 2017. - № 6.
3. Vlast'. Ocherki sovremennoy politicheskoy filosofii Zapada. – M.: 1989.
4. Klimenko A.I. Vzaimosvyaz' pravovogo i politicheskogo soznaniya v osushchestvlenii ideologicheskoy funktsii gosudarstva. Dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.01 - M., 2005.
5. Kozyrev M.S. Ideologiya i yeye rol' v rossiyskom gosudarstvennom upravlenii. Monografiya. - M.: NU OAOU, 2013.
6. Kozlova Ye.I., Kutafin O.Ye. Konstitutsionnoye pravo Rossii: ucheb. - 4-ye izd., pererab. i dop. - M.: Prospekt, 2009.
7. Sal'nikov V.P., Stepashin S.V., Khabibulin A.G. Gosudarstvennost' kak fenomen i ob'yekt tipologii: Teoretiko-metodologicheskiy analiz. Monografiya. – Spb., 2001.
8. Khabibulin A.G., Rakhimov A.B. Teoriya i ideologiya gosudarstva: politiko-pravovyye protsessy. – Sankt-Peterburg, 1998.

Author`s information

A.L. Bredikhin, Candidate of Law, Senior Lecturer, Department of History of State and Law, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, e-mail: axel_b@mail.ru.

УДК 321.01

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВА

А.Л. Бредихин

Санкт-Петербургский университет МВД России

Е.Д. Проценко

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

В настоящей статье автор рассматривает категорию идеологическая деятельность государства в контексте соотношения с идеологической функцией государства, выделяет ее особенности. В статье дается определение идеологической деятельности государства, рассматриваются ее формы и методы, а также механизм осуществления идеологической деятельности, в рамках которого автор характеризует его отдельные звенья.

Ключевые слова: Идеология, идеологическая функция государства, идеологическая деятельности, метод принуждения, убеждение.

Функции государства является основополагающей категорией теории государства и права, так как в функциях выражается смысл и предназначение государства. Функции государства — это основные направления его деятельности по управлению обществом, отражающие его цели и социальное назначение [1, С. 97]. Понимание функций государства как основных направлений его деятельности традиционный подход как для современной, так и советской правовой науки. При этом, нужно отметить, что определение функций через термин «направление» не совсем удачно. Функции не просто направления деятельности, а существенные проявления государства как социального и политического института, которые и предопределяют эти направления деятельности.

Функции государства тесно связаны со сферами деятельности государства и ее непосредственным осуществлением. Исходя из традиционного, сложившегося еще в советской науке подхода, подразделение сфер общественной деятельности происходит на экономическую, политическую и идеологическую [2, С. 18].

В науке распространено выделение подобных же функций, между тем это не означает, что сферы деятельности идентичны функциям государства. С целью разрешения данной коллизии, Н.В. Черноголовкин указывает, что именно функции наполняют сферы деятельности государства содержанием, делают саму деятельность целеустремленной [2, С. 20]. Иными словами, функции государства предопределяют существование сфер его деятельности и их предметное содержание, а не наоборот.

Сама же деятельность государства состоит в непосредственном выполнении задач, мероприятий, процедур и единичных действий в рамках осуществления функций государства.

Реализация каждой из функций государства имеет свою специфику, в том числе и идеологическая функция.

А.И. Клименко указывает, что «посредством своей идеологической функции государство определяет формирование правового и политического сознания граждан, что способствует укреплению общественной системы ценностей, достижению социально полезных целей» [3, С. 56]. А.Н. Буховец отмечает следующее: «Говоря о содержании идеологической функции государства предлагается выделить два основных блока, определяющих идеологическое поле государственной деятельности. Во-первых, любое государство, собственно, создает и поддерживает ту или иную идеологию, т.е. внедряет в сознание членов общества определенную систему политических, правовых, нравственных, этических взглядов, поскольку через них проявляется отношение людей к существующей действительности, прежде всего к общественно-политическому или, как принято сегодня говорить, конституционному

строю, правовому и общественному порядку и т.д. Поэтому, на наш взгляд, ни одно государство не может безразлично относиться к тому, какие идеологические взгляды культивируются в сознании членов общества. Во-вторых, непосредственно сама идеологическая деятельность государства проявляется не только в создании и реципировании каких-либо идеологий в чистом виде, но и в использовании иных, более тонких и современных форм идейного воздействия, которые прямо или опосредованно связаны с развитием и разносторонней поддержкой науки, культуры, образования [4, С. 15-16].

В социалистических, религиозных и других идеологизированных государствах суть идеологической функции состоит в реализации определенной идеологической системы, что противоречит современной концепции демократического государства. Вместе с тем, идеологическая функция характерна для всех государств, поэтому в наиболее общем виде идеологическая функция является основным и постоянным направлением деятельности государства как общественно-политического института, содержанием которого является процесс построения определенной модели общественно-политических отношений в границах данного государства [5, С. 14].

Наряду с идеологической функцией государства можно выделить отдельно идеологическую деятельность государства. Эти понятия тесно и неразрывно связаны между собой, однако каждое из них имеет собственный смысл.

В практическом плане идеологическая функция осуществляется именно благодаря механизму идеологической деятельности государства. В связи с этим, под **идеологической деятельностью** государства необходимо понимать объективно выраженные действия и мероприятия, проводимые государственными органами, уполномоченными организациями или от их имени в рамках реализации идеологической функции государства.

Отсюда можно сказать, что осуществление идеологической деятельности происходит посредством определенного механизма и имеет свои формы и методы.

Механизм осуществления идеологической деятельности (идеологической функции государства) это совокупность государственных органов, задействованных в осуществлении идеологической функции государства, а также привлеченных для этих целей учреждений, организаций и иных государственных и негосударственных институтов.

Полномочия по осуществлению идеологической функции государства распределены между органами государственной власти по сферам их компетенции. Высшие органы власти, к которым можно отнести Президента Российской Федерации, Федеральное Собрание Российской Федерации и Правительство Российской Федерации, устанавливают основное содержание проводимой политики, в том числе и в идеологической сфере. Так, например, Президент РФ в рамках осуществления идеологической деятельности выступает с ежегодными посланиями к Федеральному Собранию Российской Федерации о положении в стране и об основных направлениях внутренней и внешней политики государств, утверждает военную доктрину и другие документы стратегического планирования.

Нужно сказать, что в Российской Федерации нет специального министерства, ответственного за проведение идеологической и пропагандистской работы, подобного Имперскому Министерству народного просвещения и пропаганды в нацистской Германии. В современном аппарате управления Российской Федерации некоторые министерства и ведомства выполняют идеологическую функцию в той или иной степени. Так, Министерство культуры Российской Федерации имеет возможность влиять на содержание политики в области культуры, формировать патриотическую направленность выходящих в свет произведений искусства и проводимых культурных мероприятий и тому подобное.

Министерство просвещения участвует в реализации образовательной политики государства, утверждает содержание государственных образовательных программ и учебных материалов и пр., тем самым, оказывая прямое влияние на содержание учебной информации, преподаваемой обучающимся с целью формирования общегуманитарных и моральных ценностей, идей патриотизма и уважения к российской истории.

Таким образом, полномочия по осуществлению идеологической деятельности госу-

дарства распределены между органами государственной власти по сферам их компетенции. Высшие органы власти устанавливают основное содержание проводимой политики, а органы исполнительной власти организуют исполнение конкретных мер в этом направлении, координируют подобную работу в субъектах Российской Федерации.

Помимо органов власти, непосредственно входящих в механизм государства, идеологическую деятельность осуществляют и иные субъекты, не являющиеся частью механизма государства, но которым соответствующие полномочия были в определенном смысле «делегированы» со стороны государства:

1. Государственные либо непосредственно связанные с государством средства массовой информации (радио, телевидение, печатная пресса, интернет ресурсы). Государство как лицо, способное оказывать влияние на деятельность того или иного СМИ, имеет возможность транслировать идеологические установки путем формирования редакционной политики, сетки программ или рубрик и т.п.

2. Негосударственные организации, выполняющие определенные мероприятия в рамках осуществления идеологической функции государства, по заказу государственных органов (в том числе на основании государственных контрактов). Необходимость привлечения таких организаций связана с тем, что государственные структуры не обладают достаточной компетенцией в этой сфере, не имеют необходимых технических и информационных средств.

3. Общественные организации, общественные движения и фонды, созданные для достижения общественно полезных целей, в том числе патриотической, культурно-воспитательной и прочих направленностей.

Идеологическая деятельность государства реализуется в установленных формах. Под формами осуществления функций государства понимаются их внешнее выражение, основные контуры и параметры их проявления [6, С. 336]. В качестве таких форм называют правотворческую, правоисполнительную, правоохранительную, организационную.

Правотворческая форма осуществления идеологической деятельности состоит в выполнении законодательной работы на всех уровнях государственной власти. То есть, в законодательстве отражаются основные направления и параметры такой деятельности.

Правоисполнительная форма состоит в реализации государственными органами и иными субъектами законодательных положений, регулирующих выполнение идеологической деятельности, а также издание в рамках своих полномочий правовых актов, направленных на их исполнение.

Правоохранительная форма предполагает создание эффективного механизма пресечения нарушений законодательства в рамках вышеназванной деятельности и применения ответственности за такие проступки.

Организационная форма состоит в фактической деятельности субъектов идеологической деятельности и непосредственно не регулируется законодательством, но в своей реализации не должна противоречить законодательству.

Определенной спецификой идеологической деятельности является применение методов правового регулирования. Обычно в качестве таковых называют методы убеждения и принуждения, но в идеологической деятельности государства преобладает метод убеждения, т.к. сама идеология предполагает убеждающее воздействие на сознание граждан. Метод принуждения реализуется главным образом через правоприменительные акты. Это связано, в первую очередь, с тем, что ч. 1 ст. 15 Конституции РФ [7] устанавливает принцип ее прямого действия. То есть суды вправе применять Конституцию РФ непосредственно при разрешении различных категорий дел.

Убеждение выражено в распространении и разъяснении идеологических принципов Конституции Российской Федерации, определении позитивных целей и последствий в результате реализации тех или иных мер государственной политики с целью формирования общественного согласия по поводу этих мер. Принуждение имеет очень ограниченное применение, например оно связано с признанием незаконными тех или иных правовых норм,

противоречащих идеологическим принципам Конституции РФ, а также установлении юридической ответственности за нарушение запретов нарушения тех или иных принципов.

Таким образом, под идеологической деятельностью государства следует понимать объективно выраженные действия и мероприятия, проводимые государственными органами, уполномоченными организациями или от их имени в рамках реализации идеологической функции государства.

Идеологическая деятельность реализуется посредством определенного механизма, состоящего из государственных органов, задействованных в осуществлении идеологической функции государства, а также привлеченных для этих целей учреждений, организаций и иных государственных и негосударственных институтов.

Формами осуществления идеологической деятельности выступают правотворческая, правоисполнительная, правоохранительная, и организационная, а методами – убеждение и принуждение, где основным является убеждающий способ.

Список литературы

1. Мелехин А. В. Теория государства и права: учеб. / А. В. Мелехин. — М. : Маркет ДС, 2007.
2. Черноголовкин Н.В. Теория функций социалистического государства. М. , 1970.
3. Клименко А.И. Взаимосвязь правового и политического сознания в осуществлении идеологической функции государства. Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005.
4. Буховец А. Н. Идеологическая функция государства: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: Академия управления МВД России. – М., 2002.
5. Бредихин А.Л. Идеологическая функция в системе функций государства // Теория государства и права. 2019. № 4.
6. Марченко М. Н. Теория государства и права: учеб. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2006.
7. Конституция Российской Федерации. - М., 2019.

Сведения об авторах

А.Л. Бредихин - кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России, e-mail: axel_b@mail.ru.

Е.Д. Проценко - доктор юридических наук, профессор кафедры государственного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, e-mail: arrow54@yandex.ru

UDK 321.01

IDEOLOGICAL FUNCTION AND IDEOLOGICAL ACTIVITY OF THE STATE

A.L. Bredikhin

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E.D. Protsenko

Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen

In this article, the author considers the category of ideological activity of the state in the context of correlation with the ideological function of the state, highlights its features. The article defines the ideological activity of the state, examines its forms and methods, as well as the mechanism for carrying out ideological activity, within which the author characterizes its individual links.

Keywords: ideology, ideological function of the state, ideological activity, method of coercion, persuasion.

References

1. Melekhin A. V. *Teoriya gosudarstva i prava: ucheb.* / A. V. Melekhin. — M. : Market DS, 2007.
2. Chernogolovkin N.V. *Teoriya funktsiy sotsialisticheskogo gosudarstva.* M. , 1970.
3. Klimenko A.I. *Vzaimosvyaz' pravovogo i politicheskogo soznaniya v osushchestvlenii ideologicheskoy funktsii gosudarstva.* Dis. ... kand. jurid. nauk. – M., 2005.
4. Bukhovets A. N. *Ideologicheskaya funktsiya gosudarstva: Avtoref. diss. ... kand. jurid. nauk: Akademiya upravleniya MVD Rossii.* – M., 2002.
5. Bredikhin A.L. *Ideologicheskaya funktsiya v sisteme funktsiy gosudarstva // Teoriya gosudarstva i prava.* 2019. № 4.
6. Marchenko M. N. *Teoriya gosudarstva i prava: ucheb.* 2-ye izd., pererab. i dop. M., 2006.
7. *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii.* - M., 2019.

Author`s information

A.L. Bredikhin, Candidate of Law, Senior Lecturer, Department of History of State and Law, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, e-mail: axel_b@mail.ru.

E.D. Protsenko, Doctor of Law, Professor, Department of Public Law, Russian State Pedagogical University A.I. Herzen, e-mail: arrow54@yandex.ru

УДК 34.06:371.1.07

МОДЕЛИРОВАНИЕ ФОРМАЛЬНОЙ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

М.А. Головчин

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»

В статье на основе обобщения теоретического материала предложена авторская модель желательной формальной институционализации правоотношений в системе образования. Определено, что в структуру модели входит образовательная норма, которая устанавливается государством «сверху», но базируется на неформальном правиле (ядро модели); образовательные правоотношения (предмет модели); образовательные агенты (субъект модели); образовательное правосознание (регуляторный механизм). В задачи модели входит не только установление гипотез, диспозиций и санкций формальной нормы, контроль за их исполнением, но и регулирование адаптационного поведения агентов (что очень важно в условиях приобретения институциональной средой образования признаков турбулентности). Материал исследования может быть использован в педагогическом процессе, а также в ходе формирования стратегии развития как региональной системы образования, так и конкретной образовательной организации.

Ключевые слова: формальная институционализация, образовательная норма, образовательные правоотношения, образовательные агенты, образовательное правосознание, модель.

Развитие современного общества и его отдельных подсистем во многом определяет процесс институционализации, под которым обычно понимают систематизацию уже сформировавшегося комплекса общественных отношений путем его трансформации в правила, образцы социальных взаимодействий [1, с. 146-157]. Ряд ученых называют этот процесс «институциональным конструированием» [2]. В его рамках взаимодействуют такие элементы как социальные институты, социокультурные образования, устройство социума, социальные факты, общественные обычаи, образцы мышления, социальные роли и практики [3, с. 98-107] и т.д. Институционализация проходит ряд последовательных этапов: от осознания личностью потребности в чем-либо, распространения этой потребности на все общество, организации совместных усилий, социальных сетей для обеспечения существования и развития данной потребности, ее признания в качестве социально-значимой идеи до создания новой системы статусов и ролей в обществе (социальных конструкторов) [4, с. 62-66].

Первый этап институционализации называется эволюционным (хабитуализация). Он предусматривает адаптацию к новым институтам за счет приобретения устойчивых привычек в рутинных взаимодействиях с окружающей средой [5]. Как следствие наступает взаимная типизация «опривыченных действий» различными агентами [4, с. 62-66]. Т. Веблен связывал эволюцию институтов с функционированием принципа «кумулятивной причинности», согласно которому социально-экономическое развитие характеризуется взаимодействием различных социальных феноменов, усиливающих друг друга [6]. В качестве проявлений эволюционной институционализации ученые приводят развитие в обществе институтов неформальной занятости (А.А.Копытов) [7, с. 251-254], бедности (С.А. Ильиных) [8, с. 57-62], коррупции (Д.Б. Боталова) [9, с. 57-62] и т.д. П. Бергер и Т. Лукман считают, что в результате хабитуализации агенты сохраняют значительную часть жизненной энергии, направляя ее на создание инноваций [10]. При это растет риск распространения неофициальных («теневых») каналов взаимодействия.

Второй этап институционализации – это «революционная институционализация», которая предполагает «импортирование (насаждение) социальных институтов» со стороны государства, установление институциональных ограничений для агентов «сверху» [7, с. 251-254]. В.А. Малыгин считает, что активный импорт институтов является характерной чертой развивающихся стран, которые пытаются перестроить политику и экономику, опираясь прежде всего на передовой опыт [11, с. 31-36]. Импорт институтов характеризуется незави-

симостью от предыдущей траектории развития; резкостью (одномоментностью) трансформационного процесса; возможностью направленного влияния на институты; повышенным риском роста протестных настроений среди агентов [11, с. 31-360]. В ходе революционной институционализации в России появились такие феномены как рынок, предпринимательство, частная собственность, Болонский процесс, Единый государственный экзамен, компетентностный подход в образовании, маркетингизация социальной сферы, эффективный менеджмент и т.д. [12, с. 76-89].

Процесс институционализации на том или ином этапе подразумевает тесное взаимодействие двух типов норм (институций) – формальных (закон и право) и неформальных (обычаи и традиции народов). Данное взаимодействие может обладать признаками комплементарности (взаимодополняемости), аккомодации (приспособления) либо конфликта (табл. 1). Комплементарность и аккомодация более всего проявляются при ведущей роли государства в процессе институционализации (революционная институционализация), конфликт – при ее отсутствии (эволюционная институционализация).

Таблица 1 - Эволюция норм при разном типе взаимодействия в ходе институционализации

Тип нормы	Тип взаимодействия норм		
	Комплементарность	Аккомодация	Конфликт
Формальная	Формальные институты появляются из неформальных, они превращаются из существующих в обществе неформальных привычек, правил и традиций	Присоединение формальных норм к неформальным правилам посредством внедрения новых институтов с сохранением традиционных форм	Параллельное существование формальных и неформальных норм, что может вызывать социальные конфликты, постоянные противоречия
Неформальная	Неформальные правила, установки способствуют формированию формальных, которые в свою очередь вписываются в уже имеющую структуру неформальности	Замена неэффективных формальных норм неформальными, которые стремятся к результатам, совместимым с формальными правилами и процедурами (в этом случае неформальные нормы в обществе начинают играть роль субинститутов)	Подавление неформальных институтов формальными, что может приводить к образованию внутренних противоречий в экономике и угрожать риском социального взрыва

Источники: [13; 14].

Зачастую конфликт между различными типами институций неотвратим, поскольку неофициальные правила формируются на основе норм или процедур, которые не всегда адекватно поддерживаются формальными структурами [15, с. 188-193]. В результате в обществе развиваются неформальные («теневые») отношения, что приводит к возникновению «институциональных ловушек», провоцирующих рост транзакционных издержек на нивелирование сопротивления организационным изменениям среди агентов [12, с. 76-89]. При этом результаты ряда исследований подтверждают, что действие институциональных ловушек в настоящее время особо проявляется в российском образовании [16, с. 789-799].

Таким образом, серьезной исследовательской проблемой является оценка характера и вектора взаимодействия формальных и неформальных институциональных норм. При этом взаимопроникновение институций может протекать лишь при наличии ряда условий. Так, А.М. Чаусовский писал о том, что конвергенция различных норм возможна лишь тогда, когда «тенденция развития социопсихологических и социокультурных неформальных институтов совместима с логикой формальных правил» [17]. Зачастую переводу конфликтного сотрудничества институций в русло комплементарности и аккомодации сопутствует процесс формальной институционализации. Формальная институционализация – это перестройка (декомпозиция) формальных норм разного вида и уровня, выстроенная на основе замещения неформальных традиций [7, с. 251-254]. В рамках действия формальной институционализации возникает особый комплекс общественных отношений, которые принято обозначать термином «правоотношения».

Наукой признано, что общество воспроизводится за счет существования порядка, отраженного в системе формальных институциональных правил (права) [18]. Правовые нормы возникают на основе неформальных правил, но в отличие от них являются осознанными [19, с. 82-86]. В историческом аспекте формализация институциональной среды происходит по мере становления все более сложных обществ, а генезис формальных институтов в человеческом обществе связан, прежде всего, с эволюцией инфраструктуры «правил игры», превращении неформальных рамок в формальные, придании лежащим в их основе общественным нормам силы закона (этот процесс принято называть формализацией) [20, с. 48-52].

Отметим, что, процесс формальной институционализации достаточно нестабилен и меняет свой вектор в зависимости от динамики институциональных изменений. В ряде отраслей экономики эта динамика постоянно наращается (в этом случае формальная институционализация требует регулярной актуализации). Одной из таких отраслей является образование, что подтверждают данные экспертного опроса преподавателей вузов Вологодской области (2019 г.)⁵. Так, по мнению опрошенных экспертов, в российском высшем образовании формальные институты (социальное партнерство, гранты, наукометрия) вполне сосуществуют с неформальными (взаимное цитирование, коррупция, доверие среди преподавателей, профессиональное призвание, кумовство), что в определенной мере сказывается на организации образовательного процесса. При этом, формальные правила и неформальные традиции имеют примерно одинаковое воздействие на функционирование вузов (табл. 2).

Таблица 2 - Мнение экспертов по поводу распространенности ряда институциональных явлений в системе высшего образования (по пятибалльной шкале, где 5 – наиболее распространено, а 1 – наименее распространено)

Институт	Тип института	В российском образовании	В Вашем вузе
Конкуренция за абитуриентов, за распределение государственного задания, гранты	Формальный	3,3	3,4
Профессиональное призвание у преподавателей	Неформальный	2,9	3,4
Наукометрические индикаторы деятельности	Формальный	2,8	3,0
Взаимное цитирование научных публикаций	Неформальный	2,7	2,8
Научная этика, этика научных публикаций	Формальный	2,6	3,2
Доверие в преподавательском коллективе, взаимопомощь	Неформальный	2,6	3,4
Социальное партнерство с организациями экономики / органами власти	Формальный	2,4	2,7
Кумовство, блат, «теневое лоббирование»	Неформальный	1,9	1,2
Коррупция, взяточничество	Неформальный	1,4	0,8

Источник: экспертный опрос преподавателей вузов Вологодской области (N=53).

В ходе опроса также было выявлено, что сосуществование институтов разной природы не всегда имеет мирный характер. В отечественном высшем образовании оно зачастую сопровождается открытым противостоянием как со стороны традиций (24%), так и нововведений (20%). В ходе этого процесса между институтами распределяются роли «реципиентов» и «доноров» [21, с. 43-64]. В рамках распределения ресурсов первые получают все блага, вторые лишаются их и постепенно теряют конкурентоспособность.

В этой связи, в нашем исследовании мы преследуем цель уточнения процесса формальной институционализации, предусматривающей появление образовательных правоотношений в условиях динамичных институциональных изменений. Метод достижения цели –

⁵ Экспертный опрос проведен ВолНЦ РАН в мае-августе 2019 года. В качестве экспертов выступили представители профессорско-преподавательского состава государственных вузов Вологодской области в количестве 53 чел.: ВоГУ – 38% от общей выборки, ЧГУ – 26%, ВГМХА им. Н.В. Верещагина – 16%; ВИПЭ ФСИН России – 20%.

теоретическое моделирование.

Результаты исследования. Вначале постараемся определиться с тем, что будет составлять структуру модели формальной институционализации. В науке существует три подхода, которые сложились в отношении природы формальных норм и их эволюции, – правовой, регуляторный и экономический. Согласно правовому подходу (В.К. Бабаев, Г.А. Кригер, Н.И. Матузова, А.В. Малько, В.И. Дудина, М.А. Коробенкова, С.С. Япаров и др.), формальное правило – это общеобязательное «писанное» правило поведения, которое обеспечивается силой закона (другими словами, правовая норма) [22, с. 63-66]. Согласно регуляторному подходу (А.А. Котельников, Н.В. Митяева, А.И. Василенко, М.В. Максимов, Н.М. Чистяков и др.), формальная норма – это регулятор общественных отношений [23]. Предписание (регулятор) в отличие от правил поведения (закона) не имеет внутреннего логического деления. Экономический подход (Д. Норт, О. Уильямсон, О.А. Баранова, А.Е. Шастико и т.д.) рассматривает формальную норму как ограничитель набора альтернатив в действиях индивидов, которые направлены на решение социально-экономических проблем [18]. О.С. Сухарев считает, что действия формальных норм права связано со снижением общего объема трансакционных издержек экономических объектов за счет упорядочения обменов и коммуникации, тогда как неформальные институты, наоборот, сами по себе выступают своеобразными издержками [24, с. 82-96].

Формальные нормы основаны на «авторитете власти» [25, с. 34-38]; имеют представительско-обязывающий характер [26, с. 49-60]; обеспечены легальной и специализированной защитой со стороны государства [18]; предполагают работу групп лиц, специализирующихся на обеспечении соблюдения юридических норм [27, с. 13-16]; подвержены быстрым изменениям (в отличие от неформальных правил, которые трансформируются крайне медленно) [28, с. 956-963]; обладают строгой иерархичностью [29, с. 63-66]; имеют деперсонифицированный характер, поскольку распространяются как на всех людей в целом, так и на определенную социальную группу [30, с. 97-105].

Необходимо отметить, что формальные нормы в образовании несут в себя признаки правового правила, регулятора общественного поведения и одновременно экономического ограничителя. По мнению Д.А. Ягофарова, специфика образования как органического компонента правового пространства общества отражается на деятельности как участников образовательных отношений (администрации образовательных организаций, педагогов, обучающихся и их родителей), так и на собственно субъектов нормотворчества, в чью компетенцию входит выработка и принятие локальных нормативно-правовых актов [31].

Социальная миссия сферы образования требует особого режима правового регулирования, из-за чего в этой сфере складывается система формальных норм, которая обозначается термином «нормы образовательного права». Одни ученые (В.М. Сырых, В.И. Шкатулла, Ю.А. Тихомиров и др.) признают за образовательным правом роль отдельной отрасли; другие (Д.Е. Петров, Е.А. Суханов, Л.В. Санникова и др.) относят его к «числу комплексных элементов административного и гражданского права» [32, с. 39-55]. Д.А. Ягофаров также говорит об интегративном характере образовательного права, заключающемся в том, что оно аккумулирует в себе возможности различных отраслей [31].

В целом же в соответствии с классификацией А.В. Демина образовательное право подпадает под понятие специализированных (обеспечивающих, производных) нормы – нетипичных правовых предписаний, «нестандартного» характера, которые имеют субсидиарное (вспомогательное) значение [33, с. 95-101]. Они сами не регулируют общественные отношения, а присоединяются к непосредственным правовым регуляторам, поэтому их действие обычно не подкрепляется государственно-принудительными средствами [30, с. 97-105].

В ходе обобщения научной традиции было определено, что образовательное право исследуется с четырех идейных позиций:

1) Как образовательное законодательство, т.е. свод законов соответствующей правовой тематики [31];

2) Как регулятор классических вертикальных отношений «власти-подчинения». Представители этой научной школы пытаются интегрировать понятия «образование» и «административное право», хотя многие образовательные отношения не поддаются юридической классификации [34, с. 53-57].

3) Предмет образовательного права – это духовные блага, т.е. системные, политематические знания, навыки и умения, содержание которых определяется образовательной программой соответствующего уровня и направленности [35, с. 176-178].

4) Комплексное понимание образовательного права: оно затрагивает целый комплекс разных по своей природе правоотношений (педагогических, конституционных, трудовых, управленческих, имущественных, земельных, финансовых, социальных, семейных и т.д.), который обозначается термином «образовательные правоотношения» и является формальной формой проявления любых отношений, возникающих в сфере образования [36].

В начале XX в. американский юрист У.Н. Хохфельд определил четыре фундаментальных правовых отношения, отличая их от физических отношений и мыслительных актов: 1) право-требование; 2) привилегия (свобода); 3) власть; 4) иммунитет [37, с. 16-59]. Образовательные правоотношения аккумулируют в себе признаки всех этих элементов. Вместе с тем, Л.Б. Александрова призывает принципиально отделять друг от друга категории «образовательные правоотношения» и «правоотношения в области образования» [38]. С ее точки зрения, последнее характеризует все виды правовых отношений, существующих в образовательной сфере, а дефиниция «образовательные правоотношения» применяется для обозначения тех правовых взаимодействий, которые составляют непосредственную специфику образовательной сферы, её функции и место в системе процессов и явлений современного гражданского общества [38]. Д.А. Ягофаров в свою очередь выделяет два иных типа образовательных правоотношений: 1) преципионные (первичные, базовые), которые возникают между обучающимися и образовательным учреждением и подтверждается суммой накопленных знаний, компетенций; 2) комиторные (вторичные, обслуживающие), которые возникают на стыке образовательного права и других отраслей (гражданского, трудового, административного, финансового права) [31]. К этой классификации В.В. Спасская добавляет третью категорию – смежные образовательные правоотношения [36]. Это те правоотношения, которые связаны с образовательными, но не тождественны им, поскольку затрагивают интересы не только образовательных агентов. К числу смежных относятся виды правовых связей, которые формируются в процессе регулирования объектов в сфере образования средствами различных отраслей законодательства (административного, гражданского, финансового, трудового) [34, с. 53-57].

Комплексное понимание образовательного права пытается наиболее полно отразить процесс формальной институционализации в системе образования, основываясь на классификации образовательного правоотношения как уникальной межотраслевой категории, для описания и регулирования которой необходимы новые междисциплинарные подходы. Однако, в науке до сих пор до конца не выяснено, каким образом образовательные правоотношения формируют действия и модели поведения образовательных агентов. Для этого в исследовании мы прибегли к теоретическому способу моделирования. Так, нами на основе комплексного подхода была составлена идеальная модель формальной институционализации образовательных правоотношений (рис. 1).

Ядром разработанной модели являются образовательные нормы – специализированные формальные институции, регулирующие права и обязанности в рамках образовательных правоотношений. Нормы образовательного права закреплены в образовательном законодательстве, которое образует сложную, разветвленную и многоуровневую систему правовых документов, регулирующих отношения агентов в соответствующей сфере [39, с. 142-148]. Законодательные акты координируют два процесса – функционирование образовательных систем (базовый документ – Федеральный закон «Об образовании») и их стратегическое развитие (базовый документ – национальный проект «Образование») [40]. В.М. Сырых, сравнивая процедуру правоприменительной практики в образовании и других областях, называет

первую «максимально упрощенной», но достаточно эффективной [41]. В модели предусмотрено, что образовательные нормы базируются на определенном неформальном правиле и поддерживают его действие силой государственного принуждения (а не только авторитетом общества). К примеру, обязанность работников образовательной организации уважать честь и достоинство обучающихся основывается на правилах морали и нравственности; право преподавателей свободно выражать свое мнение – на «неписанных» правилах профессиональной этики и т.п.

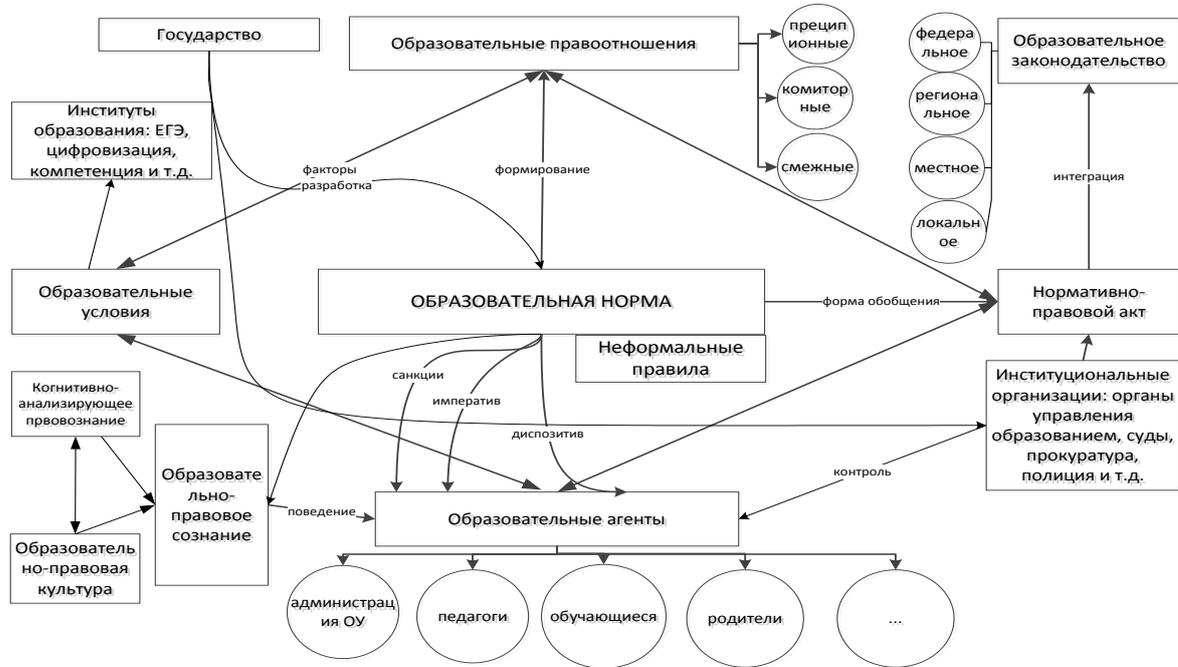

Рисунок 1 - Теоретическая модель формальной институционализации в системе образования

Источник: разработано автором.

Как и большинство исследователей (среди которых Н. П. Томашевский, А. Ф. Черданцев, О.В. Берг, В.И. Леушин, М. С. Строгович, П.Е. Недбайло, А.И. Илалутдинов, С.В. Башно и др.) мы рассматриваем образовательную норму как классическую «трехчленную» структуру, состоящую из элементов гипотезы (обстоятельств, при наличии которых действует / не действует норма), диспозиции (права и обязанности по данной норме) и санкции (определенные правовые последствия за нарушение нормы) [42, с.37-49].

Предметная часть модели – это образовательные правоотношения как принципиально новая юридическая конструкция интерактивного типа [36]. Правовые отношения в модели предполагают разные типы связей: а) индивидуализированную (когда участники правоотношений определены поименно); б) волевою (когда правовые отношения становятся возможными в результате волеизъявления их участников – всех или одной из сторон) [41].

Образовательные отношения характеризуются следующей совокупностью отличительных черт: длящийся характер; многоаспектность; наличие устойчивой связи между всеми стадиями учебного процесса; многосубъектность (многосторонность); непосредственно-представительный характер; духовность; интерактивность; направленность на развитие и саморазвитие всех участников образовательного процесса без исключения [36].

Вслед за Л.Б. Александровой в образовательные правоотношения мы включаем преципионные связи, а также комиторные и смежные вопросы, напрямую не связанные с реализацией права населения на образование, но регулирующие формирование образовательных условий [44]. Подобным образом образовательные правоотношения создают факторы для

развития в образовательных организациях новых институтов – цифровизации, наукометрии и т.д. Сотрудничество в каждой из групп участников образовательных отношений формирует соответствующие правоотношения. Взаимодействие между обучающимся и педагогом приводит к появлению преципионные правоотношений, взаимодействие между административными, педагогическими работниками и родителями – к появлению комиторных (прием на работу педагогических работников, заключение хозяйственных договоров на поставку учебного оборудования, оплаты труда персонала, налогового режима деятельности образовательных организаций и т.п.) и смежных связей (вопросы финансирования деятельности образовательных организаций за счет государственного бюджета, средств обучающихся или третьих лиц).

В субъектную часть модели входят участники образовательных правоотношений – образовательные агенты, в роли которых могут выступать: администрация образовательной организации; педагоги, осуществляющие образовательную деятельность; иные работники образовательных организаций; обучающиеся и их родители; а также заинтересованные стороны – представители органов власти и управления, социальные партнеры образовательных организаций, спонсоры, заказчики образовательных услуг, работники центров коллективного пользования (на них распространяются нормы смежного права) [12, с. 76-89].

В теории любые правоотношения носят двусторонний характер, поскольку их сторонами являются: а) управомоченное лицо (имеющее право / права); б) обязанное лицо (имеющее обязанность обеспечить реализацию права / прав) [43, с. 78-89]. На деле же в рамках образовательных правоотношений эти категории являются весьма гибкими и перетекают друг в друга. Так, административные работники могут выполнять функции педагогов, а педагоги становятся управомоченными лицами (в связи с исполнением своих профессиональных обязанностей они также наделяются трудовыми правами).

Специфика образовательных правоотношений выражается в особых требованиях, предъявляемых к агентам. Наиболее сложный комплекс прав и обязанностей (включающий в себя академические и трудовые свободы) характеризует педагогических работников. В их случае реализация образовательных правоотношений сопровождается высокой степенью ответственности за результаты профессиональной деятельности. Для правового статуса педагогического работника характерны властные полномочия, связанные с организацией и проведением учебных занятий и промежуточной аттестацией обучающихся. При этом степень ответственности педагогов наиболее тяжела, поскольку санкции образовательной нормы отражаются на результатах аттестации на соответствие занимаемой должности [41].

Несовершеннолетние обучающиеся обладают сравнительно меньшими полномочиями, поскольку их законными представителями являются родители, которые защищают их права. При этом возникновение дееспособности у обучающихся происходит в наиболее раннем возрасте по сравнению со сроками ее возникновения в других отраслях права [41]. Степень их ответственности соответственно невысока (предполагается лишь дисциплинарное взыскание). Право граждан на образование обычно сочетается с обязанностью получить это образование (особенно в школьном возрасте). В отличие от других отраслей образовательное право охраняет и защищает образовательные отношения не только общеправовыми, но и собственными средствами (это не в последнюю очередь касается широкого спектра санкций воспитательного и общественного воздействия, никак не связанных с государственным принуждением как таковым) [41].

Права, обязанности и ответственность администрации образовательных организаций напрямую связаны с действиями других агентов, а не только ее самой. Для ведения образовательной деятельности организация должна иметь лицензию; к руководящим постам (как и к преподаванию) не допускаются лица, которым она запрещена по приговору суда или по медицинским показаниям [41].

Каждая из сторон образовательных отношений имеет свои права, обязанности и несет ответственность за их соблюдение. Полномочия образовательных агентов закреплены в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» (табл. 3).

Таблица 3 - Нормы, закрепленные в образовательном законодательстве Российской Федерации [45]

Субъект	Права	Обязанности	Ответственность
Администрация образовательной организации	Проведение подготовки научных кадров Осуществление научной (творческой) деятельности Осуществление консультационно-просветительской деятельности, деятельность в сфере охраны здоровья граждан	Обеспечение реализации образовательных программ Создание безопасных условий обучения, воспитания, присмотра и ухода Соблюдение прав и свобод обучающихся, их родителей (законных представителей), работников образовательной организации	В соответствии с Кодексом РФ об административных правонарушениях
Обучающиеся	Получение образования Обжалование мер дисциплинарного взыскания	Добросовестное освоение образовательной программы Выполнение требований устава образовательной организации и правил внутреннего распорядка Забота о сохранении и укреплении своего здоровья, стремление к нравственному, духовному и физическому развитию, самосовершенствованию Уважение чести и достоинства других обучающихся и работников образовательной организации Бережное отношение к имуществу образовательной организации	Меры дисциплинарного взыскания (замечание, выговор, отчисление из образовательной организации). Однако они не применяются к обучающимся по программам дошкольного образования и детям с ограниченными возможностями здоровья
Родители (законные представители)	Выбор для ребенка формы получения образования, образовательной организации, языка обучения, факультативных и элективных учебных предметов, курсов, дисциплин (модулей) Предоставление ребенку общего образования в семье Ознакомление с уставом образовательной организации и другими учредительными документами Ознакомление с содержанием образования, методами обучения и воспитания, образовательными технологиями, оценками успеваемости своих детей Защита прав и законных интересов обучающихся Получение информации о всех видах планируемых обследований обучающихся (медико-биологических, психологических и т.д.), их согласование, присутствие во время обследований Принятие участия в управлении образовательной организацией	Обеспечение получения детьми общего образования Соблюдение правил внутреннего распорядка образовательной организации Уважение чести и достоинства обучающихся и работников образовательной организации	Предусмотренная законодательством РФ (не конкретизировано)
Педагогические работники образовательной организации	Занятие педагогической деятельностью Академические права и свободы: свобода преподавания, выражение профессионального мнения, выбора и использования средств, методов обучения и воспитания; право на творческую инициативу, выбор учебников и средств обучения, на участие	Осуществление профессиональной деятельности на высоком уровне Соблюдение правовых, нравственных и этических норм Уважение к чести и достоинству других участников образовательных отношений Развитие у обучающихся познавательной активности, самостоятельности, инициативы, творческих способностей и т.п.	Предусмотренная федеральными законами (не конкретизировано). Санкции учитываются при прохождении аттестации на соответствие занимаемой должности

	<p>в разработке образовательных программ, осуществление научной (творческой) деятельности и т.д. Трудовые права и социальные гарантии: право на сокращенную продолжительность рабочего времени, дополнительное профессиональное образование, ежегодный оплачиваемый отпуск, досрочное назначение страховой пенсии по старости, предоставление жилых помещений вне очереди и т.д.</p>	<p>Применение педагогически обоснованных и обеспечивающих высокое качество образования форм, методов обучения и воспитания Учет особенностей психофизического развития обучающихся и состояния их здоровья Систематическое повышение своего профессионального уровня Прохождение аттестации на соответствие занимаемой должности, обучения и проверки знаний и навыков в области охраны труда, а также периодических медицинских осмотров Соблюдение устава образовательной организации и правил внутреннего трудового распорядка</p>	
--	--	---	--

Регуляторная часть модели включает в себя образовательное правосознание, которое определяет поведение агентов в отношении требований формальных норм. Д.А. Ягофаров называет образовательным правосознанием «форму общественного сознания и общественно-интеллектуальную форму бытия образовательного права» [31]. О.А. Гулевич считает его «механизмом регулирования образовательных правоотношений» [46]. Мы, опираясь на идеи Е.Е. Гавриной и Т.А. Симаковой, связываем феномен правосознания с осознанием образовательных агентов себя в качестве субъектов образовательных правоотношений [47, с. 127-132].

Правосознание формируется у участников образовательных правоотношений не всегда, а под действием ряда факторов: обеспечение открытого характера образовательных организаций (доступность информации о работе организации, свобода обучающихся / родительской общественности в участии в нормотворчестве и государственно-общественном самоуправлении, налаженный диалог родителей с административными работниками); организация в учебном заведении развивающей предметно-пространственной среды [48, с. 7-13].

Образовательное правосознание очень тесно взаимодействует со сферами морали и нравственности образовательных агентов, проявляется в ходе исполнения прав и обязанностей, но при этом характеризуется преемственностью опыта предыдущих поколений [48, с. 7-13]. Среди его функций ученые выделяют следующие: телеологическую (целеполагание образовательных агентов), генерационную (формирование деятельностных мотивов агентов), праксеологическую (формирование опыта правосознания агентов), когнитивную (формирование знаний о нормах образовательного права) [49; 50] и т.д. Помимо этого образовательное правосознание (благодаря своей телеологической функции) формирует в личностной сфере образовательного агента следующие структуры – правопознавательный блок, эмоционально-образный блок (на нем лежит оценочная нагрузка), волевой блок (определяет тип поведения в рамках образовательных правоотношений) [49, с. 873-892].

В нашей модели в структуру образовательного правосознания входят два элемента: 1) когнитивно-анализирующее правосознание: уровень правовой информированности образовательных агентов, их правовая грамотность и т.п.; 2) правовая культура участников образовательных правоотношений: эмоционально окрашенное оценочное отношение к праву, правопорядку, соответствующие ценностные установки, непосредственные действия человека, его поведение в различных правовых ситуациях [51, с. 256-260] и т.п. Оба этих элемента в ходе взаимодействия друг с другом, взаимодополнения элементами образуют целостное образовательное правосознание агентов. В результате образовательное правосознание как конструкт представляет собой комплекс объективных знаний участников образовательных правоотношений о нормах образовательного права; представлений и убеждений агентов в отношении образовательных норм; чувств и эмоций, определяющие социально-правовые ориентации образовательных агентов, их правовые ценности и оценки; личностные и социальные установки населения в отношении института образования [31].

Таким образом, в содержании образовательно-правового сознания находят отражение отношение агентов к нормам образовательного права как социальному регулятору. Другими словами, оно возводит образовательное право в ранг жизненной ценности образовательных агентов и определяет их поведение в отношении институциональных нововведений (факторы для развития которых формируют образовательные правоотношения).

Заключение. В рамках исследования на основе обобщения научной традиции представлена оригинальная теоретическая модель протекания процесса формальной институционализации в системе образования. Модель состоит из нескольких уровней: ядра (образовательной нормы, базирующейся на неформальном правиле); предмета (образовательные правоотношения); субъекта (образовательные агенты) и регулятора (образовательное правосознание).

В модели отражено авторское понимание образовательного права как интегративной отрасли, которая опирается на специализированные формальные нормы, регулирующие образовательные правоотношения (предметный состав образовательного права), которые реализуют образовательные агенты, имеющие особый правовой статус (субъектный состав образовательного права), и заинтересованные (смежные) стороны. В разработанной модели предусмотрен особый императивно-диспозитивный метод правового регулирования, который применяется в форме сочетания централизованного нормотворчества с локальным, что позволяет улучшить правовой статус участников образовательных отношений, приспособившая общие нормы к специфике отдельной образовательной организации [41].

В данной модели помимо прочего учтены дополнительные институциональные связи, возникающие между участниками образовательных правоотношений: 1) «норма-агент»: нормы права формируют образовательное правосознание и образовательно-правовую культуру, которые в свою очередь влияют на ценности агентов и их образ жизни (отметим, что подобная связь реализуется только при условии безукоризненного доверия агентов к норме); 2) «государство-норма»: разработка нормы и ее поддержание в рамках институциональной системы; 3) «правоотношения-институт»: образовательные правоотношения формируют институциональные факторы, необходимые для поддержания жизнедеятельности того или иного образовательного института (нормативное подушевое финансирование, ФГОС, лицензирование, цифровизация, ЕГЭ и т.д.); 4) «институциональные организации-агенты»: институциональные организации (управленческие структуры, контрольно-ревизионные, правоохранительные органы, прокуратора, суды и т.п.) осуществляют контроль за соблюдением формальной нормы, функцию которого им перепоручает государство.

Содержание формальной институционализации в данной модели сводится к замещению нестабильных неформальных отношений формальными по «гибкому» сценарию – не за счет ужесточения требований, санкций и соответствующего контроля, а в рамках формирования пространства правосознания и правовой культуры для всех образовательных агентов. Таким образом, образовательная норма целенаправленно воздействует на организационную культуру участников образовательных правоотношений. Однако для этого необходим ряд предпосылок. Так, в рамках образовательного нормотворчества следует предусмотреть, что в части гипотезы и диспозиции формальная норма должна: а) опираться на существующее неформальное правило, развивать позитивные неформальные практики, традиции, а не противоречить им; б) предусматривать временной лаг адаптации агентов (так внедрение нормы должно быть поэтапным, а не мгновенным).

Модель описывает идеальный вариант функционирования образовательной системы, обладающей признаками формальности. При этом аналогичный комплекс связей поддерживается и неформальными нормами (только с меньшим влиянием государства и институциональных организаций). Нарушение (разрыв) тех или иных институциональных связей в модели приведет к возникновению институциональных ловушек и обострению проблематики нормативно-правового поля образовательной сферы.

Модель имеет типовую структуру, но может быть уточнена и адаптирована к условиям конкретной образовательной организации.

Список литературы

1. Логинова Л.В. Механизм институционализации интересов: сущность и роль в модернизации общества // *Философия и общество*. 2008. № 4. С. 146–157.
2. Багдасарян И.С., Миронова Е.С. Импорт институтов в российской экономике // *Постулат*. 2017. №2. URL: <http://www.e-postulat.ru/index.php/Postulat/article/viewFile/387/406> (дата обращения: 15.04.2020).
3. Давыденкова А.Г., Туфанов А.О. Институционализация социокультурной и экономической жизни общества: социально-философские аспекты // *Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина*. 2011. №4. С. 98-107.
4. Лукашенок И.В. Социологические исследования процессов институционализации // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. 2012. №3. С. 62-66.
5. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y-теорию. СПб.: Нестор-История, 2014. 468 с.
6. Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. 367 с.
7. Копытов А.А. Этапы институционализации неформальной занятости в России // *Вестник КГУ*. 2007. №2. С. 251-254.
8. Ильиных С.А. Хабитуализация бедности // *Теория и практика общественного развития*. 2012. №5. С. 57-62.
9. Боталова Д.Б. Неинституциональный анализ политической коррупции в российской политической системе // *Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева*. 2011. №2. С. 228-232.
10. Berger, P. L., Luckmann, T. *The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge*. 1966. 249 p.
11. Мальгин В. А. Импорт институтов и критерии оценки его эффективности // *Актуальные проблемы экономики и права*. 2007. №1 (1). С. 31-36.
12. Головчин М.А. Институциональная среда социальной подсистемы региона: теоретико-методологические предпосылки исследования // *Экономика. Социология. Право*. 2019. № 2 (14). С. 76-89.
13. Шарыгина Л.В. Роль неформальных институтов в российской экономике // *NOVAINFO.RU*. 2017. Т. 1. №68. С. 148-153;
14. Хелмеке Г., Левитски С. Неформальные институты и сравнительная политика // *Прогнозис*. 2007. № 2. С. 188–211.
15. Харчилава Х.П. Роль формальных и неформальных институтов в российской экономике // *Вестник ГУУ*. 2014. №11. С. 188-193.
16. Жук А.А. Институциональные ловушки в сфере высшего образования // *Актуальные проблемы экономики и права*. 2018. №4 (48). С. 789-799.
17. Чаусовский А. *Формальное и неформальное в экономике*. Донецк, 2001. 206 с.
18. Шаститко А.Е. *Новая институциональная экономическая теория*. М., 2002. 591 с.
19. Баранова О.А. Конфликт формальных и неформальных норм: противостояние или урегулирование разногласий? // *Вестник ЗабГУ*. 2015. №5 (120). С. 82-86.
20. Маннаков Т.В. Противоречия формальных и неформальных институтов малого бизнеса российской экономики // *Интеллект. Инновации. Инвестиции*. 2013. №3. С. 48-52.
21. Балацкий Е.В. Мутации и мимикрия экономических институтов // *Свободная мысль*. 2006. №6 (1568). С. 43-64.
22. Ильич О.А. Институциональная среда взаимодействия государства и частного бизнеса // *Экономика и управление*. 2011. №1(25). С. 63-66.
23. Максимов М.В., Чистяков Н.М., Василенко А.И. *Теория государства и права*. М.: Книжный мир, 2007. 384 с.
24. Сухарев О.С. Теория трансакционных издержек: снятие «искусственных парадоксов» // *Журнал экономической теории*. 2016. №1. С. 82-96.
25. Котельников А.А., Митяева Н.В. Формальные институты как разновидность опе-

- каемых благ // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2012. №3 (42). С. 34-38.
26. Бошно С.В. Норма права: понятия, свойства, классификация и структура // Право и современные государства. 2014. №4. С. 49-60.
27. Бондар И. А. Взаимодействие формальных и неформальных институтов в процессе трансформации экономических отношений // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2010. №5. С. 13-16.
28. Носков В.А., Михаленок Н.О. Проблемы управления развитием формальных институтов // Известия Самарского научного центра РАН. 2006. №4. С. 956-963.
29. Япаров С.С. Влияние формальных и неформальных институтов на экономическое развитие // Известия СПбГЭУ. 2016. №5 (101). С. 173-177.
30. Шамаров В.М. Норма права: понятие, содержание, классификация // Вестник Екатеринбургского института. 2014. №4 (28). С. 97-105.
31. Ягофаров Д.А., Хридина Н.Н., Васильченко Е.А. Образовательное нормотворчество и кодификация российского законодательства об образовании. Екатеринбург: Уральское издательство, 2007. 282 с.
32. Уфимцева Е.В. Статус образовательного права как элемента системы российского права: генезис теоретических воззрений и современная доктрина // Genesis: исторические исследования. 2016. №2. С. 39-55. DOI: 10.7256/2409-868X.2016.2.18232
33. Демин А.В. Регулятивные и охранительные нормы налогового права: проблемные вопросы соотношения и взаимодействия // Вестник Пермского университета. 2010. Вып. 4 (10). С. 95-101.
34. Ашенова Т.М. Образовательное право в понимании отечественных юристов // Научный вестник Омской академии МВД России. 2011. №1. С. 53-57.
35. Ибрагимов М.Г. Основные характеристики правового регулирования отношений в сфере образования // Казанский педагогический журнал. 2014. № 4 (105). С. 176-181.
36. Спасская В.В. Правовое регулирование образовательных отношений: проблемы теории и практики. М.: Поматур, 2012. 606 с.
37. Hohfeld W.N. Some Fundamental Legal Conceptions as Applied in Judicial Reasoning // Yale Law Journal. 1913. Vol. 23. P. 16-59.
38. Юсупов В.А., Братановский С.Н., Александрова Л.Б. Теоретико-правовые проблемы образовательного права в России. Волгоград: Издательство Волгоградского института экономики, социологии и права, 2005. 19 с.
39. Барабанова С. Образовательное законодательство (проблемы кодификации) // Высшее образование в России. 2004. №9. С. 142-148.
40. Соловова Н.В., Николаева С.В., Дмитриев Д.С. Нормативно-правовое обеспечение высшего образования. Самара: Самарский университет, 2016. 68 с.
41. Сырых В.М. Введение в теорию образовательного права. М. 2002. 340 с.
42. Илалутдинов А.И. Элементы нормы права и их внутреннее строение // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2012. №1. С. 37-49.
43. Вопленко Н.Н. Правовые отношения: понятие и классификация // Вестник ВолГУ. Серия 5. 2003-2004. Вып. 6. С. 76-89.
44. Юсупов В.А., Братановский С.Н., Александрова Л.Б. Теоретико-правовые проблемы образовательного права в России. – Волгоград : Волгоградский ИЭСИП, 2005. 192 с.
45. Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 16.04.2020).
46. Гулевич О. А. Психологические аспекты юриспруденции: учебное пособие. - М.: Московский психолого-социальный институт, 2006. 512 с.
47. Гаврина Е.Е., Симакова Т.А. Индивидуальное правосознание как личностный феномен в контексте образовательной деятельности // Человек: преступление и наказание. 2016. №1 (92). С. 127-132.

48. Масесьянц Е.П. Правосознание, правовая грамотность и правовая культура // Аксиома: актуальные аспекты гуманитарных наук. 2017. №4 (8). С. 7-13.
49. Певцова Е.А. Функции правосознания учащейся молодежи: состояние и проблемы развития // Lex Russica (Русский закон). 2006. №65. С. 873-892.
50. Гаврина Е.Е., Симакова Т.А. Индивидуальное правосознание как личностный феномен в контексте образовательной деятельности // Человек: преступление и наказание. 2016. №1 (92). С. 127-132.
51. Степанов О.В., Самыгин С.И., Самыгин П.С. Образовательное право и проблемы формирования правосознания российской учащейся молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. №3-1. С. 256-260.

Сведения об авторе

Головчин Максим Александрович – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Вологодского научного центра Российской академии наук, mag82@mail.ru

UDK 34.06: 371.1.07

MODELING FORMAL INSTITUTIONALIZATION OF EDUCATIONAL RELATIONS

M.A. Golovchin

Federal State Budgetary Institution of Science
«Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences»

Based on a synthesis of theoretical material, the author proposes an author's model of desirable formal institutionalization of legal relations in the education system. It is determined that the educational norm is included in the structure of the model, which is established by the state “from above”, but is based on an informal rule (the core of the model); educational legal relations (model subject); educational agents (model subject); educational legal awareness (regulatory mechanism). The model's tasks include not only the establishment of hypotheses, dispositions and sanctions of the formal norm, control over their implementation, but also the regulation of the adaptive behavior of agents (which is very important in the conditions of the acquisition of signs of turbulence by the institutional environment). The research material can be used in the pedagogical process, as well as during the formation of the development strategy of both the regional education system and a specific educational organization.

Keywords: formal institutionalization, educational norm, educational legal relations, educational agents, educational legal awareness, model.

References

1. Loginova L.V. Mekhanizm institutsionalizatsii interesov: sushchnost' i rol' v modernizatsii obshchestva // Filosofiya i obshchestvo. 2008. № 4. S. 146–157.
2. Bagdasaryan I.S., Mironova Ye.S. Import institutov v rossiyskoy ekonomike // Po-stulat. 2017. №2. URL: <http://www.e-postulat.ru/index.php/Postulat/article/viewFile/387/406> (data obrashcheniya: 15.04.2020).
3. Davydenkova A.G., Tufanov A.O. Institutsionalizatsiya sotsiokul'turnoy i ekonomicheskoy zhizni obshchestva: sotsial'no-filosofskiye aspekty // Vestnik LGU im. A.S. Pushkina. 2011. №4. S. 98-107.
4. Lukashonok I.V. Sotsiologicheskiye issledovaniya protsessov institutsionalizatsii // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki. 2012. №3. S. 62-66.
5. Kirdina S.G. Institutsional'nyye matritysy i razvitiye Rossii: vvedeniye v KH-Y-teoriyu. SPb. : Nestor-Istoriya, 2014. 468 s.
6. Veblen T. Teoriya prazdnogo klassa. M.: Progress, 1984. 367 s.

7. Kopytov A.A. Etapy institutsionalizatsii neformal'noy zanyatosti v Rossii // Vestnik KGU. 2007. №2. S. 251-254.
8. Il'inykh S.A. Khabitualizatsiya bednosti // Teoriya i praktika obshchestvennogo raz-vitiya. 2012. №5. S. 57-62.
9. Botalova D.B. Neoinstitutsional'nyy analiz politicheskoy korruptsii v rossiyskoy politicheskoy sisteme // Vestnik KGPU im. V.P. Astafyeva. 2011. №2. S. 228-232.
10. Berger, P. L., Luckmann, T. The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge. 1966. 249 p.
11. Mal'gin V. A. Import institutov i kriterii otsenki yego effektivnosti // Aktu-al'nyye problemy ekonomiki i prava. 2007. №1 (1). S. 31-36.
12. Golovchin M.A. Institutsional'naya sreda sotsial'noy podsistemy regiona: teore-tiko-metodologicheskiye predposylki issledovaniya // Ekonomika. Sotsiologiya. Pravo. 2019. № 2 (14). S. 76-89.
13. Sharygina L.V. Rol' neformal'nykh institutov v rossiyskoy ekonomike // NOVAIN-FO.RU. 2017. T. 1. №68. S. 148-153;
14. Khelmeke G., Levitski S. Neformal'nyye instituty i sravnitel'naya politika // Prognosis. 2007. № 2. S. 188–211.
15. Kharchilava KH.P. Rol' formal'nykh i neformal'nykh institutov v rossiyskoy eko-nomike // Vestnik GUU. 2014. №11. S. 188-193.
16. Zhuk A.A. Institutsional'nyye lovushki v sfere vysshego obrazovaniya // Aktual'-nyye problemy ekonomiki i prava. 2018. №4 (48). S. 789-799.
17. Chausovskiy A. Formal'noye i neformal'noye v ekonomike. Donetsk, 2001. 206 s.
18. Shastitko A.Ye. Novaya institutsional'naya ekonomicheskaya teoriya. M., 2002. 591 s.
19. Baranova O.A. Konflikt formal'nykh i neformal'nykh norm: protivostoyaniye ili uregulirovaniye raznoglasiy? // Vestnik ZabGU. 2015. №5 (120). S. 82-86.
20. Mannakov T.V. Protivorechiya formal'nykh i neformal'nykh institutov malogo biznesa rossiyskoy ekonomiki // Intellekt. Innovatsii. Investitsii. 2013. №3. S. 48-52.
21. Balatskiy Ye.V. Mutatsii i mimikriya ekonomicheskikh institutov // Svobodnaya mysl'. 2006. №6(1568). S. 43-64.
22. Il'ich O.A. Institutsional'naya sreda vzaimodeystviya gosudarstva i chastnogo biznesa // Ekonomika i upravleniye. 2011. №1(25). S. 63-66.
23. Maksimov M.V., Chistyakov N.M., Vasilenko A.I. Teoriya gosudarstva i prava. M.: Knizhnyy mir, 2007. 384 s.
24. Sukharev O.S. Teoriya transaktsionnykh izderzhok: snyatiye «iskusstvennykh paradok-sov» // Zhurnal ekonomicheskoy teorii. 2016. №1. S. 82-96.
25. Kotel'nikov A.A., Mityayeva N.V. Formal'nyye instituty kak raznovidnost' ope-kayemykh blag // Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo univer-siteta. 2012. №3 (42). S. 34-38.
26. Boshno S.V. Norma prava: ponyatiya, svoystva, klassifikatsiya i struktura // Pravo i sov-remennyye gosudarstva. 2014. №4. S. 49-60.
27. Bondar I. A. Vzaimodeystviye formal'nykh i neformal'nykh institutov v protsesse trans-formatsii ekonomicheskikh otnosheniy // Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta. 2010. №5. S. 13-16.
28. Noskov V.A., Mikhaleuk N.O. Problemy upravleniya razvitiyem formal'nykh in-stitutov // Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN. 2006. №4. S. 956-963.
29. Yaparov S.S. Vliyaniye formal'nykh i neformal'nykh institutov na ekonomicheskoye razvitiye // Izvestiya SPbGEU. 2016. №5 (101). S. 173-177.
30. Shamarov V.M. Norma prava: ponyatiye, sodержaniye, klassifikatsiya // Vestnik Yeka-terininskogo instituta. 2014. №4 (28). S. 97-105.
31. Yagofarov D.A., Khridina N.N., Vasil'chenko Ye.A. Obrazovatel'noye normotvorchest-vo i kodifikatsiya rossiyskogo zakonodatel'stva ob obrazovanii. Yekaterinburg: Ural'skoye iz-datel'stvo, 2007. 282 s.

32. Ufimtseva Ye.V. Status obrazovatel'nogo prava kak elementa sistemy rossiyskogo prava: genezis teoreticheskikh vozzreniy i sovremennaya doktrina // Genesis: istoricheskiye issledovaniya. 2016. №2. S. 39-55. DOI: 10.7256/2409-868X.2016.2.18232
33. Demin A.V. Regulyativnyye i okhranitel'nyye normy nalogovogo prava: problemnyye voprosy sootnosheniya i vzaimodeystviya // Vestnik Permskogo universiteta. 2010. Vyp. 4 (10). S. 95-101.
34. Ashenova T.M. Obrazovatel'noye pravo v ponimanii otechestvennykh yuristov // Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii. 2011. №1. S. 53-57.
35. Ibragimov M.G. Osnovnyye kharakteristiki pravovogo regulirovaniya otnosheniy v sfere obrazovaniya // Kazanskiy pedagogicheskiy zhurnal. 2014. № 4 (105). S. 176-181.
36. Spasskaya V.V. Pravovoye regulirovaniye obrazovatel'nykh otnosheniy: problemy teorii i praktiki. M.: Pomatur, 2012. 606 s.
37. Hohfeld W.N. Some Fundamental Legal Conceptions as Applied in Judicial Reasoning // Yale Law Journal. 1913. Vol. 23. P. 16-59.
38. Yusupov V.A., Bratanovskiy S.N., Aleksandrova L.B. Teoretiko-pravovyye problemy obrazovatel'nogo prava v Rossii. Volgograd: Izdatel'stvo Volgogradskogo instituta ekonomiki, sotsiologii i prava, 2005. 19 s.
39. Barabanova S. Obrazovatel'noye zakonodatel'stvo (problemy kodifikatsii) // Vyssheye obrazovaniye v Rossii. 2004. №9. S. 142-148.
40. Solovova N.V., Nikolayeva S.V., Dmitriyev D.S. Normativno-pravovoye obespecheniye vysshego obrazovaniya. Samara: Samarskiy universitet, 2016. 68 s.
41. Syrykh V.M. Vvedeniye v teoriyu obrazovatel'nogo prava. M. 2002. 340 s.
42. Ilalutdinov A.I. Elementy normy prava i ikh vnutrenneye stroeniye // Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki. 2012. №1. S. 37-49.
43. Voplenko N.N. Pravovyye otnosheniya: ponyatiye i klassifikatsiya // Vestnik VolGU. Seriya 5. 2003-2004. Vyp. 6. S. 76-89.
44. Yusupov V.A., Bratanovskiy S.N., Aleksandrova L.B. Teoretiko-pravovyye problemy obrazovatel'nogo prava v Rossii. – Volgograd : Volgogradskiy IESiP, 2005. 192 s.
45. Federal'nyy zakon ot 29.12.2012 g. № 273-FZ «Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (data obrashcheniya: 16.04.2020).
46. Gulevich O. A. Psikhologicheskiye aspekty yurisprudentsii: uchebnoye posobiye. - M.: Moskovskiy psikhologo-sotsial'nyy institu t, 2006. 512 s.
47. Gavrina Ye.Ye., Simakova T.A. Individual'noye pravosoznaniye kak lichnostnyy fenomen v kontekste obrazovatel'noy deyatel'nosti // Chelovek: prestupleniye i nakazaniye. 2016. №1 (92). S. 127-132.
48. Mases'yants Ye.P. Pravosoznaniye, pravovaya gramotnost' i pravovaya kul'tura // Aksioma: aktual'nyye aspekty gumanitarnykh nauk. 2017. №4 (8). S. 7-13.
49. Pevtsova Ye.A. Funktsii pravosoznaniya uchasheysya molodezhi: sostoyaniye i problemy razvitiya // Lex Russica (Russkiy zakon). 2006. №65. S. 873-892.
50. Gavrina Ye.Ye., Simakova T.A. Individual'noye pravosoznaniye kak lichnostnyy fenomen v kontekste obrazovatel'noy deyatel'nosti // Chelovek: prestupleniye i nakazaniye. 2016. №1 (92). S. 127-132.
51. Stepanov O.V., Samygin S.I., Samygin P.S. Obrazovatel'noye pravo i problemy formirovaniya pravosoznaniya rossiyskoy uchasheysya molodezhi // Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki. 2015. №3-1. S. 256-260.

About the author

Golovchin Maksim Aleksandrovich – candidate in economics, senior researcher of Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, mag82@mail.ru

УДК 347.65/68

МЕСТО НАСЛЕДСТВЕННОГО ДОГОВОРА СРЕДИ РАСПОРЯЖЕНИЙ НА СЛУЧАЙ СМЕРТИ

Т.Н. Малая, А.А. Челмакина

ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н. П. Огарёва»

В статье рассматриваются положения о наследственном договоре как основания наследования, а также его место среди завещательных распоряжений. В Российской Федерации наследственный договор, по своей сути, представляет третье основание наследования, наряду с завещанием и наследованием по закону. Данное основание создает дополнительные возможности по распоряжению гражданами своим имуществом на случай смерти, что в перспективе должно положительно отразиться на развитии гражданско-правовых отношений. В связи с этим, рассмотрение правовой природы наследственного договора является актуальной.

Ключевые слова: наследственный договор, наследование, завещание, наследник, распоряжения на случай смерти.

Субъективное право собственности включает в себя, как известно, три правомочия: владение, пользование и распоряжение. В отличие от публичных образований и юридических лиц гражданин, осуществляя свое субъективное право, может определить судьбу своего имущества на случай смерти, оставив оформленное надлежащим образом распоряжение. Еще в начале XX вв. известный цивилист Г. Ф. Шершеневич отмечал, что «основаниями, в силу которых происходит переход имущества от одного лица к другому, могут быть: завещание, договор, закон» [12]. В первых двух случаях в основании наследования лежит «воля» наследодателя, в последнем – постановление закона.

Однако, в современной России до недавнего времени такое распоряжение могло быть только единоличным. Фактически до введения в 2019 году изменений в Гражданский кодекс РФ, согласно п. 1 ст. 1118, полностью исключались какие-либо договоры на этот счет [9]. В настоящее время в результате многочисленных дискуссий о необходимости расширения возможности распоряжения имуществом на случай смерти, проходивших в первые десятилетия XXI в. «де-юре появились не только наследственные договоры, но и совместные завещания супругов, а также возможность учреждать в завещании посмертные наследственные фонды» [6].

Под наследственным договором понимается соглашение наследодателя с потенциальным наследником об условиях и порядке перехода прав на имущество наследодателя после его смерти. Особенностью наследственного договора выступает то, что наследодатель уже при жизни может получить определенные имущественные или неимущественные блага благодаря передаче имущества после смерти лица. Такими имущественными благами могут выступать денежное содержание, обеспечение потребностей в жилище, одежде, питании и др.

Примерами имущественных благ может выступать также уход за домашними животными и их содержание (чаще – частичное), обрабатывание земельного участка и др. В качестве неимущественных благ может выступать посещение концертных залов, библиотек, выставок стороной договора совместно с детьми наследодателя и др.

Чтобы определить место наследственного договора среди распоряжений на случай смерти, необходимо выявить те общие черты, которые объединяют его с иными распоряжениями на случай смерти, а также его отличительные особенности. Прежде чем перейти к рассмотрению каждого из них, важно выявить соотношение таких понятий, как завещательное распоряжение и распоряжение на случай смерти.

Путинцева Е. П., под распоряжением имуществом на случай смерти понимает «волеизъявление гражданина относительно юридической судьбы его имущества после смерти, при этом не порождающее прав и обязанностей при жизни составившего его лица» [8]. Данное волеизъявление направлено на правовые последствия в будущем, но с введением наслед-

ственного договора в определенных случаях права и обязанности могут возникнуть.

Понятия «распоряжение на случай смерти», «завещательное распоряжение» и «завещание» российской цивилистической литературе зачастую используются в качестве синонимов [8]. Данный подход основывается на положениях п. 1 ст. 1118 ГК РФ, действовавших до 1 июня 2019 года, согласно которым распорядиться имуществом на случай смерти можно было только путем составления завещания. Для подтверждения данной позиции дополнительно часто приводится в пример норма п. 3 ст. 572 ГК РФ, где указывается, что договор, предусматривающий передачу дара одаряемому после смерти дарителя, ничтожен.

Из приведенных примеров логично следовал вывод, что единственно возможным распоряжением на случай смерти в России является завещание. При этом завещание, как правило, определялось в качестве односторонней сделки, создающей права и обязанности после открытия наследства, а его специфику, как юридического факта, в том числе - особенности оформления, пределы усмотрения завещателя и иные характеристики, рассматривались и рассматриваются исследователями в зависимости целей исследования [5; 10; 12].

В связи с тем, что до введения положений о наследственном договоре, официально единственно возможной формой выражения воли собственника в отношении принадлежащего ему имущества на случай смерти являлось именно завещание, на практике подобные распоряжения тоже пока в большинстве случаев сводятся к составлению завещания. Видимо по этой же причине немногие ученые проводят разграничение между завещательным распоряжением и распоряжением имуществом на случай смерти. Не случайно, говоря о необходимости подобного разграничения, С. Ю. Филиппова, отмечает, что с принятием норм о наследственном договоре, завещание не является на сегодняшний день единственным вариантом распоряжения на случай смерти [11].

Тем не менее, следует сказать, что и до внесения изменений 2019 года в юридической литературе назывались другие виды распоряжений имуществом на случай смерти помимо завещания. Так, например, в качестве самостоятельного вида распоряжений на случай смерти рассматривалось завещательное распоряжение правами на денежные средства в банках, [4], т. к. оно отличалось и до настоящего времени отличается от обычного завещания не только по форме, но и по субъектному составу. Иногда данное распоряжение называется банковским завещанием [3].

Однако, чаще всего завещательные распоряжения рассматриваются как элементы, определяющие содержание завещания, потому что обычно являются составной частью завещания. Так, по мнению С. С. Желонкина и Д. И. Ивашина, завещательными распоряжениями являются «юридически значимые для наследодателя обстоятельства (действия), наступление либо осуществление которых наследниками является обязательным условием вступления в права наследования либо последующей полноценной реализации права собственности на наследственное имущество» [3].

Можно сделать вывод, что завещательное распоряжение – это веление совершить действие или комплекс действий, осуществление которых приводит к исполнению самого завещания, то есть к исполнению воли наследодателя в отношении оставшегося от него имущества. Такое распоряжение может быть указанием на событие, независящее от субъектов отношения (например, связанное со смертью наследника). В большинстве случаев повышенное внимание акцентируется на наиболее часто встречающихся видах подобных распоряжений: на распоряжении о подназначенном наследнике, о похоронах, об условиях принятия наследства, об исполнителе завещания (душеприказчике) и т.п.

Для всех распоряжений имуществом на случай смерти характерно назначение наследников. Завещатель также вправе указать в завещании другого наследника на тот случай, если назначенное им лицо по каким-либо причинам наследовать не будет или не сможет. Такая правовая конструкция именуется подназначением наследника или наследственной субституцией [9] (п. 2 ст. 1121 ГК РФ).

В толковых словарях, в частности при толковании С. И. Ожеговым, под субституцией понимается «замещение одного другим, обычно сходным по назначению, по функции» [7]. С

учетом этого определения в наследственных правоотношениях субституцией именуется замена первоначального собственника имущества (наследодателя) новым собственником (наследником). Таким образом, наследственная субституция возможна только в случаях, когда основной наследник умирает до открытия наследства, после открытия наследства, не успев его принять, либо умирает одновременно с завещателем, или же вовсе откажется от наследства.

Среди завещательных распоряжений особое место занимают те, что касаются условий принятия наследства и обременений наследственного имущества. Наибольшее внимание все исследователи в данном случае уделяют завещательному возложению и завещательному отказу. Завещательное возложение состоит в том, что на потенциальных наследников возлагается обязанность совершать действие имущественного или неимущественного характера, направленное на совершение общепольной, не противоречащей закону цели (п. 1 ст. 1139 ГК РФ). Данная цель полезна не только для государства и общества, но и для неопределенного числа лиц (спонсорская помощь и др.) Завещательный отказ носит более конкретный характер, так как наследник за счет наследства обязуется в будущем произвести исполнение имущественной обязанности в пользу третьих лиц, именуемых отказополучателями (п. 1 ст. 1137 ГК РФ). В связи с тем, что содержание завещания может исчерпываться завещательным отказом (п.1 ст.1137, то вполне логично, что законодатель предусмотрел для завещателя возможность подназначения отказополучателя (п.3 ст. 1138 ГК РФ). Для завещательного отказа, равно, как и для завещательного возложения характерно право следования.

Еще одним из распространенных видов выступает завещательное распоряжение об исполнителе завещания (душеприказчике). С 1 сентября 2018 года исполнителями могут быть гражданин или юридическое лицо. Собственноручная надпись гражданина на самом завещании выражает его согласие быть исполнителем этого завещания, для юридического лица такая надпись производится лицом, уполномоченным действовать от имени такого юридического лица без доверенности (ст. 1134 ГК РФ) [1].

Значительная часть завещательных распоряжений, предусмотренных изначально для определения содержания завещания, может входить и в содержание наследственного договора. Например, в наследственном договоре стороны могут согласовать условия об обременениях наследства или его отдельных частей, условия о душеприказчике и т.п..

Представляется, что в данном случае соответствующие завещательные распоряжения являются составной частью распоряжений на случай смерти, представленных в форме завещания, наследственного договора или иного вида распоряжения на случай смерти. Каких-либо самостоятельных требований к форме таких завещательных распоряжений законодатель не содержит, т.к. их форма обусловлена (предопределена) требованиями к форме завещания или наследственного договора.

В то же время в отношении отдельных видов имущества в разных нормативных правовых актах предусмотрена возможность их оформления в виде самостоятельных документов, именуемых как завещательное распоряжение или как распоряжение на случай смерти. Одним из них является распоряжение о денежных средствах, находящихся на банковских счетах и вкладах наследодателя. В п. 1 ст. 1128 ГК РФ указывается, что «права на денежные средства, внесенные во вклад или находящиеся на любом другом счете гражданина в банке, могут быть по его усмотрению завещаны в обычном порядке либо посредством совершения завещательного распоряжения в письменной форме в том филиале банка, в котором находится этот счет» [1].

Иными словами, распоряжение относительно средств, которые находятся на счете, может содержаться в качестве одного из условий наследственного договора или завещания. Во втором случае, как уже отмечалось, данный вид завещательного распоряжения отличается спецификой его оформления, имеет особенности, связанные с его отменой и изменением. При этом детально регламентирован порядок его совершения. В частности, завещатель обязан его подписать только собственноручно, что не позволяет оформить подобное распоряжение лицом, которое по какой-либо причине сделать это не может, хотя и является владельцем

счета (вклада) [2].

В первом случае завещательное распоряжение будет одним из условий другого распоряжения на случай смерти, а во втором - самостоятельным распоряжением на случай смерти. Как видим, подход законодателя к соотношению указанных понятий здесь уже отличается, на что обращается внимание в научной литературе.

Сложность выявления соотношения распоряжений на случай смерти и завещательных распоряжений состоит еще и в том, что правовые нормы, определяющие их содержание и требования к их документальному оформлению не систематизированы и могут содержаться не только в разных разделах Гражданского кодекса РФ, но и в иных законах [10]. Их можно найти в законодательстве о страховании и в семейном законодательстве, в законах о трансплантации и о погребении, в законодательстве об охране здоровья.

Учитывая, что наследственный договор всегда является самостоятельным видом распоряжения на случай смерти, обладающий своей спецификой, порядком заключения, изменения и прекращения, при определении его содержания важно учитывать различия в подходах законодателя к определению допустимости самостоятельности разных видов завещательных распоряжений с тем, чтобы в дальнейшем не возникло проблем, связанных с определением юридической силы наследственного договора и иного распоряжения на случай смерти.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 18.03.2019) // СПС КонсультантПлюс
2. Постановление Правительства РФ от 27 мая 2002 г. № 351 «Об утверждении Правил совершения завещательных распоряжений правами на денежные средства в банках» // СПС КонсультантПлюс
3. Желонкин С.С., Ивашин Д. И. Наследственное право: учебное пособие. М.: Юстицинформ. 2014. // СПС КонсультантПлюс
4. Малая Т.Н. Завещание как форма реализации конституционного права частной собственности // Проблемы конституционного и муниципального права: Сб науч. тр. Архангельск: Архаг. гос. техн. ун-т. 2003. С. 37-38.
5. Малая Т.Н. Пределы свободы волеизъявления завещателя по распоряжению земельным участком // Экологическое право. 2006. № 4. С.7-8;
6. Наследственное право (Включая наследственные фонды, наследственные договоры и совместные завещания) (4-е издание, переработанное и дополненное) / Крашенинников П. В. М.: Статут, 2019 // СПС КонсультантПлюс
7. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка [Текст] : 100000 слов, терминов и выражений : [новое издание] / Ожегов С.И.; под общ. ред. Л. И. Скворцова. - 28-е изд., перераб. – М.: Мир И образование, 2015. - 1375с.
8. Путинцева Е. П. Распоряжения на случай смерти по законодательству Российской Федерации и Федеративной Республики Германия. М. : Статут, 2016. 160 с.
9. Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / Отв. ред. Е.А. Суханов. – 2-е изд., стереотип. – М.: Статут, 2011. 961 с.
10. Смирнов С. Проблема условных завещаний в российском праве: история и перспективы. // Право и жизнь. 2011. № 153. С. 281-292.
11. Филиппова С. Ю. Распоряжения на случай смерти: опыт систематизации норм частного права / С. Ю. Филиппова // Вестн. Моск. Ун-та. № 4. 2017. С. 29-46
12. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. 10-е изд. М.: Изд. Бр. Башмаковых, 1912. С. 784.
13. Янушкевич Е.А. Понятие и содержание завещания // Вестник Удмуртского университета. 2006. № 6. С. 44

Сведения об авторах

Малая Т. Н. – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета ФГБОУ ВО «Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва», г. Саранск, tmalaya@mail.ru

Челмакина А. А. – студентка 4 курса юридического факультета ФГБОУ ВО «Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва», г. Саранск, a_chelmakina@mail.ru

UDK 347.65/68

PLACE OF INHERITANCE AGREEMENT AMONG DEATH ORDERS

T.N. Malaya, A.A. Chelmakina

Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education «National Research Mordovian State University named after N. P. Ogaryova»

The article deals with the provisions of the inheritance contract as the basis for inheritance, as well as its place among testamentary orders. In the Russian Federation, a hereditary agreement, in essence, represents the third basis for inheritance, along with a will and inheritance under the law. This basis creates additional opportunities for citizens to dispose of their property in case of death, which in the future should have a positive impact on the development of civil law relations. In this regard, consideration of the legal nature of the inheritance agreement is relevant.

Key words: inheritance contract, inheritance, testament, heir, death orders.

References

1. Grazhdanskiy kodeks Rossijskoj Federacii (chast` tret`ya) ot 26.11.2001 № 146-FZ (red. ot 18.03.2019) // SPS Konsul`tantPlyus
2. Postanovlenie Pravitel`stva RF ot 27 maya 2002 g. № 351 «Ob utverzhdenii Pravil soversheniya zaveshhatel`ny`x rasporyazhenij pravami na denezhny`e sredstva v bankax» // SPS Konsul`tantPlyus
3. Zhelonkin S.S., Ivashin D. I. Nasledstvennoe pravo: uchebnoe posobie. M.: Yusticin-form. 2014. // SPS Konsul`tantPlyus
4. Malaya T.N. Zaveshhanie kak forma realizacii konstitucionnogo prava chastnoj sobstvennosti // Problemy` konstitucionnogo i municipal`nogo prava: Sb nauch. tr. Arxangel`sk: Arxag. gos. texn. un-t. 2003. S. 37-38.
5. Malaya T.N. Predely` svobody` voleiz`yavleniya zaveshhatelya po rasporyazheniyu zemel`ny`m uchastkom // E`kologicheskoe pravo. 2006. № 4.S.7-8;
6. Nasledstvennoe pravo (Vklyuchaya nasledstvenny`e fondy`, nasledstvenny`e dogovory` i sovместny`e zaveshhaniya) (4-e izdanie, pererabotannoe i dopolnennoe) / Krashennikov P. V. M.: Statut, 2019 // SPS Konsul`tantPlyus
7. Ozhegov, S. I. Tolkovy`j slovar` russkogo yazy`ka [Tekst] : 100000 slov, termi-nov i vy`razhenij : [novoe izdanie] / Ozhegov S.I.; pod obshh. red. L. I. Skvorczova. - 28-e izd., pererab. – M.: Mir I obrazovanie, 2015. - 1375s.
8. Putinceva E. P. Rasporyazheniya na sluchaj smerti po zakonodatel`stvu Rossij-skoj Federacii i Federativnoj Respubliki Germaniya. M. : Statut, 2016. 160 s.
9. Rossijskoe grazhdanskoe pravo: Uchebnik: V 2 t. T. I: Obshhaya chast`. Veshhnoe

pra-vo. Nasledstvennoe pravo. Intellektual'ny'e prava. Lichny'e neimushhestvenny'e prava / Otv. red. E.A. Suxanov. – 2-e izd., stereotip. – M.: Statut, 2011. 961 s.

10. Smirnov S. Problema uslovnny'x zaveshhanij v rossijskom prave: istoriya i perspektivy` // Pravo i zhizn`. 2011. № 153. S. 281-292.

11. Filippova S. Yu. Rasporyazheniya na sluchaj smerti: opyt` sistematizacii norm chastnogo prava / S. Yu. Filippova // Vestn. Mosk. Un-ta. № 4. 2017. S. 29-46

12. Shershenevich G.F. Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava. 10-e izd. M.: Izd. Br. Bashmakovy`x, 1912. S. 784.

13. Yanushkevich E.A. Ponyatie i sodержanie zaveshhaniya // Vestnik Udmurtskogo universiteta. 2006. № 6. S. 44

Author`s information

Malaya T. N. - PhD in Law, Associate Professor, Department of Civil Law and Law, Faculty of Law, National Research Mordovian State University named after N. P. Ogaryova, Saransk, tmalaya@mail.ru

Chelmakina A. A. - 4th year student of the Faculty of Law of the National Research Mordovian State University named after N. P. Ogaryova, Saransk, a_chelmakina@mail.ru

ЭКОНОМИКА. СОЦИОЛОГИЯ. ПРАВО.

**Свидетельство о регистрации средства массовой информации
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Эл. № ФС77-65142 от 28.03.2016 г.**

Главный редактор журнала:
доктор экономических наук, профессор
О.В. Бабич

Адрес учредителя:
ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
241036, г. Брянск, Бежицкая, 14.

Адрес редакции и издателя:
РИО ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского».
241036, г. Брянск, Бежицкая, 14.

Дата выхода журнала в свет 30.06.2020 г. **16+**